

АНАРХИЯ В ЭПОХУ ДИНОЗАВРОВ



написано бригадой
лоб опытного Джорджа

CODEPЖАНИЕ

От переводчиков.....	3
Как забыла о гражданской войне в Испании и научилась любить анархию.....	4
Как использовать эту книгу.....	5
Примечание редактора.....	7
Лирическое вступление.....	10
Мечта о массе.....	13
Иллюзии контроля.....	18
Государство — это машина.....	22
Конец динозавров — это только начало.....	25
Следующий поезд.....	26
По ту сторону занудства и угара.....	36
Бабочки, мёртвые герцоги, цепное колесо и министерство странностей.....	46
Ячейка, шайка или аффинити-группа?.....	54
Гордость, Чистота и Проекты.....	56
На пороге анархического сообщества.....	57
Нельзя взорвать социального эколога.....	60
Вся жизнь - кампания протеста.....	62
Связи долгой.....	64
Отвага заразительна.....	74
Героические сообщества.....	75
Народная сказка "Даже у ангелов и собак есть маски".....	82
Инфраструктура, ради всего святого!.....	87
Господа офицеры, граната!.....	94
Конец самонадеянности.....	105
СДЕЛАЙ-САМ-метрополии.....	114
Неэффективная утопия.....	131
Это - народная анархия!.....	142
Письмо из Женевы.....	161
Контактная информация.....	163

От переводчиков

300 антиавторитарных антифашистов блокировали улицу Тверскую и прошли маршем от Пушкинской площади до Белорусского вокзала." "20 футбольных болельщиков переходили улицу Тверскую в неположенном месте и тем самым создали массивные пробки в центре города." "75 антифашистов пришло 4 ноября на антифашистский митинг "Русские против фашизма." "На наш митинг мы привлекли новых людей, их много, на нашем митинге было 400 человек." "5000 фашистов маршировало в Люберцах 4 ноября 2009 года, более 1000 собралось на концерт КВТ под стены Кремля." "По сведениям проекта nazi-watch, на фашистском марше в люберцах было не более 1-2 тысяч человек и порядка 400-500 человек на концерте у стен Кремля." "Сколько человек в вашей аффинити-группе?" "Сколько человек в их мобе?"

В одной Москве с учётом ежедневной миграции проживает более 13 миллионов человек. В России нас более-менее около 137 млн. Заигрывания с "массовостью" как левых, так и правых активистов не могут не смешить. Все эти "сотни" и даже "тысячи" смотрятся ничтожно жалко на фоне нескольких десятков ОМОНцев и испуганных солдатиков ВВ. Судьба РМ-2008 наглядно показала, что власть в нашей стране с легкостью контролирует и управляет всеми более-менее массовыми централизованными движениями, изолируя и дискредитируя радикальное меньшинство, одновременно кооптируя легистское большинство. Подобно доисторическим ящерицам многие наши товарищи в стране победившего людоедского капитализма ищут уверенности и силы в массе. Ещё два новых лица на демонстрации. Ещё три подписи на петиции. Грызня за и так скромные людские и временные ресурсы.

Эта книга - про них и для вас, анархистки и анархисты! Она написана нашими американскими друзьями, и всё же в ней есть много всего и про Грецию, и про Францию, и про Россию.

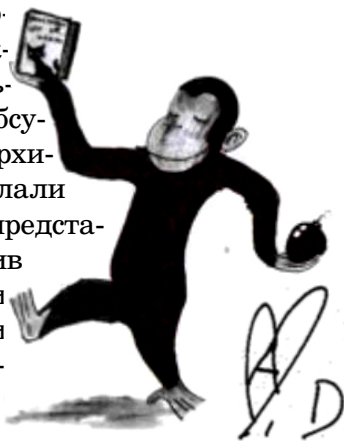
Наконец-то, книга написанная и переведённая анархистками и анархистами ими же свёрстана и напечатана! Надеемся, наши труды не были напрасны, и с каждым днём мы будем видеть всё больше маленьких, но ярких огоньков, сливающихся в завораживающее и неумолимое пламя революции.

КАК Я ЗАБЫЛА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ И НАУЧИЛАСЬ ЛЮБИТЬ АНАРХИЮ

Кажется, что лето почти наступило - меня так долго стесняли эти стены во время работы над этой книгой! Сейчас я поняла, что мы так и не закончили разговор о гражданской войне в Испании: о том революционном миге, когда анархисты подошли так близко к непосредственному созданию нового общества, за которое не только стоит умереть, но в котором стоит жить.

Наши беседы, казалось, продлятся вечно. Ты рассказал мне о фоне, на котором разворачивались события, ты насытил моё сознание полными реализма деталями о народном ополчении и коллективах, сопротивлении и солидарности - обо всём. Я всегда думала об этом: "мы были так близки к этому", это то, чем следует восхищаться и что буквально овладевает умом. Меня почти сводили с ума возможности, которые они имели! Как мы могли не превратить в миф борьбу таких далёких мест, как Испания, и не предаваться мечтам о том, каково это: участвовать в настоящей революции?

Сегодня, просматривая страницы этой книги, я поняла: мне плевать на гражданскую войну в Испании. Не сказать, что она не была важным моментом истории, но только лишь легенд для меня теперь недостаточно. Я не думаю о них, как о "реальных" анархистах в сравнении со "второсортными" анархистами, которыми мы видим друг друга. Нам приходится жить и бороться с тем, с чем мы сталкиваемся сегодня. Анархисты революционной Испании, возможно, хотели бы, чтобы мы вели свою борьбу, а не тратили столько времени на обсуждение их борьбы! Испанские анархисты были простыми людьми, и они делали именно то, что сделаем и мы, когда представится удобный случай. Наш коллектив работал над этой книгой больше года, и это залп из всех стволов по анархии сегодня. Я надеюсь, вам она понравится.



Как использовать эту книгу

То, что вы держите в руках - не совсем обычная книга. Думайте о ней лучше, как о ДНК-архиве или паре болторезов. Другими словами – это вызов. Книги о "политике" обычно имеют конкретную цель и содержат подробные рассуждения, и от вас ожидается, что либо вы броситесь их защищать, либо безжалостно атакуете. Если они успешны, то, как нам говорят, авторы обеспечат поддержку для конкретной фракции, или же дискредитируют фракцию-конкурента. Мы надеемся на нечто совершенно другое, на то, что книга поставит перед вами вопросов не меньше, чем даст ответов. Думайте об этом как о собрании заметок натуралиста, написанных антропологами-диссидентами, которые сожгли свои дипломы для того, чтобы жить в лесу и взбираться на небоскрёбы. Помимо промысла в национальных инфо-центрах, мы записывали брызжащие пророчества торговцев фалафелем на углу улиц, сочиняющих любовную лирику под маской политических памфлетов, - и жили политикой, маскируя её под любовную лирику. Мы - анархисты, культивировавшие своё сопротивление в сердце Американской империи. А это - наш маленький вклад в сообщества сопротивления, которые питали наши надежды и взрастили амбиции.

Когда вы закроете эту книгу, вам больше нечего будет с ней делать. Вы можете похоронить её на в своём книжном шкафу, или же, если она действительно представляет собой какую-то ценность, отдать другу.

Не позволяйте этой книге гнить на полке. Отдайте её кому-нибудь, оставьте её на какой-нибудь пустой автобусной остановке, чтобы её нашёл незнакомец или же используйте её для того, чтобы согреться холодной ночью. Единственный путь избавиться от этой книги - это сжечь её.

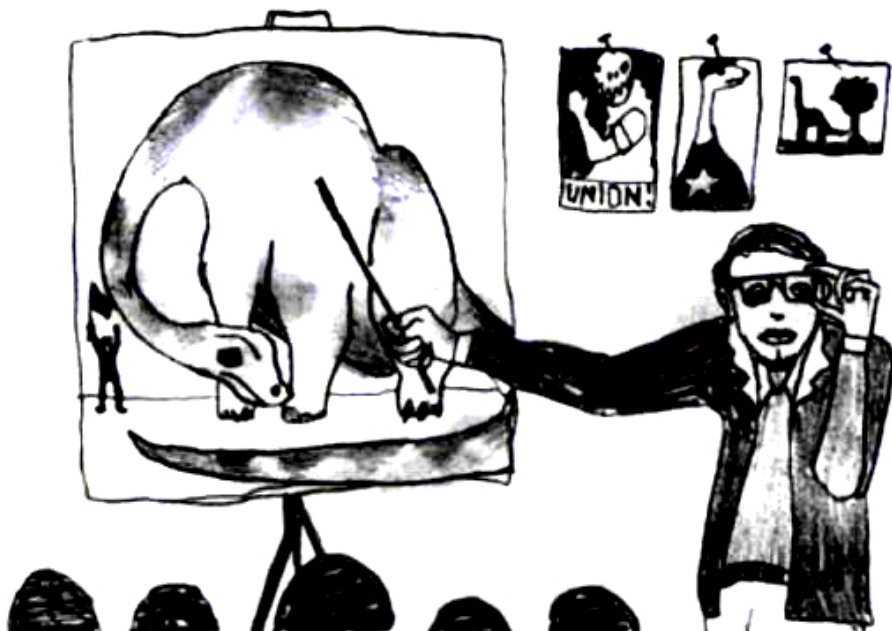


Анти-копирайт 2003. Всё, опубликованное здесь, доступно для некоммерческого использования: воспроизведения, копирования, одалживания, искажения смысла, плагиата, или кражи рисунков, идей или текста для вашего личного пользования.



ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Ниже следуют неотредактированные заметки Доктора Эррола Фолкланда из его последнего журнала. Доктор Фолкланд — один из ведущих исследователей палеополитикологии и его новейшие исследования были опубликованы в "Природе", "Левом повороте" и "Палеополитикологический обзор Новой Англии". Он и несколько его студентов из университета Ферре провели это лето на новых местах раскопок. Мы хотим поблагодарить Доктора Фолкланда и его студентов за представленный доступ к этим прежде не опубликованным открытиям.



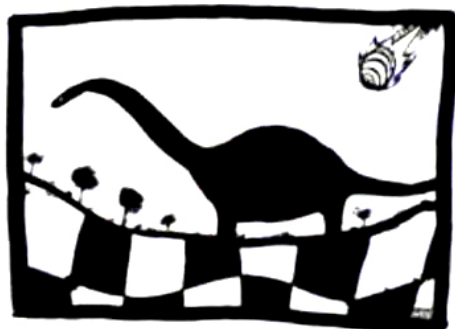
5/1: На этой неделе мы нашли исключительно богатый участок на перекатах Аппалачи в юго-западной Пенсильвании. Были найдены несколько образцов в отличном состоянии, включая первый полный скелетный останок, который можно отнести к Пролетариан Максимус. Пролетариан Максимус, несомненно, является предком множества других малых форм Пролетариануса (таких как Класс-азаурус, Анархо-коммитариус, Синдикалиус и Полиониорус) Нечто, представляющее наибольший интерес в этом открытии - это то, что бросаются в глаза политико-экологические факторы, которые позволили каким-то образом такому тяжеловесному чудовищу дожить до современной эпохи. Хотя среди исследователей существуют некоторые разногласия, сейчас уже практически нет сомнений, что ныне изолированные и подверженные опасности вымирания виды вроде Вобблиентаоров и тому подобные, находятся в непосредственном родстве с этим чудовищем середины XIX века.

Характерные черты этого животного - это его колоссальный размер, медлительность и склонность попадать в болото. Этот конкретный экземпляр был, без сомнения, вырезан Федерал-Рекс. За прошедшие десятилетия, были найдены несколько частичных останков Пролетариана Максимуса. Предположительно их медлительность сделала их лёгкой добычей не только для Федерал-Рекс, но также и для Птералпинкертонов и других более крупных и опасных хищников середины XIX начала XX веков.

Эволюционно эти животные полагались на всё большую и большую массу, чтобы защитить себя от хищных животных класса Капитализаурус. Их неспособность адаптироваться и зависимость от личных конфронтаций с большими хищниками, часто делали их лёгкой добычей для этих убийц. Лишь небольшие формы, казалось, умирали своей смертью, очевидно, не являясь для хищников достойной пищей, они перебрались в маргинализированные районы Северной Америки, такие как университетские кампусы.

Пролетариан Максимус Северной Америки даже опытными палеополитологами часто ошибочно считается тем же животным, что и Пролетариан Максимус Европейский, или даже специализированным гибридом

Пролетариана Максимуса Испанского Иберийских равнин. Таксидермический анализ (наряду с новым исследованием экскрементов) указывает на важные различия и подробно объясняет причины недостаточного роста Североамериканского Пролетариана Максимуса.



ВМЕСТО МАНИ- ФЕСТА

Мы живём в век динозавров. Повсюду вокруг нас огромные социальные, экономические, и политические чудища ломаются сквозь разрушенную среду обитания, отбрасывая угрожающие жизни тени на всю планету. В наших сообществах идёт титаническая борьба по мере того как Капиталист-Рекс и Режим-азаурус борются, чтобы набить свои животы как можно большим количеством ресурсов и мощью, в то же время удерживая на расстоянии конкурирующие виды, такие как вновь расцветшие Птеррор-дактили. Битва между этими гигантами ужасна, она продолжает бушевать, но она не может затянуться надолго. Эволюция – против этих обречённых на неудачу тиранов. Их солнце уже клонится к горизонту, а яркие глаза других существ поблёскивают в темноте, требуя чего-то иного.

Не все эти глаза сильно отличаются от глаз сражающихся ныне хладнокровных повелителей, властвующих в настоящее время на Земле. Они вдохновили более мелких динозавров, ожидающих своей очереди для властвования. Эти малыши – окаменелые идеологии Левого фланга. Несмотря на заманчивые обещания, они предлагают только привлекательную версию существующей системы, и, в конечном счёте, не дают большей свободы, чем большие хозяева, такие как "социалистические" органы государственного управления и власти Западной Европы. Их когти, возможно, коротки и их зубы не столь острые, но их аппетит и используемые ими методы - те же, что и у их больших родственников. Они тоскуют по массе: извечная мечта ребёнка быть большим. Они верят: если они наберут достаточную массу, с помо-

щью партий, организаций и движений, они смогут потеснить главных динозавров и вырвать власть из их лап.

В холодной тени ночи, на верхушках деревьев позабытых лесов, и на улицах опустошённых городов всё ещё можно встретить другие глаза. Острые глаза и стройные тела, вскормленные надеждой, глаза, которые блестят возможностью независимости. Эти маленькие создания живут на периферии, в тени динозавров. Их уши не реагируют на призывы маленьких динозавров, которые хотят уничтожить их и породить "одного большого динозавра", чтобы захватить всех остальных. Этих маленьких теплокровных созданий множество, и они разнообразны, они живут в отвергнутом изобилии мира, которое динозавры, с высокомерием растаптывают. Они строят тайные планы сообща в тени и танцуют, пока уставшие гиганты спят. Они строят и творят, ищут новые пути для жизни и вновь открывают забытые, уверенные в том, что деспотизму придёт конец.

Мы знаем, что суровое царствование не продлится вечно. Даже динозавры знают, что придёт конец их века: метеорит, несомненно, попадёт в цель. Как бы то ни было, усилиями пытливых теплокровных или же по причине необъяснимой катастрофы, тёмным дням гигантской власти рептилий придёт конец. Однообразная униформа щитовок будет заменена перьевым костюмом, пухом и эластичной кожей миллиона оттенков.



МЕЧТА О МАССЕ



Фатальный недостаток динозавра — его ненасытное желание массы. Корни этого сумасшедшего стремления лежат в той удушающе-дымной ночи 19-го столетия, той ночи, которую мы до сих пор не оставили позади. Точное происхождение этого стремления стать (большой) массой нас тут не интересует. Вместо этого мы хотим попробовать понять, как это мышление динозавра пробирается в наши современные культуры сопротивления, и что мы можем сделать, что мы можем создать вместо него.

Это желание массы определяет практически всё, что делает динозавр. Эта ненасытная страсть управляет не только его решениями, но и всей его организацией. Массовые организации имеют привычку, даже при мирных контактах (неважно, со СМИ или потенциальными союзниками), гордо стучать себя в грудь и делать вид, что они больше, чем на самом деле. Точно как и первые динозавры, которые проводили всё своё время в поисках пищи, динозавры левых используют большую часть своих ресурсов и своего времени на то, чтобы гоняться за фантомом массы: больше тел на демонстрации, больше подписей под петицией и больше новичков.

Продолжительная популярность массы является, бесспорно, рудиментом прошедших революционных дней. Все одинокие души, которые в тени гигантских капиталистических рекламных щитов и под взглядами хорошо вооружённых полицейских тайком продают радикальные газеты, в тайне мечтают о штурме Бастилии, Зимнего дворца или входе мас в Гавану. В этих фантазиях незначительная личность чудесным образом превращается в цунами с исторической силой. Отказ от собственной индивидуальности кажется приемлемой ценой за шанс стать чем-то большим, чем аппарат угнетения. Эту мечту подпитывают большая часть левых, даже многих

анархистов: превращение маленького хрупкого млекопитающего в гигантскую неудержимую рептилию.

Мечта о массе поддерживается традиционным языком образов левых: огромные однообразные массы, гигантские рабочие на фресках и рисунках, которые представляют растущую мощь пролетариата и съёмки из воздуха миллионных уличных демонстраций. Такие образы часто привлекательны, романтичны и придают мужества. Короче говоря, это - хорошая пропаганда. Тем не менее, мы не должны покупаться на них и считать их настоящими. Эти образы не более реальны или желательны, чем хитроумная реклама циничной капиталистической системы.

Анархисты традиционно относились критично к однородности, сопровождающей всякую массовость (массовая продукция, СМИ, массовое уничтожение). Тем не менее, некоторые из нас кажутся не в состоянии противостоять образу массы людей, которая наполняет улицы и скандирует «Солидарность навсегда!» Такие понятия как «массовая мобилизация», «рабочий класс» и «массовое движение» до сих пор царят в наших дискуссиях. Мечты о захвате власти и революции воздействуют на наше восприятие сражений былых времён: мы купили открытку из прошлого и теперь сами хотим испытать то же самое. Если нашим мерилом является немедленное массивное изменение всего мира, то усилия небольших коллективов или аффинити-групп всегда обречены на провал.

Общество потребления наполняет наши головы лозунгами вроде «чем больше, тем лучше», «количество вместо качества» или «сила в численности», так что неудивительно, что мечта о ещё большем и лучшем массовом движении столь превалирует среди радикалов всех цветов. Не стоит забывать, сколько творчества, жизни и новаторства исходит от тех, кто отказывается от ассимиляции. Зачастую, небольшая группа, презируемая мейнстримом, делает фантастические открытия. Всё равно, крестьяне из Чиапаса или фрики из школы: это люди, которые отказываются быть всего лишь ещё одним лицом в толпе.

Страсть к массе ведёт к ряду ошибочных решений и видов поведения. Самая опасная тенденция — это стремление к размыванию и ослаблению нашей политики и наших целей, что-

бы получить поддержку широких слоёв населения. Это слишком частое решение ведёт к слабым однообразным кампаниям, которые являют собой политический эквивалент профессионально выполненных баннеров и транспорантов, монотонно повторяющих догмы организаторов на многих демонстрациях и маршах протеста. Несмотря на заверения касательно локальной борьбы, проектов и кампаний они только являются полезными для динозавра, когда они интегрированы в массу и могут быть ею поглощены. Многообразие тактик, начинаний и тем, которые легко развиваются в гетерогенных группах, должно быть гладко раскатано компромиссами, чтобы они могли быть подчинены какому-нибудь легкоперевариваемому лозунгу и цели. В этом кошмаре наши цели и акции деградируют до кучки подписных формуляров для одобренных государством демонстраций протеста или же до имён в многотысячном списке подписантов петиций, становятся мерой веса. Короче: массовой деятельностью.

Мы расплачиваемся за это прибавление в массу придушенным творчеством и скомпромитированными целями. Идеи, которые могли бы отпугнуть СМИ или нечто более сложное, чем простые лозунго-подобные послания вроде «Не хотим оплачивать нефть кровью» или «Это - не мой президент» избегаются, так как они могут вызвать расколы и дискуссии, и тем самым, уменьшить массу. Здоровые внутренние дебаты, различия мнений и региональные различия должны быть сокращены. При этом речь идёт именно о тех различиях, которые делают наше сопротивление таким приспособляемым и гибким, и тем самым, ведут к самым смелым новациям.

В этих печальных и абсолютно предсказуемых ситуациях хорошая фраза — верх всего. Во всякий момент времени все глаза направлены на одну высшую цель: размер. Масса. Стремление к массе и однородности (которые идут рука об руку) ограничивает неконформистские и радикальные инициативы людей, которые хотят попробовать что-то новое. Часто высказываемый упрёк касательно творческих или милитант акций — что они не очень хорошо воспринимаются СМИ, что они ослабляют наше общее послание или что они отпугивают определённых избирателей и потенциальных союзников. Требования конформности, как правило представляемые

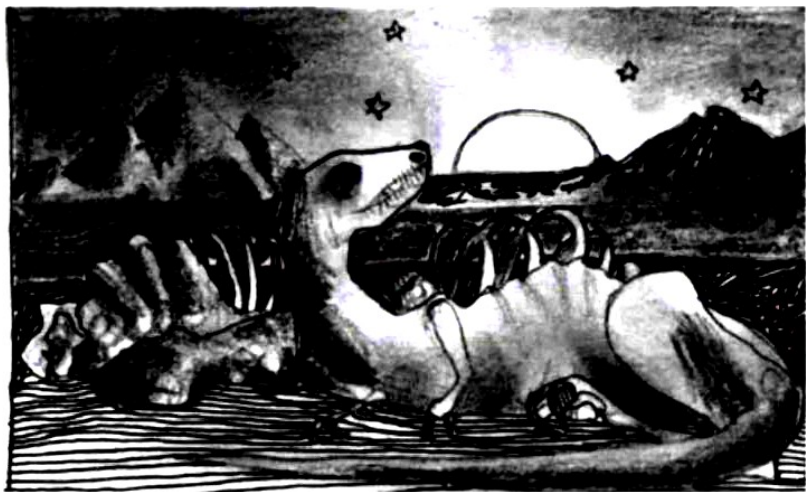
циничным стучанием себя в грудь и воплями о «единстве», являются мощными и эффективными средствами для цензуры страстного сопротивления тех, кто не чувствует себя обязанным массовой политике, то есть совместимой с массами политике. То, чего нам не достаёт на наших демонстрациях и в наших сообществах — это не единство и конформность, а честная солидарность.

Чтобы достичь своих целей динозавры используют страх. Они пользуются опасностями, с которыми мы сталкиваемся каждый день в наших сообществах. Массовые организации обещают нам безопасность и силу через массу. То есть, если вы готовы принести свои идеи, устремления и инициативы в жертву динозавру, вы, наверняка будете защищены в его огромном животе. Без сомнения, многие люди готовы подчинить свои послания, цели и формы сопротивления чувству безопасности, но эти обещания безопасности, исходят ли они от разрешений на демонстрацию или длинных листов с подписями, абсолютно бесполезны. Государство весьма опытно, когда речь заходит о том, чтобы парализовать массовые движения: так как предполагаемая сила динозавра заключается в его весомом размере, всё, что должно сделать государство — это вырезать определённую часть движения из общего тела. Это происходит посредством арестов, поглощения небольших инициатив и групп, малюсеньких поблажек, запугивания или в виде предложения «нескольких мест за круглым столом». Через раскол движения на группы, которые затем могут быть по отдельности поглощены, и на радикальное меньшинство, движение теряет силу, мораль падает. Этот, постоянно использовавшийся в различные эпохи метод весьма эффективен, если государству нужно устранить движения, которые выступают за социальные и политические изменения.

Но есть и другие мечты: мечты об анархии, в которых не маячат тяжёлые прото-динозавры. Это не мечты о «революции», но о многих тысячах революций, которые могут быть ограниченны регионально или могут быть интернациональными, и одновременно могут обладать оригинально-изобретательным и воинственным характером. Монокультура большого движения в поисках «революции» не обращает внимания на

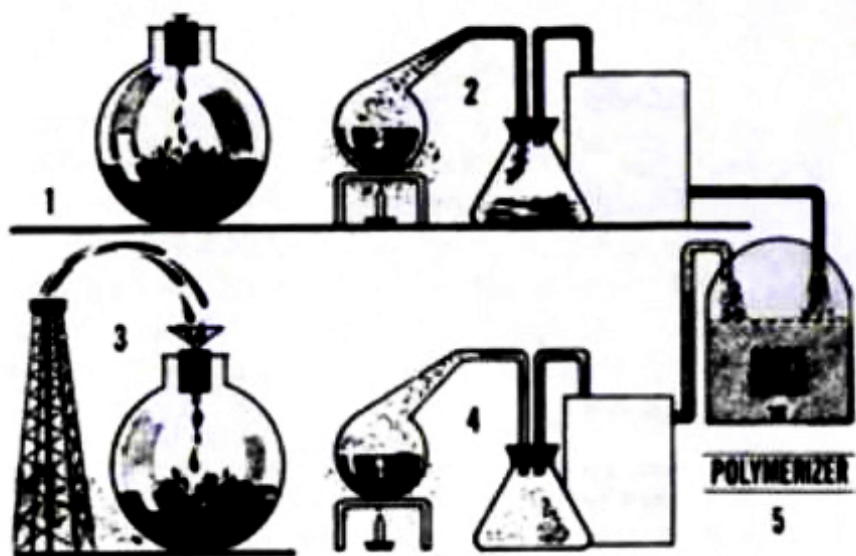
жизненный опыт отдельных людей. В Северной Америке мы, как анархисты, создаём нечто новое. Иногда мы, даже не подозревая об этом, сдираем мешковатую кожу с динозавра левых, и создаём при этом дикие и непредсказуемые формы сопротивления: множество сражений, все они значительны и все они с друг другом связаны.

Мечты анархистов — это кошмары небольших динозавров. Неважно, являются они политиками из Вашингтона, хорошо оплачиваемыми профсоюзными чиновниками или партийными бюрократами. В одном ненаправленном течении индивидов и небольших групп сопротивление может функционировать везде и всегда. В последние несколько лет, т.е. с конца 90-х годов прошедшего столетия, замес из движения против глобализации, локального активизма, местных кампаний, анархо-бродяг и технических фриков — связанных солидарностью в интернациональное сопротивление — создали нечто совершенно новое. Мы просто заменяем массовое движение огромным количеством движений, в которых нет причины подчинять наши страсти, прятать наше творчество и отказываться от нашей воинственности. Нетерпеливым может показаться, что нас слишком мало, и что мы добиваемся лишь малых побед. Но если мы откажемся от претензий на массовое превосходство, то мы увидим, что в малом не только красота, но и настоящая сила.



Иллюзии контроля

Когда динозавры сталкиваются с ураганной дикостью реальности, они впадают в горячую манию величия и контроля. В своём безумии они создают мир совершенно заново. Они просто растаптывают дикость и ставят на её место пустырь, который отражает их собственную пустоту. Некогда невероятное и сложное разнообразие природы замещается мертвой простотой асфальта и бетона.



Эта мания контроля глубоко коренится во всех динозаврах и тех кто соприкасается с ними. Даже во многих самоопределившихся революционерах. Эта мания контроля влияет как на наши отношения с другими людьми, так и на способ, каким мы выражаем наши мысли и живём свою жизнь. Если мы взглянем на американское общество поближе, то мы не сможем не заметить большое количество жертв домашнего насилия, жестокого воплощения своих интересов, институционализированной гомофобии, сексизма и расизма. Тем же способом, как динозавры разрушают экосистемы, их социальные отно-

шения с союзниками и партнёрами основываются на эффективности, контроле, росте и ориентации на прибыль. Анархисты тоже запятнали себя таким поведением. То, что раньше было сообществом, общностью, становится движением; друзья замещаются просто союзниками. Мечты вырождаются в идеологии, а революция становится работой. Революционеры отчаянно пытаются контролировать мир, который их окружает — бессмысленное начинание, так как мир контролируется двухголовым чудовищем, помесью из Режима-зауруса и Мультинациобизнес-завра. Многие радикалы избегают реальности и коротают свой призрачный век в революционном прошлом или будущем. Поэтому неудивительно, что революционеры, верующие в свою собственную риторику, перегорают, или, что ещё хуже, становятся теоретиками в кресле. Это ведь проще, просто размышлять о будущем, чем предпринять что-то в настоящем.

Проще теоретически философствовать о мире или разговаривать о революции, чем создать реальную революцию. Предсказания и постулаты о том, какая группа всё же является самой революционной, — ещё более смешны. Эти теоретики, эти совершенные эксперты-потребители присваивают себе право, устанавливать тех, кто в розовом будущем сделает революцию. Кого же они выберут на этот раз? Рабочих? Пролетариат? Молодёжь? Цветных? Жителей стран Третьего Мира? Всех, только не себя.

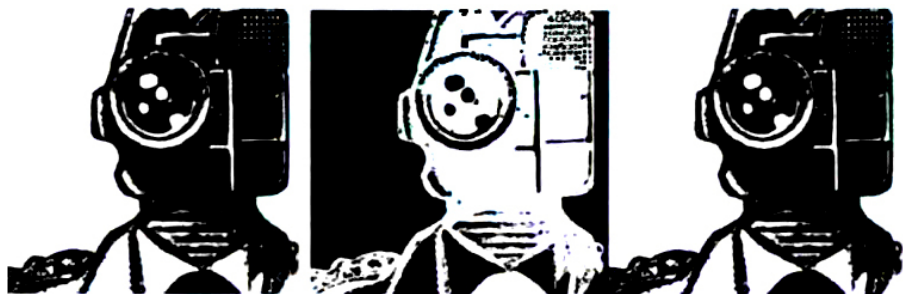
Никто не знает, как эта революция будет выглядеть, ещё меньше об этом знают лепечущие теоретики в креслах, которые не знакомы со своим окружением, но ищут полноценной диалектики. Люди, прочно стоящие на ногах, знают, что никакая книга о революционных теориях не может содержать каждую деталь будущего. Большинство из того, что называется «революционным», для обычных людей неважно. Голоса сопротивления в сообществах живы благодаря своим маленьким акциям таким образом, что ни одна теория не может описать. Кто не обманывает при уплате налогов, не пытается обойти копов стороной или не прогуливает школу? Эти действия, может быть, и не революционны, но они направлены против контроля сверху. Анархистские идеи должны быть важными для повседневных проблем людей и при этом обла-

дать достаточной гибкостью, чтобы вести борьбу в различных ситуациях и контекстах. Если мы достигнем этого, то сможем наслаждаться миром без динозавров. Возможно, мы сами принадлежим к счастливцам в одном из тех сообществ, которое приложит руку к их уничтожению.





Государство это машина



Против экспертов и эффективности

Анархисты создают культуру, которая делает свободу от власти динозавров возможной для всё большего количества людей. В настоящий момент наши агитация и пропаганда - это искры, которые могут зажечь сердца, но ещё не пламя революции. Это вызвало нетерпение и цинизм в некоторых людях, но как анархисты мы должны сохранять уверенность. Мы творим революцию, в которой мы не только контролируем средства производства, но и наши собственные жизни.

Нет чего-то такого вроде «науки по изменению». Революция ненаучна. Активисты не более должны быть специалистами в области социальных изменений, чем художники - специалистами в самовыражении. Великая ложь всех экспертов — это утверждение, что у них есть доступ к эксклюзивному, к невероятному, даже к невообразимому. Нелюбимые и самозванные эксперты революции требуют многое, помимо твоей верности. Прежде всего, они требуют, чтобы ты эффективно работал(а) на отведённом месте в хорошо смазанной машине.

Эффективность сделала из садоводства индустрию генно-модифицированных продуктов питания, а из общественных транспортных средств была сделана 16-полосная автострада. Эффективность требует иллюзии постоянного прогресса, неважно, насколько он бессмыслен. Наше отрицание эффективности привело ко многим замечательным проектам. Еда Вместо Бомб, может быть, не самый эффективный способ

дать еду тем, кто голоден, но он более эффективен относительно своих целей, и более осмысленен, чем все правительственные программы, религиозные суповые кухни или эффективные попытки крупных концернов. McDonalds обещает нам быстрые и эффективные впечатления от трапезы, но не является ли это противоположностью мира, который мы себе представляем? Эффективность мотивирует многие кампании и проекты, и слишком многие активисты сами деградировали до неправдоподобных и плоских фигур и похожи уже на безликих типов из рекламы. Их крестовый поход за эффективностью и полезные (то есть продаваемые) темы привели их к конкуренции с фирмами, правительствами и другими активистами за воображение общественности.

Как и мечта о массе, эффективность является ключевым божеством в пантеоне динозавров. Нет ничего плохого в том, чтобы желать закончить некоторые вещи. Некоторые проекты — сущее наказание и должны быть сделаны быстро, но наши личные отношения и наше общее требование изменений — не те вещи, с которыми можно обращаться походя, отснять на плёнку и покрутить по телевизору.

Эффективный активист ставит на то, что, коли уж о свободе только дискутируют, но не живут ею, то всякие переменны должны быть предварительно спланированными и трудными в осуществлении. Именно среди этих экспертов находятся те бюрократы, которые трясутся от страха при мысли о народной революции без Партийного разрешения и руководства. Люди этого сорта наследили во всей революционной истории: сегодня это те, которые опасаются хаоса демонстрации, или рассуждают о классовой борьбе, не упоминая при этом, что отвергать ограничения в повседневной жизни — тоже революционно. Да, это те, кто карабкается к трибуне по телам! Они дрожат при мысли, что люди с идеями или сами идеи выйдут из-под контроля. Для этих самозванных экспертов социального изменения самая эффективная демонстрация — это та, где есть одно-единственное чёткое требование, ясная целевая группа и подготовленным сценарий... предпочтительно сценарий, написанный ими.

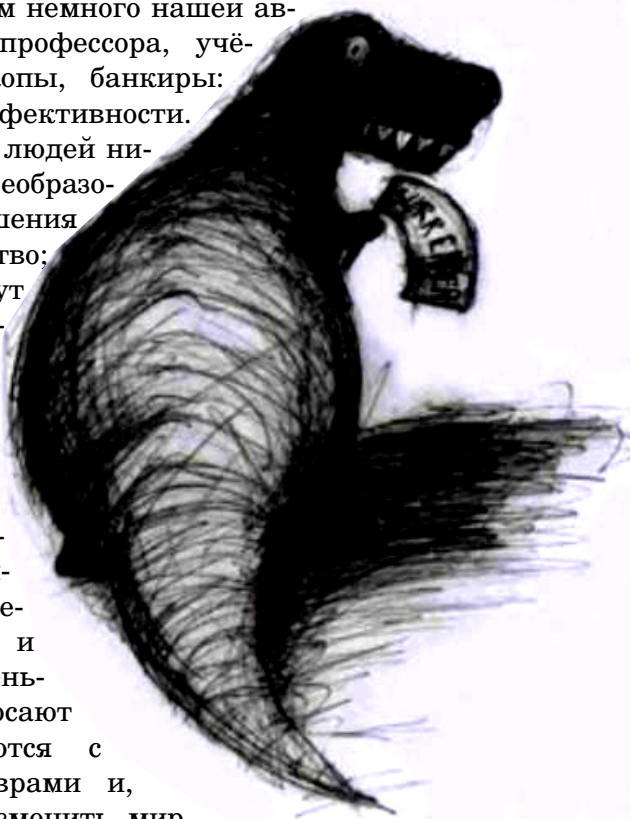
Станем ли мы подражать этим политическим машинам? Станем ли мы пытаться походить на государство? Левая вер-

сия этой машины снова сотрет все различия, чтобы создать конечный продукт: Конец Истории, Утопию, Революцию. Машины расходуют нашу жизненную энергию и тем самым способствуют так распространённому в наших рядах синдрому выгорания. Массовая интернет-рассылка может быть более эффективной, чем разговор с одним незнакомцем или продажа лимонада в парке, но не обязательно более полезна. Не лишено смысла выбрать длинный путь, чтобы добраться Отсюда Туда.

Каждый раз, когда мы доверяем экспертам решение наших проблем, мы отдаём немного нашей автономии. Судьи, профессора, учёные, политики, копы, банкиры: это моторы эффективности.

Инструменты этих людей никогда не смогут преобразовать наши отношения или наше общество;

они только могут испортить и ухудшить те ебанутые отношения, которые уже существуют. В их мире всегда будут потребляющие и потребляемые, пленники и завоеватели, акционеры и должники. Маленькие динозавры бросают вызов и сражаются с большими динозаврами и, возможно, хотят изменить мир, но хотят сделать это согласно своему плану, который не читали ни ты, ни я, и который был создан не нами, а теоретиками в креслах.



Конец динозавров — это только начало

Выход есть. Выход из ловушки потребления-капитализма-капкана-правительства-мышеловки не может быть найден в бегстве в то таинственное далёко, будь то коммуна, леса или подвал дома твоих родителей. Мы должны бросить вызов существующему хаосу и начать менять жизнь вокруг нас. Для этого нужно, чтобы мы не следовали признанным идеологиям как масса изолированных потребителей, а взяли наше будущее в свои руки. Старые мифологии говорили о Революции, Демократии и Утопии — и в некотором смысле все это было исполнено фальши. При попытке создать что-то новое и осмысленное, мы можем полагаться только друг на друга.

Ячейки нашего сопротивления разбросаны по всему миру: некоторые из них молоды и яростны, другие — более зрелые и опытные, но всегда готовые к любви, или войне. Эти взаимоотношения — предвестник чего-то прекрасного. Анархисты обладают огромными сердцами и великими мечтами, и мы не первые, кто вынашивает подобные мысли: у нас есть предшественники. Вместо поклонения или незнания прошлого мы должны создать свои собственные инструменты, собственные истории и легенды.

Анархией мы называли стрелы, направленные в сердце каждого динозавра. Это не религия, не просто идеология или направление в политике; это живая, развивающаяся система сопротивления. Это обещание, которое мы дали самим себе. На следующих страницах представлена попытка одного коллектива описать народные подходы к анархии в наши дни. Безусловно, существует много других версий, но все они соединены паутиной действий: мы будем сражаться, мы будем творить, мы будем любить и мы будем развиваться. Анархия не происходит где-то ещё, в другое время. Анархия — это самый верный для нас путь к свободе.

СЛЕДУЮЩИЙ ПОЕЗД



“Они ленивы”. “Грязные”. “Воруют, им нельзя доверять.” “Паразиты, живут на наших ресурсах.” Мы все встречали их. У нас есть много мнений на их счёт. И большинство из нас вписывает их. Мы все знаем об автостопщиках.

Анархисты, ведущие оседлый образ жизни в каком-нибудь местном коммьюнити, часто озвучивают одни и те же претензии в адрес путешествующих товарищей. Если проанализировать этот список жалоб, то это, увы, повторяет жалобы из других мест и касается других людей. Это те же страхи и стереотипы, которые испытывают жители Восточной Европы по отношению к цыганам, жители пригородов по отношению к жителям центральных районов, профсоюзные рабочие по отношению к гастарбайтерам из Мексики (и вообще ко всем иммигрантам), или немцы по отношению к туркам.

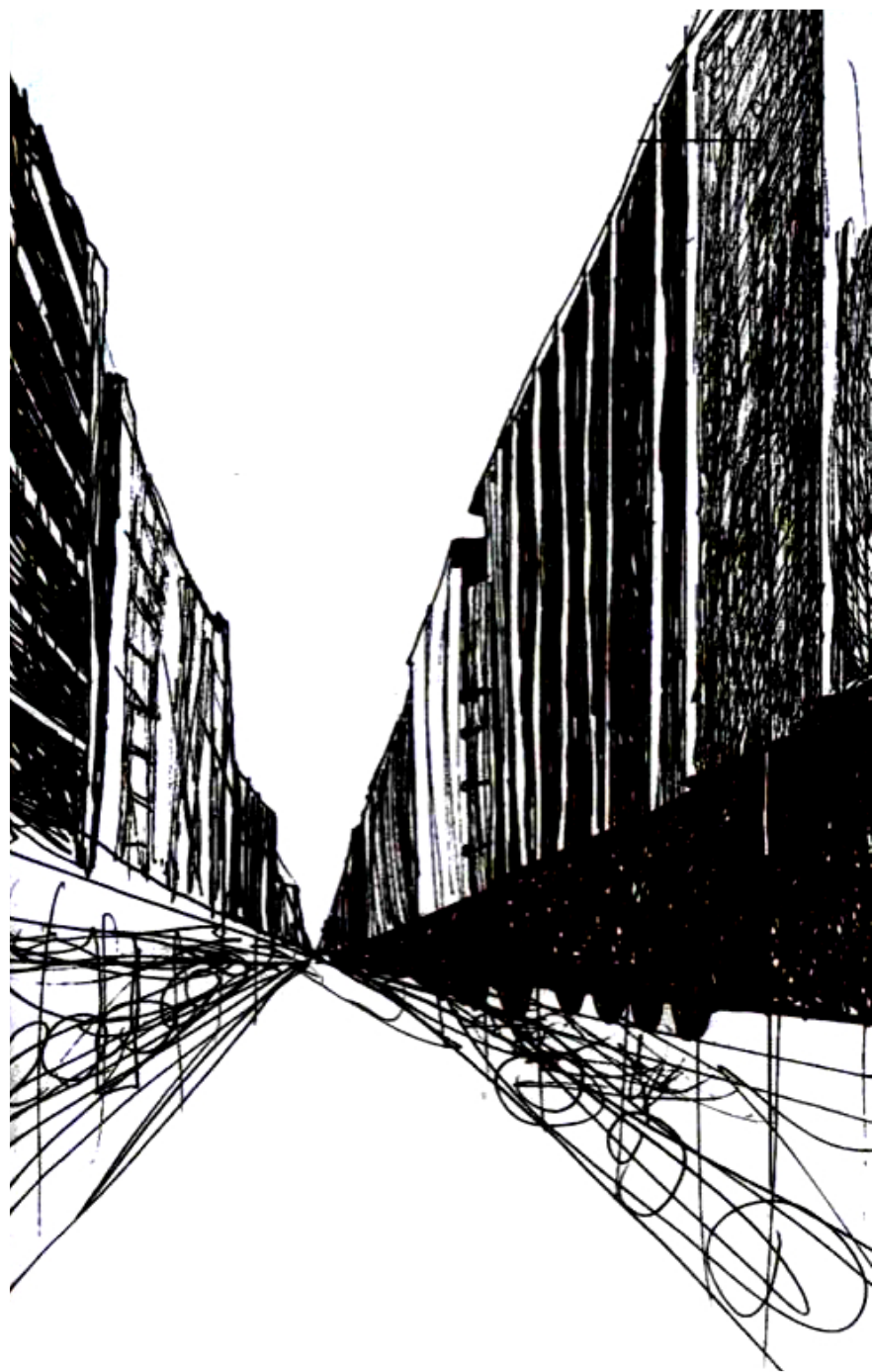
В течение всей задокументированной истории человечества существовал антагонизм между оседлыми народами и кочевниками. Отчасти это безусловно связано с уверенностью в том, что ресурсов на всех не хватает, и, значит, бродяги-кочевники попытаются украсть то, что нажили непосильным трудом оседлые соседи. Некоторые утверждают, что напряжение в отношениях возникает из зависти, которую оседлые люди испытывают по отношению к тем, кто менее скован ограничениями и более свободен в перемещениях. Не зависимо от источников конфликта, итог один и тот же: недоверие и враждебность. К несчастью, многие анархисты угодили в ту же ловушку стереотипов и демонизации автостопщиков. Но ведь анархисты сами всегда путешествовали! Будь то Бакунин (самый, пожалуй, первый “автостопщик”), организовывающий Первый Чёрный Интернационал, или Эмма Гольдман, кочующая из одного амбара в другой по всем США, - анархисты с давних пор используют дороги для распространения своих идей. В наши дни мы продолжаем эту практику: поездки на товарняках небольшими группами, велокараваны, минивэны с музыкальной группой и оборудованием внутри, забронированные авиаперелёты, футбольные выезды, вытянутый большой палец на трассе. Существует ряд причин (помимо гедонистических, индивидуалистических устремлений), по которым стоит путешествовать. У путешествий есть политичес-

кий и культурный потенциал, который можно использовать для укрепления наших сообществ, перекрёстного распространения идей, предоставления взаимопомощи.

Распространяя мемы

Личный контакт означает намного больше, чем общение посредством телевидения, телефона, интернета, журналов или книг (вроде этой). Есть что-то чудесное в том, чтобы встретить человека из другого сообщества и понять, что у вас одни и те же желания и проекты. Путешествия сближают нас. Теперь, когда анархия перестала означать исключительно книжные ярмарки и студенческие кампусы, анархические идеи распространяются по свету целым сонмом очень целеустремлённой части наших сообществ. Эти идеи, иногда называемые “мемы”, мутируют и меняются, всплывая в неожиданных местах и контекстах.

Верни себе улицы (RTS - Reclaim the Streets) первоначально являлось продуктом деятельности против строительства шоссе в Британии. Это были попытки сохранить природу пригородов. Известными моментами в этой борьбе были битвы за Твайфорд Даун. По мере того, как всё больше и больше активистов из городов оказывались вовлечены в протесты, характер деятельности медленно изменился из протестной деятельности против конкретных шоссе в протест против автомобильной культуры в целом. Трипод и другие тактики оказались эффективным средством не только для приостановления строительства дорог, но и для перекрытия движения на существующих (в центре Лондона, например). То, что начиналось как очередной протест, превратилось в нечто особенное. Спонтанные уличные вечеринки с музыкой, куклами из папье-маше и прямым действием распространились по Англии всего за год. Через два года идея добралась даже до Финляндии. За четыре года, первоначальная идея RTS превратилась в GDA (Global Day of Action - Всемирный День Действия). Вы захватывали улицы 30 ноября 1999-го? это тоже было GDA. Более десяти тысяч людей в нефтяной столице Ниге-



рии, Порт Харкут, вышли на улицы с песнями и плясками, блокировав деятельность офисов жестокого нефтяного конгломерата Shell. Мутировав по пути через Атлантику в США, RTS распространился с лондонских шоссе в станции нью-йоркской подземки и пригороды Напервилля, штат Иллинойс. Существенная часть этого явления передавалась людьми, делившимися своим опытом во время путешествий. Мем RTS вышел за рамки первоначального контекста и обрел смысл для многих людей по всему миру. Путешествия предоставляют возможность не только открыть для себя новых людей, проекты и методы сопротивления в конкретной географической области, но также позволяют путешественникам активно участвовать в деятельности этих сообществ. Путешественники всегда могут предложить свою помощь по дому (посуду помыть было бы неплохо, например!), но не обязательно этим ограничиваться. Путешественник(ца) приносит с собой знания, страсть к воплощению своих идей, навыки: целая жизнь опыта и историй из жизни других сообществ. Не страдающие от работы и традиционных временных рамок, путешественники могут быть политическим и культурным “подкреплением” для партизанской войны, в которую мы все вовлечены. Вместо того, чтобы быть пассивным потребителем информации, мы можем быть активными партнёрами в культурном диалоге, если участвуем во встречах “лицом-к-лицу”. Это основная цель конференций, съездов, *encuentros*. Успешные события вроде конференции о Постоянной Автономной Зоне (PAZ) Луисвилля собирали людей со всей страны (и из-за рубежа), которые делились друг с другом идеями, обменивались нашивками, стенсилами, устанавливали личные контакты и - да! - прекрасно проводили время.

В этом культурном обмене разнообразие играет важную роль. Причём не только расовое и этническое разнообразие, но и географическое. У анархистов из Канзаса своё собственное



видение анархии. Оно чем-то напоминает видение анархии у анархистов из Мэйна . В какой - то степени это даже похоже на Боливийскую или Корейскую анархию. Все эти географические сообщества адаптируют анархические принципы к своему непосредственному окружению. И хотя общие моменты очень важны, именно благодаря различиям появляются наиболее интересные проекты. Разнообразие на местном уровне помогает сохранить культуру живой и непосредственной, чтобы чьё-либо “видение” не подчинило себе индивидуальные устремления к инновациям. Как диалекты какого-либо языка, региональное разнообразие анархии обогащает нас и наполняет нашу жизнь новыми оттенками. Вместо того, чтобы стать гомогенной “книжной” идеологии, анархия поселилась в тысячах сообществ, основанных на смешанных культурах, политиках и практиках. Эти анархии совершенно не обязательно унифицировать или “чесать под одну гребёнку”. Когда путник из Чикаго приезжает со своим опытом в захваченные леса Каскадии или на засквотированную ферму в Бразилии, он распространяет своё собственное видение анархистских мемов. И только время покажет, что из этого получится.

Чем больше - тем веселее

Когда люди из других мест приезжают в ваш город, это повышает мораль всего сообщества. Когда анархисты из полудюжин городов запрудили резервацию Коренных Американцев в штате Нью-Йорк, чтобы помочь защитить семьи племени Онейда от насильственного выселения, это оказалось возможным только благодаря культуре автостопа и такой её неотъемлемой черте, как желание предлагать взаимопомощь. Семьи были приятно удивлены помощи от совершенно незнакомых людей, в то же время анархисты с радостью присоединились к сообществу, борющемуся (пусть и временно) с государством. В этом случае борьба за автономию была бы невозможна без желания местных жителей. Путешественники же использовали свою “свободу” (свободное время и гибкий гра-

фик) для того, чтобы борьба увенчалась успехом. В совершенно другой обстановке, общественные сады Южного Бронкса, в том числе наш любимый Кабо Рохо, месяцами поддерживались разнообразными автостопщиц(к)ами и анархист(к)ами из различных уголков страны. Вместе с оседлыми товарищами на захваченной земле были созданы микро-сообщества. Конвергенции, демонстрации, конференции предоставляли для людей из совершенно разных сообществ возможности обмена опытом. Благодаря культуре путешествий, группы, вовлечённые в локальную борьбу, могут рассчитывать на помощь совершенно неожиданных союзников, несмотря на географическую изоляцию. Если когда-либо и возникнет полноценная национальная или интернациональная анархистская культура, возможно, это будет именно культура такого рода взаимодействий.

Власти справедливо обеспокоены нашей способностью мобилизовывать товарищей из соседних сообществ. Во время одной особенно известной акции RTS в Дёхаме, Северная Каролина, можно было слышать сержанта полиции, утверждавшего, что сотни анархистов(к) прибыли из Юджина и Сан Франциско, хотя большую часть участниц(ков) составляли местные. Полиция была предсказуемо шокирована способностью протестующих собираться вместе и делать, что придётся в голову. Единственное объяснение для полицейских - это что "молодёжь из Сиэттла" приехала к ним в район. Они совершенно не знали, что в их городе тоже живут анархисты и анархистки. Отчасти успех этого конкретного протеста можно отнести на счёт того, что к местным товарищам присоединились другие анархисты(ки) из Северной Каролины, студенческие активисты, уличные банды подростков и прожжённые путешественники. В то время, как немногие местные сообщества могут организовать события, на которых полиция не име-



ла бы подавляющего преимущества, именно путешественники позволяют нам мобилизовывать неожиданные количества людей и выводить власти из равновесия. Вместо того, чтобы полагаться на единообразную массу как средство победы над врагами, мы выигрываем от наших различий и личных талантов. Это основная сила анти-глобалистского движения и основа нашей тактики, которая оказывается полезна в огромном разнообразии обстоятельств и видов борьбы.

“Если долго сидеть на берегу реки, увидишь проплывающий труп врага”

Границы существуют не только в реальном мире. Границы существуют у нас в головах. Покуда мы верим в то, что являемся гражданами неких конкретных стран, ограничены лояльностью к некоему конкретному сообществу, мы проигрываем. Нам всем стоит почаще путешествовать! Будь то путешествие за границу на демонстрацию против МВФ, или в соседний город, чтобы встретиться с группой, участвующей в одном с вами проекте, путешествия - это прекрасный способ наладить связи с другими людьми. Наша солидарность не должна ограничиваться людьми, которым посчастливилось жить с нами в одном районе или городе.

Дружба - это прекрасное средство распространения страсти: лучше всех книг, зинов и даже интернета. К сожалению, многие анархисты живут в местах достаточно удалённых от крупных сцен, которые могли бы поддерживать их мечты и проекты. Путешествия и путешественники могут послужить потенциальным катализатором, который позволит



людям, изолированным по воле случая и географии, развить свои проекты без необходимости переезда. Если анархисты рассчитывают на то, что когда-нибудь они перестанут быть лишь маргинальной силой, нам стоит научиться связываться даже с самыми одинокими уголками. Как это ни иронично, вместо “разрушения” местных сообществ, путешественники, возможно, являются нашим лучшим шансом на создание сильных местных сообществ сопротивления, благодаря обмену идеями, ресурсами и свободными руками, прибывающими из разных мест.

Некоторые скептики примутся утверждать, что в путешествиях самих по себе нет ничего радикального. И это так: миллионер может сесть в самолёт до Барбадоса и арендовать там себе целый отель, так же как крастер в США может кататься на поездах исключительно из желания дешёвого эскапизма. Потенциальные возможности, заложенные в путешествиях, заключаются в относительной свободе: свободном времени, которое можно посвятить различным проектам, возможности распространить информацию и ресурсы, гибкому распределению энергии по существующим проектам, поддержке географически удалённых товарищей. Путешествия можно использовать для борьбы с изоляцией и распространения надежды в этом не очень гостеприимном мире. Как известно любому путешественнику требуется много терпения и сил, чтобы попасть куда-то, где он(а) никогда не был(а). И пусть пути, по которым мы идём, приведут к анархии.

КИДАНИЕ ЦВЕТОВ...



НИКОГДА НЕ БЫЛО
ТАКИМ ВЕСЁЛЫМ

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАНУДСТВА И УГАРА

Множество дружеских отношений, аффинити-групп, проектов было выброшено на помойку в результате расколов по поводу базовых мотивов участия в политической деятельности. Эти различия относительно наших основополагающих мотиваций угрожают даже наиболее “чистым” с идеологической точки зрения проектам и группам. Препятствие сие более прочно и деструктивно, чем зелёно-красное сектанство или распространённое до этого деление по принципу Пацифизм vs. Прямое Действие. Эта дихотомия также обладает неприятным свойством калечить дружбу и оставлять людей в одиночестве (размышляющими о том, что было не так). Несмотря на пагубный и опасный характер этого конфликта по поводу мотиваций, очень мало написано об этом с точки зрения анархистов.

Так что же это за имплицитная угроза нашей совместной деятельности? Ответ лежит в базовых мотивах, которыми руководствуются люди при участии в наших проектах. Как мы все знаем, существенная часть деятельности совершенно не glamorous и требует огромного количества времени и других ресурсов. Наши акции как правило не столь круты, как мы ожидаем, и временами мы оказываемся в серьёзной опасности из-за нашей деятельности. Выгорание необычайно распространено среди активистов, вложивших в свои проекты много сил и энергии. С учётом таких подводных камней, понимать мотивы людей, с которыми мы сотрудничаем, может быть не менее важным, чем понимание их политических взглядов. Проецировать свою мотивацию на других участников коллектива - надёжный способ добиться взаимного недоверия и катастрофы.

Традиционно различают две основные мотивации анархической деятельности: Занудство и Угар (Долг и Радость). Как в любом дуализме, тут легко попасть в ловушку чёрно-белых ярлыков, полностью проигнорировав более реалистичный взгляд на мир с обилием серых оттенков. Вместо этого, поста-



райтесь думать об этих двух мотивациях, как крайних точках спектра, которые освещают всё, что находится между ними.

Нельзя отделить мотивацию от ожидания. На участие в проекте нас может мотивировать определённое ожидание от плодов своих трудов. Ожидания, которые невозможно разделить с коллективом (или даже публично выразить), могут стать препятствием на пути проекта. Поскольку соответствие нашим ожиданиям - основной способ оценки эффективности любой нашей деятельности и/или проекта, различия в ожиданиях порождают различия в оценках. Эти различия способны разрушить способность коллектива учиться на прошлых ошибках, поскольку нет общих критериев оценки. Как занудство и угар - очевидно - по самой своей природе являются совершенно противоположными мотивами, так разумно ожидать и противоречивый набор ожиданий от проекта. Это может приве-

сти к конфликтам во время оценки эффективности и анализа того, что является успехом в конкретном проекте/ коллективе.

Столь фундаментальные мотивы для деятельности, как Занудство и Угар, являются даже более чувствительными моментами, чем какие-либо иные политические противоречия. Причина в том, что в основе лежат личные черты характеров конкретных людей. Мотивы, определяемые подсознательным или бессознательным, мало подвержены разного рода интеллектуальным аргументам, историческим прецедентам, логическим манипуляциям и прочим механизмам сознания. Если говорить кратко, причины, по которым мы участвуем в неких проектах, не всегда можно объяснить с точки зрения разума. Эти вступающие в конфликт мотивации – потенциально наиболее мощный изолирующий элемент, который встречается нам в нашей ежедневной совместной деятельности. Чтобы найти выход с этого минного поля мотивационной психологии, стоит понять, как эти два диаметрально противоположных типа мотиваций проявляются, и отыскать новые способы делать дела, которые удовлетворяли бы им обоим.

Занудство (долг) всегда было традиционной мотивацией для радикальных проектов; до недавнего времени, оно было преобладающим трендом в анархо-сообществах. Вне всякого сомнения, это связано с нашей трагической историей. Анархистская борьба по большей своей части - это череда горьких поражений, репрессий, маргинализации. Так что же мотивировало товарищей трудиться столь упорно и нудно все эти мрачные годы? Ответ, похоже, - острое чувство Долга, основанное на возвышенной мечте о Справедливости, обвенчавшейся с Лучшим Миром. Модель занудства создала культ мучеников: тех, кто отдал всё ради Борьбы. Те, кто существует в рамках этой модели, ожидают, что труд им предстоит непосильный, никто его не оценит, но всё равно, кто-то же должен делать это. Анархисты с обострённым чувством долга не задумываются о том, становится ли их жизнь радостнее в результате своего активизма, живут ли они полноценно. Политическая деятельность, основанная на Долге, почти всегда характеризуется бесконечными собраниями, борьбой, нудной работой, огромным объёмом бесцельно потраченного времени. Степень участия в движении у таких людей измеряется простой

формулой рабочих часов, потраченных на малоприятные задачи, которые к тому же ещё и добровольно взвалены на себя. Самопожертвование становится постоянным и превозносимым идеалом анархистов-зануд. В силу объёмов затраченной энергии и малоприятного характера работы, существует серьёзная озабоченность жизнеспособностью проектов. Часты попытки оценить их эффективность в том, что касается распространения наших идеалов. Занудство заставляет держаться за проекты. Нередко огромная часть энергии уходит на поддержание на плаву таких проектов, которые уже давно пережили своё первоначальное предназначение (или же так никогда и не были полностью реализованы).

Ожидания людей, которые трудятся в соответствии с моделью “занудство” направлены наружу. Мерой удачи/неудачи служат внешние факторы. В список входят такие факторы, как освещение в СМИ, вербовка новообращённых, влияние на сообщество, объём пожертвований, долгосрочность проекта. Многие из этих ожиданий легко измерить в количественном отношении. Соответственно эмпирический анализ становится основной формой оценки эффективности для анархо-зануд. Этот акцент на количестве и эмпирическом опыте ведёт к желанию повысить количественные показатели. Подход анархо-



зануд аналогичен (в отношении мотивации, ожиданий и оценок эффективности) к историческим и современным трендам леваков.

Угар (Радость) - относительно недавняя противостоящая занудству сила в анархо-сообществе. Хотя в анналах анархической мысли всегда существовало по крайней мере формальное почитание радости от политической деятельности. Это можно увидеть на примере известного высказывания Эммы Гольдман: "Если я не могу танцевать, это не моя революция." Более новая модель радостного анархизма уходит своими корнями в панк, языческую и автостопную культуры поздних 1980-х и является прямой наследницей хиппи и Новых Левых 1960-х. Мотивация основывается на принципе удовольствия. Угарщики пытаются превратить политическую деятельность в игру. Происходит отказ от мученичества и самопожертвования старых левых. Их заменяют карнавальные и праздничные метафоры. Угарщики судят о политической деятельности не по затраченным рабочим часам или принесённым в жертву нервам, но по степени воодушевления и восторга, который на личном и общественном уровнях генерирует отдельный проект. Поскольку активизм в этих терминах должен быть возбуждающим и вдохновляющим, проекты, организуемые угарщиками, часто недолговечны - они разваливаются вскоре после того, как схлынет волна восторгов. Серьёзные размышления о долгосрочных последствиях для сообщества отсутствуют. Мотивируемые угаром/радостью анархисты склонны быть более скептически настроены по отношению к историческим проектам, почитаемым анархо-занудами.

Как и в случае с Занудством, активисты, находящие мотивацию в Угаре, имеют определённые ожидания по отношению к своей деятельности. Ожидания эти сформированы под воздействием мотивации и в данном случае направлены внутрь. Делается акцент на субъективном опыте и качественных переменах (в противовес количественным показателям у зануд). Среди ожиданий от проекта часто фигурирует веселье, воодушевляющее воздействие на участников/ц, подъём самосознания, возбуждение, творчество, поэтичность. Проекты без этих качественных показателей рассматриваются как дефектные. Проекты, которым удаётся удовлетво-

рить хотя бы часть ожиданий - как успешные, независимо от воздействия проекта на окружающий мир. Сосредоточенность Угарной мотивации на удовлетворении личных нужд каждого, субъективном опыте и воодушевлении более типична для некоторых гедонистически настроенных хиппи- и панк-субкультур, нежели для традиционных леваков.



Поскольку очень мало анархистских проектов чётко соответствуют по стилю именно Занудству или именно Угару, особенно на начальных стадиях, часто люди со столь разными мотивациями оказываются в одном проекте. Поначалу это может привести к напряжённости, которая впоследствии заканчивается презрением и изгнанием одной из сторон. Это происходило так много раз за прошедшие годы, что привело к абсолютно бесполезным дебатам “Общественно Значимый Анархизм vs. Анархизм По Жизни”. Ничего кроме противопоставления, изолирования, демонизации оппонентами друг друга не случилось. Мы понимаем, что дискуссия об Угаре и Занудстве может создать похожий раскол. И если бы это являлось нашей целью, то это было бы очень лицемерно с нашей стороны. Вместо этого, мы предлагаем попытаться понять весь спектр мотиваций без создания мнимого “единства” в моти-

вах активистов. И без того, чтобы начинать очередную битву сект. Поиск смысла в Занудстве и Угаре можно сравнить с процессом достижения консенсуса.

Обе стороны конфликта давно привыкли нападать друг на друга без какой-либо попытки разобраться в истинных мотивациях, которые влияют на их отношение к борьбе. Это создало ещё один источник раздробленности в анархистской среде. Данное эссе не стоит рассматривать, как призыв всем стать ближе друг к другу. Это маловероятно да и, скорее всего, не нужно.

Существуют серьёзные недостатки в мотивационном отношении (и они чётко обозначаются обеими сторонами конфликта), поэтому нам нужен другой подход к активисткой деятельности. Для успеха нашему новому подходу потребуются плюсы обеих мотиваций в спектре Занудство-Угар. Ведь мы хотим максимизировать солидарность коллективов, вовлечённых в анархистские проекты и минимизировать существующее трение между людьми, воплощающими один из упомянутых стилей деятельности.

Хорошая новость - это то, что существенная часть анархистов, вовлечённых в какую-либо (в том числе проектную) деятельность, не относится к какому-либо крайнему проявлению континуума Занудство-Угар. Нам бы хотелось предложить мотивационный подход, основанный на Смысле. Хочется надеяться, что апеллирование к Смыслу не только снизит трение, удушающее многие проекты, но также окажется стимулом для новых прекрасных и успешных проектов.

Мотивации, большей частью основанные на Смысле, всегда были составной частью анархии. По сути, термин Смысл использовался обеими фракциями зануд и угарщиков. Использовался для оправдания своего подхода и нападок на противоположную сторону. Поскольку само слово “Смысл” оказалось в обиходе у обеих фракций, имеет смысл разъяснить, что мы подразумеваем под мотивациями, основанными на Смысле. Эрих Фромм описывал мотивации, основанные на Смысле, как мотивации, содержащие объективные (Долг-Занудство), так и субъективные (Радость-Угар) способы познания.” Смысл определяется в ходе анализа внешних эффектов и взвешивания их по отношению к внутренним чувствам.

Анархист(ка), мотивированный(ая) Смыслом, будет искать как личные (внутренние), так и общественные (внешние) последствия своей деятельности.

Проекты, созданные в терминах Смысла, могут быть более полно взвешены и оценены с этой перспективы, чем с точки зрения любого из двух других достаточно ограниченных подходов. Прежде всего потому, что учитываются желания как количества, так и качества. Теперь наши усилия можно оценивать по многим параметрам. Это уже больше не простая оценка вроде затраченных часов, это ещё и учёт удовольствия, получаемого активисткой(ом) в течение своей многочасовой деятельности. Ни одна из двух упомянутых сторон конфликта не выше другой. Вместо этого, мы ищем гармонии с тем, чтобы найти Смысл в наших проектах. Приложение обоих мотивационных ожиданий создаёт более богатый и полный новых нюансов способ анализа нашей деятельности. Смысл также является очень полезным инструментом при решении, на какие проекты имеет смысл тратить наши крайне ограниченные ресурсы и энергию.

Осмысленный подход имеет то преимущество, что мы можем захватить всю историю успешных анархистских проектов и анархистской борьбы. Товарищи, связанные с одним из



экстремумов континуума Долг-Радость, имеют возможность работать друг с другом без того, чтобы отказываться от или подавлять свои мотивации. Когда мы ищем Смысл в наших проектах, мы требуем наиболее полного приложения наших сил и ресурсов. Мы не остаёмся довольны, достигнув одного из краёв континуума, мы ищем ядро процесса.

Акцент на Смысле ограничивает деструктивные последствия ещё одного неизменного препятствия анархической деятельности: выгорания. Выгорание происходит, когда слишком много наших сил и ресурсов оказываются потрачены на ненужные проекты. Наполненные Смыслом предприятия наполняют участников энергией и одаривают их эмоциями. Они сообщают стимул продолжать борьбу, работать над воплощением долгосрочных проектов. Проекты, основанные на Смысле, представляют увлекательные возможности и романтические переживания, которые апеллируют ко всем активистам, в какой бы точке континуума Занудства-Угара они не находились.

В культуре массового производства ожиданий, наполненной Долгом работы одновременно с товарами, удовлетворяющими Радостный гедонизм, Смысл оправдывает вложенный труд, ресурсы, жизни. Капитализм процветает на экстремумах континуума Долг-Радость, создавая лишённые смысла взаимоотношения, разделяющие нас на производителей и потребителей. Анархия предлагает решение для этого абсурдного, дуалистического общества. Наполненные Смыслом проекты будут более привлекательной перспективой как для опытных анархистов, так и для новичков.

Только проекты, которые искренне пытаются сбалансировать внутренние и внешние стремления участниц(ов), могут надеяться превратиться в долгосрочное сопротивление бессмысленной миазме культуре повседневного консумеризма. Ни Занудство, ни Угар сами по себе не способны создать новый и лучший способ, каким можно было бы жить в бурно развивающихся сообществах сопротивления. Другой мир действительно возможен, но это должен быть наполненный смыслом Другой мир.

**Сегодня мы не пошли на пленарное
заседание...**



Не думаю, что пойдём завтра...

БАБОЧКИ. МЁРТВЫЕ
ГЕРЦОГИ. ЦЕПНОЕ
КОЛЕСО И
МИНИСТЕРСТВО
СТРАННОСТЕЙ



Самое позднее со времён Кропоткина анархисты сознательно отгораживались от идеи хаоса. Даже нашёптывались легенды, что загадочная А в круге представляет порядок в хаосе. Почти каждый «серьезный» анархистский писатель в прошедшие годы пытался отдалить анархизм от хаоса. Но для большинства обычных людей хаос и анархия связаны навсегда. Связь между хаосом и анархизмом должна быть переосмыслена и принята, а не замалчиваться и угнетаться. Хаос — это кошмар правителей, государств и капиталистов. По этой и по другим причинам, хаос естественен в нашей борьбе. Не надо полировать имидж анархизма, изгоняя хаос. Вместо этого, мы должны помнить, что хаос — это не только пылающие руины, но и крылья бабочки.



«Предсказуемость — это власть».

Огюст Конт, отец социологии

Со времён Просвещения политики пытались использовать научные принципы в политике и экономике, чтобы контролировать плебс. Высокомерие социологов, экономистов и других подобных экспертов проявляется в их вере, что человеческую страсть можно измерить, давать ей приказания и, следовательно, контролировать. Попытки предугадать и контролировать все возможности уже давно являются голубой мечтой тоталитаристов и ответственных за рекламу по всему миру. Со времён Маркса, который считал себя «учёным по поведению масс», революционные предводители всех расцветок верили, что они открыли совершенную формулу революции: простую, как детская раскраска, теорию общественных изменений. И профессиональные политики, и профессиональные революционеры борются, чтобы стать совершенными экспертами в манипулировании политической машиной; реальные политики только чуть лучше в этом, чем их активистские родственники. Неудивительно, что социологи революции, заслуженные марксисты колледжей и анархо-писатели так влюблены в платформы, политику, историю и сухие предписания. К сожалению для них, и к счастью для нас, хаос отказывается играть по каким бы то ни было правилам.



МЕЛОЧЬ С БОЛЬШИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

«Взмах крыльев одной-единственной бабочки сегодня вызывает крошечное изменение в состоянии атмосферы. И некоторое количество времени, то что происходит в атмосфере, отличается от её обычного состояния. Так, через месяц не произойдёт урагана, который опустошил бы побережье Индонезии. Или, возможно, произойдёт другой, который бы ничем и не возник».



Эдвард Лоренц, метеоролог, 1963

Самое малое изменение в исходных условиях системы может значительно изменить её долгосрочное поведение. Этот феномен, распространённый в теории хаоса, известен как «чувствительная зависимость от изначальных условий». Крошечное различие в измерениях может рассматриваться как экспериментальный шум, атмосферные разряды или небольшая неаккуратность.

Такие часто незаметные изменения могут разрастаться экспоненциально и сливаться неожиданным образом, чтобы давать столь же неожиданные результаты, которые себе даже представить никто не мог. Эти дефекты и “призраки в машине” слишком случайны, чтобы быть предусмотренными любым правительственным компьютером. Поэтому анархисты могут, воспользоваться преимуществом непредвиденных изменений в ходе событий, используя хаос в качестве секретного оружия против режимов контроля. Кто знает, может быть, женщина, отказывающаяся освободить место в автобусе, станет зачинщицей Движения за Гражданские Права, или крошечная, но злая банда тинейджеров, собирающаяся у стенда с хот-догами по соседству, в нужный момент начнёт полномасштабное восстание? Хаос может спутать карты даже самым важным динозаврам. В динамичной обстановке, такой как демонстрация, кажущиеся непоследовательными события зачастую могут изменить тон или направление всей «системы», приводя к хаосу в самом положительном смысле этого слова.



Политики мира едва ли предвидели, что убийство принца Фердинанда в каком-то закоулке Австро-Венгерской империи приведёт к развалу трёх самых обширных империй меньше, чем за одно десятилетие. Очевидно, что политические разногласия тех дней существовали независимо от мёртвого герцога, но покушение на него подожгло фитиль, который вызвал взрыв, разрушивший политические и экономические реальности империй. В той же самой манере, бабочка, взмахивающая крыльями в провинции Западной Вирджинии, обладает потенциалом вызвать ураган — или революцию — в Аргентине.



СКОЛЬЗЯ ПО ФРАКТАЛЬНЫМ ВОЛНАМ РЕВОЛЮЦИИ

Хаос на самом деле, более реален, чем мир, запросто разделяемый на отдельные объекты и линейные уравнения. Эти фантастические объекты слишком совершенны, чтобы быть реальными где-либо ещё, кроме книг по математике. Настоящий мир запутан, жив и подвержен постоянным изменениям по ту сторону понимания любого человека. Абстракции могут иногда быть полезными — при планировании сражений с копами, зарисовки схем на следующий год и чтении карт городов, где мы ещё не бывали. Но многие абстракции оказывают дурную услугу реальному миру, пренебрегая ничтожными деталями. Мир хаотичен, и каждый раз, когда кто-то считает, что может его контролировать, мир находит другой способ, выбить у них почву из под ног.

Фрактальная теория показала, что реальный мир менее «реален», чем мы воображаем. В много обсуждавшемся эссе о побережье Англии было показано, что размер и вид единиц измерения самым драматическим образом влияет на конечный результат. Если мы используем прямую метровую линейку, мы получим более короткое побережье, чем если станем использовать маленькую, изогнутую миллиметровую линейку. Побережье Англии, нравится вам это или нет, бесконечно растяжимо. Даже если у вас есть карта масштабом один к одному какого-либо города, она никогда не сможет полностью представить этот город. Существует много «городов» в каж-

дом отдельном городе, а наш образ города зависит от того, как мы видим наше окружение, и на чём мы предпочитаем концентрироваться. Преимущество этих Борхесовых реальностей заключается в том, что анархисты имеют доступ к множеству линз, чтобы понимать мир. В царстве политического авторитета соглашаются с ограничением до одного «истинного» образа, в то время как мы держим глаза открытыми для хаотичных возможностей.

Анархисты могут использовать различные перспективы и линейки, чтобы определить, в каких проектах стоит принимать участие. С прямой и огромной линейкой Мировой Революции детали исчезают, а многие существенные проекты кажутся менее важными. Революция, как и побережье Англии, изменяется в зависимости от инструментов, которыми мы пользуемся. Мы можем использовать в своих интересах эту изменяемость наших линеек. Долг и радость — только одна часть спектра нашей мотивации. Личное освобождение, классовая война, глобальная экология и борьба за политическую автономию — все являются различными формулами для измерения ценности акции или проекта. Применённые к ситуации, каждая даст другой результат.



УДАЧА - СОЮЗНИК БУНТАРЯ

Мы должны стать союзниками удачи, если мы хотим преодолеть гигантские помехи на пути наших предприятий. Мы не можем радостно войти в казино политической революции, не понимая, что все козыри в руках наших врагов. Мы можем искать удачи там, где другие её не нашли. Удача — это комбинация спонтанных совпадений, которые мы можем осознать и использовать для нашей выгоды. Эти события не могут быть запланированы или искусственно воспроизведены. К счастью для нас, этот комплекс заполнен доверху потенциально критичными совпадениями, доступными для любого бунтаря, достаточно смелого, чтобы искать их. Это означает — нужно сделать наши планы гибкими и быть в состоянии разобраться с этими возможностями, когда придёт время. Обнаружение забытого мусорного бака рядом с маршрутом парада может запросто означать разницу между проникнове-

нием за полицейские кордоны и задержанием, особенно если бак используется как таран!

Как мы можем использовать хаос к нашему преимуществу в ежедневном сопротивлении? Когда ситуации непредсказуемы и результаты неизвестны, как можем мы надеяться использовать такого своенравного друга и союзника? Это вопросы для анархистских групп и think-tanks по всему миру. Мы можем учиться на каждом опыте и не становиться заносчивыми, думая, что можем запланировать каждое событие заранее. Жёсткая иерархическая система боится хаоса, отвергает фракталы и не находит удачи. Высокомерие динозавров является большой удачей для нашего сопротивления. Фрактальное сопротивление не может получить адекватный ответ от запланированного менеджмента и стратегии контроля над толпой. Важно осознать, что мы не первые, кто использует хаос в качестве тактики. Хаос был встроен в большое количество древних и не очень древних культур, от хопи до бушменов. Большое число сообществ не только терпит внутренний хаос, но и нашло эффективный способ использовать его.

КУЛЬТУРЫ ХАОСА



Странствующие Рома — также известные как цыгане — более ста лет были «проблемой» для антропологов. Относительно малые числом и лишённые всяческой экономики, военной или политической власти, они сопротивлялись ассимиляции более 600 лет. Цыгане обладают восхитительной и хаотичной системой взаимопомощи, основанной на мифе о «цепном колесе». Материальная помощь бесплатно предоставляемая другим путникам с той идеей, что она вернётся к индивиду когда-нибудь в будущем, когда будет нужно. Только в пути (традиционно линейное пространство) помощь случайно даётся тем, кто просит. Эта форма взаимовыручки зависит от сложной и постоянно меняющейся плеяды естественно возникающих знамений, которые аутсайдерам кажутся дикими предрассудками. Т.к. эти знаменья возникают случайно, никто не может сознательно ими манипулировать. Внешние наблюдатели просто начали рассматривать это как фундаментальную стратегию выживания, используемую Ро-

ма против обществ, пытающихся их уничтожить или ассимилировать. Эта не-линейная теория взаимной помощи может показаться сначала слишком случайной, чтобы она могла работать во всём обществе, но она остаётся поддерживающим основанием культуры Рома. Собственное наше взаимодействие и щедрость с чужаками часто приносят неожиданные выигрыши по ту сторону всяких расчётов и всегда в нужный момент.

Другой пример из куда более обширной культуры. более тысячи лет назад Китайская империя создала «Министерство странностей», чтобы давать советы, если имперские планы терпели крах или давали неожиданные результаты. Министерство странностей традиционно держалось в неведении касательно любых изначальных планов. Министерство затем консультировалось с И-Чинг (случайное бросание и конфигурация тростинок тысячелистника) для создания новых планов. Эта эффективная практика была остановлена, когда к власти пришёл ориентированный на науку Ченгиз-Хан. Ироничным образом, его сын, Кубла-Хан снова ввёл и даже расширил Министерство странностей. Вместо рабского воспроизводства неудачных моделей и проектов, нам не нужно бояться испробовать возмутительные и неиспробованные схемы.

В более специфичной революционной области хаос является инструментом, который может вырубить даже самых могучих гигантов. Саботажники знают, что самые простые предметы (вроде деревянного башмака) могут быть использованы, чтобы прервать самые эффективные и сложные системы. В самом деле, чем сложнее система, тем проще её саботировать. Экономический эквивалент государственной слабости пред лицом хаоса — это когда капиталисты становятся всё более и более зависимы от технологии и бюрократии, они становятся более уязвимы к таким хаотическими формами сопротивления, как хакерство.

Давайте же признаем хаос важной частью политических и общественных изменений. Мы можем интегрировать его как фактор в нашу повседневную жизнь. Хаос — это козырь, позволяющий маленькому сообществу вроде нашего достигать эффект куда больший, чем предполагали эксперты. В самом де-

ле, крупные группы обладают большей инерцией и редко привлекают выгоду из текучести мира. Пока мы не связаны жёсткими тактиками и хрупкими моделями, мы будем способны приспособиться к постоянно изменяющейся окружающей среде.

Со здоровой порцией подозрения к авангарду и экспертам, которые обладают верным видением, верной платформой или стратегией изменения, мы можем быть на стороже в ожидании новых возможностей, предоставляемых хаосом.



ЯЧЕЙКА, ШАЙКА ИЛИ АФФИНИТИ-ГРУППА?

Термин «аффинити-группа» (affinity – англ: страсть, склонность) часто употребляется в анархистских кругах. Как бы то ни было, существует несколько микро-концепций истинной природы групп аффинити и того, как мы можем использовать их, чтобы создать радикальные изменения. Структуры групп аффинити имеют некоторые характеристики, схожие как с ячейками, так и с шайками, хотя и существуют в разных контекстах. Для стороннего наблюдателя может быть очень трудно отличить, является ли отдельная группа людей ячейкой, шайкой или группой аффинити, и это, конечно, привело к неясностям. Все три группы состоят из нескольких индивидов, скажем, от трёх до девяти, которые работают вместе, поддерживают друг друга и обладают структурой обычно закрытой для окружающих. В зависимости от их целей, они участвуют во множестве проектов, от гражданских до революционных, но на этом сходства заканчиваются.

Ячейка является частью более крупной организации или движения с единой политической идеологией. Зачастую ячейки получают указания от более крупного сообщества, частью которого они являются. В целом, ячейки ориентированы на «работу» и не рассматривают социализацию как важнейшую цель. Отдельные ячейки соединены друг с другом (в одной и той же организации) общим видением, хотя могут пользоваться различными тактиками.

Шайка, с другой стороны, - группа людей, которые оторвались от более крупного сообщества или организации. Социальные шайки повсеместны; хорошие примеры могут быть найдены в высших школах, в таких группах как спортсмены, модники, аутсайдеры или ботаники. Шайки стремятся к изоляции и предпочитают создавать неподвижные границы между собой и остальным сообществом, с которым ассоциируются. Шайки редко фокусируются на работе или проектах.

Аффинити-группа — это автономная группа индивидов, которые разделяют определённое видение. Хотя видение может

и не быть идентичным среди её членов, аффинити-группа разделяет определённые ценности и ожидания. Группы аффинити возникают из более крупных сообществ, будь то защитники окружающей среды в каком-либо био-регионе или члены хип-хоп-группы, выступающие вместе. Две любые аффинити-группы, возникшие из одного и того же сообщества могут иметь абсолютно разные перспективы, интересы и тактику. Это разнообразие не распространено среди ячеек. Аффинити-группы поддерживают более тесные отношения с родными сообществами и обычно ищут пути, чтобы объединиться с другими группами аффинити и организациями в этом сообществе. Таким образом, они отличаются от шаяк, которые стремятся отделиться. Аффинити-группа может также тесно работать с другими группами вне своего родного сообщества.

Группы аффинити имеют политическое превосходство, т.к. способны создавать связи между различными сообществами. Хотя аффинити-группы являются наиболее закрытыми структурами (распространённая критика, употребляемая динозаврами), большинство анархистов чувствуют себя комфортно, участвуя во множестве аффинити-групп. Эти кадровые взаимосвязи между аффинити-группами могут создать более сильную привязанность и взаимопонимание между различными сообществами. Это эффект «перекрёстного опыления». К примеру, член аффинити-группы прямого действия, который оказывается членом феминистского медиа-коллектива, может создать возможности для обеих групп. Медиа-коллектив может стать более боевым в то время как группа прямого действия может стать более открытой для феминистской практики и идей. Вместо попыток смешать прямое действие, СМИ и радикальный феминизм в неуклюжую супер-группу, активистка может воплощать свои разнообразные интересы в двух группах, которые фокусируются на своих основных целях. Парадоксальным образом, эти закрытые аффинити-группы создают надёжное и поддерживающее пространство для развития более широких наклонностей, также создавая широкую сеть взаимной помощи, понимания и поддержки.

В то время как важно признать контекстуальные ограничения моделей «ячейка» и «шайка», ошибочно списывать аффинити-группу как элитистскую или закрытую. Группы аф-

финити предоставляют шикарные возможности для увеличения числа связей между сообществами, одновременно позволяя людям создать благоприятную среду для преследования своих особых интересов и склонностей.

ГОРДОСТЬ. ПУРИТАНСТВО И ПРОЕКТЫ

Анархическая гордость - это нечто, достойное пиара в наших проектах и ежедневной жизни. Это такая степень искренности, которая позволяет нашим друзьям сразу же знать, во что мы верим и чем руководствуемся в поступках.

Анархо-пуританизм есть мрачная тень анархо-гордости. Пуританство требует, чтобы все, кто участвует в одном проекте, разделяли одни и те же политические взгляды, цели и стереотипы поведения - не только в течение времени жизни проекта, но и в течение всей своей жизни. Это создает дисфункциональное и ненужное напряжение политического Пуританства, которое может разрушить сообщества и вызвать к жизни абсурдные дебаты в духе "я более крутой анархист, чем ты". Эти споры покалечили сообщества зоозащитников и веганов, не говоря уже о таких идеологиях динозавров, как Христианство. Различия между гордостью и чистотой тонкие, но крайне важные. Эти различия влияют на манеру сотрудничества с другими людьми, на то, с кем мы решаем проводить время.

Анархо-гордость позволяет нам трудиться вместе с людьми, которые пусть не разделяют, но ценят наши организационные принципы, цели и мечты. Такой подход позволяет всем участникам проекта принимать решения, основываясь на полной информации, будь то бенефитный канц или уличный протест. В то же время многие анархисты

очень щепетильны в том, чтобы публично заявлять о своих взглядах. Они боятся, что анархическая гордость отпугнёт потенциальных союзников. К несчастью, стремление держать в тайне наши мотивы - патерналистическая тенденция и снисходительное отношение. Такой подход легко использовать для рационализации обмана. Сокрытие наших анархических взглядов предполагает, что другие люди недостаточно образованы или умны, чтобы самостоятельно принять решение о сотрудничестве или не сотрудничестве с анархистами. Политическая открытость позволяет всем группам разделять истинные цели и интересы. Открытость в этом вопросе - это прививка коалициям и партнёрским отношениям от непонимания и презрения.

Если группы или отдельные личности принимают решение не сотрудничать с нами только потому, что мы - анархисты, следует уважать такое решение. Это лучше, чем попытки обманом подтолкнуть их к мысли, будто мы являемся кем-то иным, только для того, чтобы “вывалить” на них правду “после Революции” или очередной уличной акции, как иногда случается. Попытка вести откровенный и открытый диалог с коллективами и отдельными личностями, с которыми мы хотим сотрудничать, - наш лучший шанс на создание искренней солидарности.

НА ПОРОГЕ АНАРХИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

С момента своего появления, анархизм (как и многие другие международные политические движения) определялся политической. Куда уж от этого деваться, мы - существа политические. У анархистов есть очень чёткий список врагов: Государство, Капитализм, Иерархия. У нас также имеется чёткий список желаемого: взаимопомощь, автономность, децентрализация. Хотя мы и ставим на то, что анархия позволит организовать лучшую жизнь, чем при динозаврах, мало что может предотвратить анархизм от превращения в очередную ортодоксию: такую же плохую, как Коммунизм, Социализм, Либерализм, Реформизм, Капитализм, Мормонизм или любой другой “-изм”. Развитие событий в Северной Америке в последние годы демонстрируют, что фиксация на какой-то тенденции или сужение фокуса

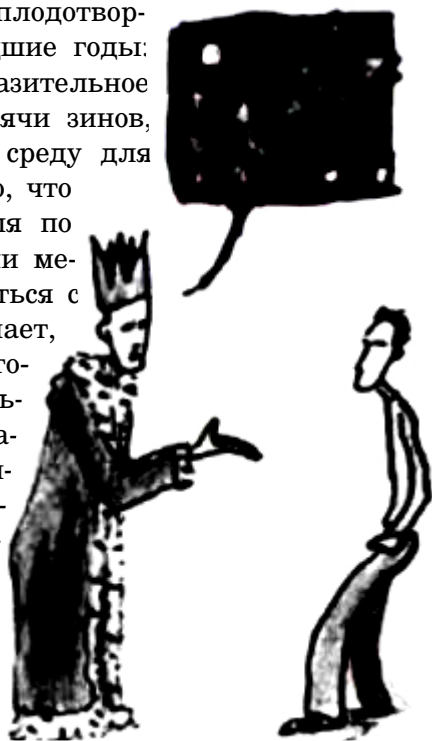
в анархической политике оказываются не столь важным, как смешанные анархические коммьюнити, создаваемые в результате нашей политики. Эти сообщества поддерживаются совместной деятельностью, тактикой, культурой. Мы не должны становиться монокультурой. Вместо этого, думайте об анархии как об экологии культур - вроде микробов в чашке Петри или уличного протеста. Это нечто, подпитываемое разнообразием.

Подобно любой группе друзей, которые трудятся и живут вместе, мы развиваем нашу общую культуру, несмотря на различное происхождение каждого из нас. Каждая группа анархистов (в том числе даже такие, которые живут по анархистским принципам, ни разу не открыв Кропоткина, Гольдман или даже CrimethInc.), создает свой уникальный набор практик и культуры. Мы с тревогой относимся к появлению любой новой ортодоксии, хотя это именно то, к чему приучены люди, родившиеся на Западе: к Новой Большой Идее. Будь то новый писатель, телешоу, общественное движение, или что-либо другое, на что мы тратим свое время. Поскольку культура может быть очень текучей, легко передаваемой и постоянно меняющейся, до сей поры это работало нам на руку. Вместо анархии “сверху вниз”, о которой нам рассказали бы медиа или эксперты, существуют дюжины соревнующихся, плодящихся, видоизменяющихся видов анархии. В фундаментальном смысле, это прекрасное развитие ситуации. Большая часть анархистов только рада свободе и разнообразию. Монокультуру динозавров можно отвергнуть ради разнообразных видов ярких народных анархий.

Сообщество - это нечто, признаваемое анархистами как очень важное. К созданию сообщества стремимся все мы. Но вопрос о том, чем именно должны заниматься эти сообщества порождает множество ожесточенных споров. В зависимости от того, кого вы спрашиваете, вы услышите в ответ “пиратское радио с вещанием на квартал”, “городская партизанщина”, “социальный центр”, “должны жечь лыжные базы”, “организовывать джаз-шоу”, “пусть мутят большое демо”. Эти различия в целях приводят к банальным спорам, которые редко когда идут на пользу нашей культуре или сообществам, которые критики так хотят увидеть в действии. Вместо того, чтобы попусту тратить время на пустословие с трибуны, мы можем все вместе посвятить его созданию некоего образа анархистского сообщества внутри той

отсталой культуры, в которой все мы вынуждены существовать. Эти сообщества сопротивления зарождаются по всему свету посредством создания полупрозрачных автономных зон, подобных инфоцентрам и общественным садам, бесплатным клиникам и органическим фермам, творческим пространствам. Мы видим отблески лучшего мира во временных автономных зонах, вроде общественных протестов или собраний, сквотов, захватов деревьев, уличных концертов, раздачи бесплатной еды. Поскольку задача создания сообщества - не из легких, наше время лучше потратить на формулирование и выражение наших страстей в интересующих нас областях, а не на споры.

Автономные зоны - физическое воплощение тех идей, которые получили столь широкое распространение в последние годы, даже если они кажутся лишь крошечными книжными лавочками, подвальными библиотечками, миниатюрными складами, разбросанными по Северной Америке. Это - лаборатории и мастерские анархии. По мере расширения наших сетей, расширяется и наша способность общаться между собой. Мы достаточно успешно и плодотворно пользовались этим в прошедшие годы: музыка, публицистика, изобразительное искусство. Дюжины газет, тысячи зинов, несколько книг создали целую среду для самовыражения и несогласия. То, что есть у нас сейчас - лишь капля по сравнению с капиталистическими медиа, но нам и не нужно состязаться с ними. Отказ от массы не означает, что анархисты обречены на то, чтобы быть маленьким незначительным меньшинством до конца наших дней. Сотни и тысячи коллективов и аффинити-групп могут сотрудничать вместе в солидарности и уважении к различиям друг друга.



НЕЛЬЗЯ ВЗОРВАТЬ СОЦИАЛЬНОГО ЭКОЛОГА

Анархия основана на предположении, что в лидерах нет необходимости и они нежелательны. В то же время этот девиз оказал крайне незначительное влияние на авторитарное крыло анти-авторитарного движения! Отдельные личности (практически всегда это стариканы с бородой) порождают вокруг себя культы последователей, которые продолжают существовать долго после смерти объекта поклонения, то есть уже в совершенно ином историческом контексте. Очень грустно, что многие анархисты идентифицируют себя с той или иной кликой, читают исключительно те или иные журналы, тщетно пытаются убедить окружающих в том, что именно их версия анархо-чистоты есть Истинный Путь. Эта жалкая грызня нанесла анархии столько вреда, что никакие количества возможных “обращённых” в веру сектантов не оправдают содеянного. Если анархисты способны только на оскорбления друг друга в ходе заумных теоретических дебатов, то конечно очень мало людей вовне анархистского гетто всерьёз отнесутся к нашим идеям. Анархисты не должны относиться друг к другу как к потенциальным противникам и соперникам за какое-то политическое или культурное пространство, но думать друг о друге как о потенциальных друзьях и товарищах. Всем нам нужны новые друзья с идеями и стратегиями, отличными от наших.

Мы не идеальны, и, подобно любому человеку, пытающемуся избежать травматического опыта (другими словами, избежать объятий западного общества), многие из нас все ещё сохраняют дурные привычки вроде догматизма, сексизма, патернализма. Стоит быть снисходительней к самим себе. Последнее, на что должно походить наше сообщество - на политическую партию с чистками и борьбой за власть; лучше стать племенем, которое заботится о своих. Выживание, будь то африканские саванны или моллы в США, - это когда люди забо-

тятся друг о друге. Прежде чем мы сосредоточимся на налаживании контактов со сторонними организациями, аполитичными рабочими, вообще кем-либо вовне анархистского сообщества, стоит для начала научиться относиться друг к другу, основываясь на понятиях солидарности, взаимопомощи и уважения. Эмпатия, которую мы развиваем в себе, заботясь друг о друге, - одно из тех творческих средств, которые мы можем применить в этом мире.

Интеллектуальные придирки ясно дают нам понять, что соперничающие фракции никогда не смогли бы провести культурные дебаты за чашечкой кофе, не говоря уже о том, чтобы сообща работать над каким-либо проектом, верно? Вместе с тем, именно совместной работой над каким-либо проектом и занимаются анархисты из различных слоев общества, стран и континентов. Нам не нужно единство в теории. Нам нужна солидарность на практике. Как только мы признаем и примем наши коллективные различия, мы сможем распространить практику анархии по всем нашим сообществам в мире. Выйти за рамки мультяшной политики (добавь зеленого к черной звезде - и анархизм редуцирован до спасения деревьев; добавь красного к черной звезде - анархизм посвящён исключительно классовой войне) для нас крайне важно. Сектанство ведёт прямоком в сторону авторитаризма, ведь как только кто-то идентифицирует себя с “правильной” анархо-сектой, все остальное становится “неправильным”. Основатель “правильной” идеологии неизбежно получает больше власти, чем его или её последователи (нынешние и будущие), и секта собирает силы, чтобы пойти святой войной на все другие оттенки анархистской радуги. Давайте не будем повторять провалов левых. Нам намного проще нападать друг на друга, чем уничтожать Государство. У людей



различные взгляды на освобождение и любое анархистское общество будет пользоваться разнообразием тактик и создавать различные проекты. В наши дни нам нужны радикальные анархистские профсоюзы, способные остановить бесконечную работу государственной машины, радикальные писатели, которые вдохновляют людей и распространяют знания, нужны люди, готовые биться с копами на улицах, tree-sitter'ы, чтобы спасти остатки дикой природы: другими словами, нам надо больше анархии!

ВСЯ ЖИЗНЬ – КАМПАНИЯ ПРОТЕСТА

Итак, мы можем изменить мир. С чего начнём? Перед нами - настоящий шведский стол важных проблем и потенциальных кампаний протеста. Все они требуют немедленного решения. Займёмся спасением последних древних лесов? Поможем коммуне нищих, живущих ниже по улице? Будем защищать права бездомных? Бороться с белой гордостью? С ментами? С потогонными мастерскими? Может, поможем Движению Безземельных фермеров в Бразилии? Эти проблемы кажутся много большими, чем может взять на себя любая отдельная группа или человек. Мир страдает от такого огромного числа несправедливостей и боли, которые ни один человек не в состоянии излечить. Нам нужно справиться со всем этим и даже большим.

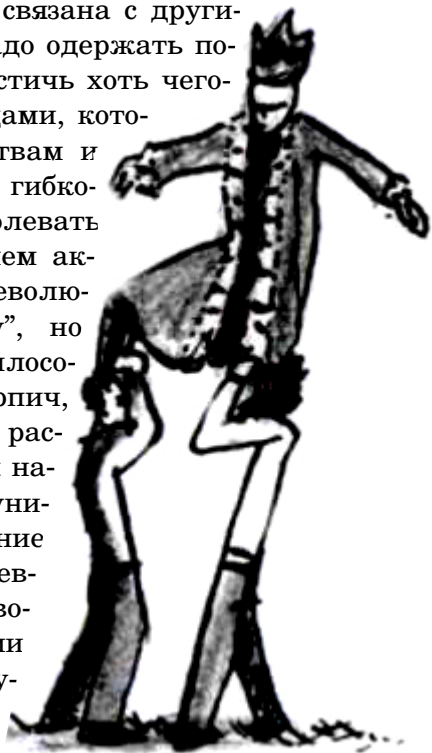
Повсюду вокруг нас пышным цветом цветут идеологии с готовыми ответами на любые вопросы, будь то последняя секта отщепенцев-коммунистов или Общество Сознания Кришны. Для тех из нас, кто вот уже много лет “меняет мир к лучшему”, очень легко быть циничным в отношении того супермаркета идей, где могут отовариваться современные активисты. Следует найти некий способ спасения нашего мира, избегая при этом простых ответов и лживых коротких путей.

Сосредоточенность на определенной протестной кампании - это заманчивая аллея для активистов, где они теряются навсегда. Каждая кампания преподносится как очередная Реша-

ющая Битва против Патриархального Общества, где наконец-то будут достигнуты решающие результаты. Конкретный враг в каждой отдельной кампании обычно представляется в виде такого кукловода, ответственного за все мирские страдания, а враги других кампаний протеста - исключительно в виде марионеток. Каждая кампания борется за участников из ограниченного числа активистов, отнимая время не только у других видов деятельности, но и у повседневной жизни активистов, приводя к выгоранию. Каждая кампания хочет, чтобы мы поверили в неё всерьёз. Может ли быть какой-то способ борьбы за перемены в мире без того, чтобы активизм представлял из себя ярмарку справедливости?

Сосредоточенность на кампании, посвященной некоему частному вопросу, граничащая с помешательством, может привести нас к тому, что в конечном счёте мы начнём относиться друг к другу, как к объектам с определённой ценностью. Которые можно выставлять на обозрение и потреблять.

Практически каждая кампания связана с другими, и все они необходимы. И надо одержать победу в каждой из них, чтобы достичь хоть чего-нибудь - победить такими методами, которые и не снились правительствам и корпорациям. Анархия обладает гибкостью, которая позволяет преодолевать множество традиционных проблем активизма путём отношения к революции не как к "ещё одному делу", но как к философии жизни. Эта философия не менее ощутима, чем кирпич, летящий в витрину, или цветы, растущие в саду. революционизируя нашу повседневную жизнь, мы уничтожаем искусственное разделение между революцией и повседневной жизнью. Зачем довольствоваться товарищами и спутниками по движению, когда можно получить друзей и возлюбленных?



СВЯЗИ ДОЛОЙ

Радикалов США уже долгое время пугает и ставит в неловкое положение вопрос расы. Современные белые анархисты особенно обескуражены недостатком расового разнообразия, особенно недостатком черных, среди людей, присоединяющихся к ним на улицах и для совместной деятельности. Белые анархисты потратили безумное количество часов на попытки понять “куда девался цвет”, будь то на антиглобалистской демонстрации или в местном инфошопе. Большая часть анархистов на земном шаре небелые. За последние годы анархистское сообщество в США стало больше походить на остальной мир: стало более разнообразным в этническом и культурном плане. Растущее число латиносов, азиатов, арабов и представителей других небелых народностей самоидентифицировались как анархисты. В то же время это не избавляет нас от чувства, что чего-то не хватает. Нет никакой ошибки: анархистов беспокоит не отсутствие латиносов или азиатов - их беспокоит отсутствие чёрных. Может быть, это следствие уникальной расистской истории США. Раса - основной аспект государственного угнетения и опора капиталистической эксплуатации. Ни один серьезный революционный вызов, брошенный Государству или Капитализму в США, не может игнорировать важность расизма в сохранении существующего порядка. И анархисты не должны это игнорировать. К несчастью, требования интенсивного налаживания внешних связей и символический отказ от эксплуатации вкупе с другим провальным наследием левых, не сделали анархические сообщества гостеприимной средой для чёрных.

Несмотря на растущее расовое и этническое разнообразие, до сих пор существует этакий слишком белый призрак анархического сообщества. Белые анархисты очень часто настолько раздражены отсутствием ощутимого присутствия чёрных ребят и девчонок, что легко поддаются на манипуляции отдельных личностей - не важно, анархистов или нет,

- якобы выступающих от лица чёрных общин. Нередки случаи, когда активист (обычно это белый специалист по антирасизму) срывает собрание, обвиняя участников в расизме. Из страха быть заклеяемыми столь позорным ярлыком, целые коллективы могут быть парализованы в результате своей неспособности привлечь (хотя на марксистском жаргоне рекрутировать значило бы то же самое) чёрных к участию в своих проектах. В других случаях, вопросы расы и заботы о разнообразии культур превращались в крикливые обвинения, влекущие самоуничижительное белое чувство вины. Белые коллективы даже пытались справиться с подобными чувствами вины посредством поиска чёрных сочувствующих и попыток включить их в свой коллектив. То есть приступов символических и бессмысленных жестов, от которых никому лучше-то и не становится.



Бессчётные часы и тонны макулатуры были посвящены попыткам налаживания эффективных связей с чёрными общинами. Несмотря на существенное количество дискуссий о том, что анархисты в США преимущественно все же являются белыми, на удивление мало прогресса в том, чтобы привлечь чёрных к анархии. Некоторые группы стали настоящими политическими Свидетелями Иеговы: белые активисты ходят от двери к двери по чёрным общинам, проповедуя преимущества анархизма. Это наихудшее проявление патернализма, ведь предполагается, что задача подъема всех чёрных на благородную борьбу за анархические идеи является “ношей белых анархистов”. Подобное поведение становится особенно лицемерным, когда белые анархисты, проживающие в

нищих чёрных районах, обвиняют других белых анархистов в расизме, в то же время способствуя гентрификации целого района. Некоторыми людьми высказывалось предложение снизить накал анархистской риторики и поступиться нашими принципами, изменить стиль одежды или музыкальные пристрастия ради того, чтобы не отторгать чёрных. Как если бы их сообщества менее толерантны или более конформистски настроены, чем любые другие.

Выдвигались даже предложения организовать взаимодействия с авторитарными организациями внутри чёрных сообществ, с тем, чтобы убедить их примкнуть к нашему анархистскому делу. Такая постановка вопроса предполагает, что для чёрных сообществ типично авторитарное устройство. Неявным образом полагается, что только белые могут по достоинству оценить неиерархические подходы к организации взаимодействия, и что чёрных могут отпугнуть столь радикальные идеи. Такие попытки, хоть зачастую и искренние, опять же являются патерналистическими, в них сокрыто неуважение к чёрным общинам. Игнорируется продолжительный период чёрного анти-авторитарного движения, начиная с бунтов рабов Нэта Тёрнера и вплоть до движения За Чёрную Автономию 1980х. Подобный патернализм демонстрирует потрясающее незнание того факта, что существенная часть авторитарных белых институтов прочно закрепились в американских чёрных общинах. Начиная с евангелистического христианства и заканчивая партией демократов.

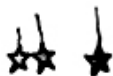
Абсурдно верить в то, что чёрные сообщества, особенно те из них, которые существуют под сапогом полицейского насилия, являются настолько хрупкими, что наш внешний вид и музыкальные предпочтения вмиг отвратят их. Например, после бунтов в Цинцинати в 2002, анархисты, планировавшие захватить улицы, обсуждали вопрос о том, насколько тактика “чёрного блока” смутит местных чернокожих жителей и спровоцирует сильные репрессии против местной общины. Страхи оказались беспочвенны. Когда на марше показались анархисты в масках, местный чёрный проповедник заметил, что поражен тем, что (по его словам) “ребята и девчонки из Сизэттла” маршируют плечом к плечу вме-

сте с местными жителями на митинге против ментовского беспредела. Он даже попросил визитку (!), чтобы потом связаться с анархистами для будущего сотрудничества. Анархисты также показали нескольким группам чёрных подростков, как превращать футболки в маски, с тем чтобы избежать полицейских репрессий в результате опознания. Этот небольшой пример показывает, что чёрные сообщества потенциально рады альянсам с людьми, использующими иные тактики, одевающимися иные одежды, и демонстрирующими принадлежность к другой культуре. Если, конечно, получившееся сотрудничество основано на солидарности. Поэтому не должно вызывать удивления, что чёрное сообщество Цинцинати положительно отреагировало на белых анархистов.

Вместе с тем, Цинцинати - всего лишь город. И много других регионов еще не были свидетелями столь позитивного взаимодействия. Некоторые белые активисты оказались настолько разочарованны неудачными попытками наладить контакт с цветными сообществами, что они теперь отрицают саму мысль о привлекательности анархических идей для любящих свободу цветных обитателей нашей планеты. Они утверждают, что анархизм - это западная идеология, не имеющая ничего общего с проблемами цветных общин, и, таким образом, анархизм никогда не будет принят цветными. Люди, делающие подобные заявления, на свой страх и риск игнорируют ту привлекательность, которой обладает анархизм для огромного количества небелых и незападных культур по всему миру. Анархические сообщества современности необычайно разнообразны: это коллективы, сберегающие технологии, в Корее, вооруженные повстанцы в Уганде, туземные племена в Боливии, Бразилии и Эквадоре. К сожалению, для многих в США наше представление об анархии ограничено Европой и Северной Америкой. Североамериканцам есть, чему поучиться у этих многочисленных и разнообразных проявлений анархии по всему миру, особенно в том, как каждая из них адаптирует базовые идеалы анархизма к местным насущным потребностям. Анархия имеет не меньшее отношение к защите земли предков туземными племенами или к бунтам в чёрных общинах после случаев мен-

товского произвола, чем к более понятным нам антиглобализационным и антиправительственным демонстрациям.

Существует множество способов, как анархисты могут достичь разнообразия. Один из них - создать лучшие и более открытые для посторонних анархистские проекты. Не надо менять наши девизы, одежды и идеалы - в любом случае, они не привязаны к конкретному классу, расе или типу личности. Следует сосредоточиться на создании успешных проектов, открытых для всех людей. Некоторые из ресурсов для успешного запуска таких проектов можно получить в менее угнетаемых сообществах, вроде белых активистов и чёрных из среднего класса. Это не означает, будто проект неправильный от природы, расистский или недалёковидный; это всего лишь отражает исторические и культурные реалии Государства и капиталистического угнетения. Тем не менее, анархисты способны создавать контр-структуры, которые можно использовать другим людям (включая тех, кто подвергается угнетению). Между различными сообществами возможно создать отношения доверия, которые добавят разнообразия нашим проектам.



Три ключевых элемента для успешных проектов - это быть открытым, основываться на искренних отношениях, быть эффективными для вовлечённых сообществ. Под открытыми проектами подразумевается, что независимо от того, какой коллектив начинает проект, любая группа может использовать его, если находит проект полезным. Открытость облегчает использование этих структур различными сообществами, добавляющими свой собственный голос сопротивления к хору. Чем более успешен и открыт для товарищей наш проект, тем больше в нём внутреннего разнообразия. Люди, страдающие от сильного угнетения, или те, у кого проблемы с ресурсами, вроде денег или времени, более склонны присоединиться к уже существующему успешному проекту. Различные сообще-

ства смогут присоединиться только к достаточно открытым проектам (в плане ресурсов и потенциальных возможностей), которые позволяют им использовать в собственных интересах.

Так как же сделать проект открытым? Есть ряд проверенных способов, которыми можно сделать проект более открытым к другим сообществам. Первый - прозрачность. Это касается не только принятия решений, но и всех других аспектов проекта: кто вовлечён, почему, с какой целью. Проект должен быть настолько доступен, насколько это возможно, включая привлечение людей, говорящих на разных языках: это касается и информации, и пропаганды. Последнее и самое трудное условие - это позволить другим коллективам пользоваться проектом без подозрений и микро-энеджмента. Это возможно только при взаимном доверии.

Инфошоп может пригласить чёрных подростков, заинтересованных в хип-хопе, использовать своё пространство для открытых mc-турниров. Если проект действительно открытый, то участие хип-хоперов позволит инфошопу расти и развиваться в таких направлениях, которые даже не казались возможными первоначальной инициативной группе. Основатели радикального инфошопа может и не смогли бы найти время и средства, чтобы добавить хип-хоп аспект своему пространству, но когда хип-хоп "детки" используют это пространство для своих целей, оно расширяется и обеспечивает взаимопроникновение двух коллективов в информационные пространства друг друга. Когда коллективы доверяют друг другу и уважают друг друга, инфошоп может стать местом межгруппового диалога. В нём могут зародиться основы взаимного доверия.

Хип-хопперы с нехваткой творческого пространства могут захотеть использовать инфошоп на более регулярной



основе. Если коллектив инфошопа хочет быть открытым по отношению к другим группам, им следует обеспечить прозрачность своей деятельности, дав ребятам и девчонкам понять, для чего используется это пространство, как оно появилось, каковы его цели. Эта прозрачность позволит подросткам принять осознанное решение о том, совместимы ли цели инфошопа и их собственные. И снова, явно анархистским коллективам следует быть честными в том, что касается их взгляда на политику, чтобы избежать непонимания во время своей деятельности. Ни одна из групп не должна прибегать к сокрытию своих намерений или политических целей ради того, чтобы нормально взаимодействовать с другой группой. Инфошопу в нашем примере имеет смысл продумать простой и легко реализуемый способ взаимодействия уличных подростков с пространством инфо-центра.

Большинство групп полагается на плохо разрекламированные тайные встречи для принятия решений. Люди, не входящие в наше сообщество, могут быть смущены и запуганы такого рода обстановкой. Для того, чтобы быть действительно открытым, инфошопу может не помешать доска объявлений, выставленная в одном из окон, на которую можно наклеить объявления о грядущих событиях. Ожидания всех групп, пользующихся этим пространством, должны быть ясно и четко изложены, чтобы не было недопонимания и конфузов в будущем. Тщательная слежка от ястребоподобных хранителей инфоцентра во время проведения музыкального события всегда неприятна и ведёт только к презрению. Коллектив инфошопа должен доверять ребятам настолько, чтобы позволять проводить их мероприятия с минимальным вмешательством со стороны участников коллектива. Это позволит музыкантам относиться к пространству, как к своему собственному. Что, в свою очередь, придаст дополнительную ценность всему проекту. Хип-хоп событие — лишь один из примеров: в различных городах живут разные люди с разными нуждами, будь то рабочие заводы, пытающиеся организовать профсоюз, или студенты, собирающиеся бойкотировать занятия.

Открытость в проектах позволяет сформировать искрен-

ние связи между коллективами. Как и люди, группы и проекты склонны к естественным пристрастиям. Например, Движение Американских Индейцев (AIM) организует свои ежегодные Дни Протеста Анти-Колумб в Денвере при помощи особенно радикально настроенных анархистов из Колорадо. Эти два коллектива имеют общую историю взаимоподдержки и прямого действия. Эти группы независимо развивали своё отношение к политике, но в то же время, они оказываются союзниками, разделяя чувства в отношении решения конкретных проблем и тактики. Иногда подобные союзы органически образуются сами собой, как например когда преимущественно белые, молодые и анархично настроенные люди из Анти-Расистского Действия (ARA) объединились с местными выходцами из Сомали в Льюистоне, Мэйн. Появление наци-молодчиков обусловило рождение столь маловероятного союза. Для многих анархистов, это было первым опытом солидарной деятельности бок о бок с сомалийцами. Многие люди в сообществе выходцев из Сомали никогда не думали, что у них может быть что-то общее с анархистами. Общее дело (в данном случае - изгнание наци) - более крепкая связь, нежели какое-то абстрактное "налаживание взаимодействия", когда союзы создаются в основном с оглядкой на расу.

Наши проекты должны быть ещё и эффективными, а это может потребовать больше времени и усилий, чем открытость и взаимодействие. Нельзя ожидать появления разнообразных проектов за одну ночь. В середине восьмидесятых, на плавучем доме в Милуоки техно-панки замутили пиратскую радиостанцию. Они начали со смеси панк-музыки и связанных с панк-сценой политических новостей и отчётов. Когда активисты из Университета Милуоки узнали, что постоянно растущее число студентов слушает нелегальную радиостанцию, они присоединились к проекту.

Студенты использовали проект для пиара активизма на кампусах и привнесли больше политической составляющей в эфир. Пять лет спустя, в 1991-м, группа матерей из общества социальной поддержки, организовавших протесты против тогдашней системы труда, решили воспользоваться радиоволнами для распространения информации о проблеме. До

того, как FCC (Федеральная Комиссия Связи - прим. пер.) смогла прикрыть лавочку, станция обрела необычный формат панк-рок музыки, политики студенческого кампуса и организации протестов на уровне сообщества. Этот эффективный союз создавался очень медленно и долго. Студенты и социальные активистки решили использовать станцию, потому что это оказалось эффективным средством для того, чтобы их голоса были услышаны. Многие пиратские радиостанции появляются в результате деятельности отдельных людей с достаточным временем, ресурсами и техническими знаниями. Поскольку пиратские радиостанции нелегальны, их использование влечёт определённые риски. Сообщество, испытывающее угнетение, которое к тому же не обладает достаточными ресурсами, может быть ещё несколько раз подумает, прежде чем тратить время и силы на проект, со столь высокой степенью риска, когда есть более неотложные проблемы, требующие решения. Открытая пиратская радиостанция, вроде этой из Милуоки, позволяет людям с ограниченными запасами времени и ресурсов, пользоваться всеми преимуществами. Можно придумать выпуски новостей и, если радиостанция пользуется успехом в качестве средства распространения информации, её начнут использовать и другие коллективы для распространения информации о своей борьбе. Расширенное использование радиостанции повлияет на её облик и звучание, безусловно сделав её более разнообразной и эффективной.

Существуют другие примеры, обратные примеру с пиратским радио. Равно как белые анархисты могут создать проекты, которые небелые товарищи могут счесть полезным использовать, так и цветные жители планеты могут начать проект, который позже при-



влечёт белых анархистов. Общественные сады Нижнего Ист Сайда и Бронкса - это пример проектов, организованных рабочими-латиносами. Сады оказались одновременно и успешным, и открытым для новых участников проектом, они стали привлекать белых активистов, помогавших сделать проект более безопасным и защищённым. Эти два коллектива тоже разделяли общую цель: желание зелёных пространств в городе и общественной автономии. За последние десять лет, сотни садов были разбиты, захвачены, засквотированны и защищены радикальными активистами из различных социальных слоёв. И пусть в Нью Йорке было уничтожено несколько дюжин таких садов в погоне за гентрификацией городского пространства, борьба за общественные сады продолжает оставаться ярким примером разнообразия и открытости.

Если мы серьёзно относимся к тому, чтобы сделать наши сообщества, культуры и коллективы более разнообразными в расовом плане, нам следует более серьёзно отнестись и к нашим проектам. Их стоит реализовывать со всей возможной страстью и тратить на них всё то время, которое необходимо. Нужно бдительно следить за тем, чтобы они оставались открытыми для других участников, сохраняли возможность развиваться по мере того, как в них оказываются вовлечены новые участники с похожими целями. Если мы вернём себе бесполезно затрачиваемые на установление связей с абстрактными социальными группами часы и силы, то сможем обогатить нашу деятельность и усилить коллективы. Это время можно потратить на то, чтобы узнать что-нибудь о других культурах и наладить здоровое взаимоотношение с их представителями. Когда цветные люди приглашают нас, белые анархисты могут поддержать их инициативы. Анархисты всех цветов могут превратить парализующий комплекс вины-за-то-что-я-белый(ая) в страстную приверженность открытым проектам, в которых могут свободно участвовать и быть вовлечёнными представители любой расы, этноса или социальной прослойки. Анархистам стоило бы отказаться от заплесневелого стереотипа рекрутинга новых адептов ради создания полезных и воодушевляющих проектов, открытых для всех и каждого(ой).

Честность в вопросах расы поможет нам создать более здоровые и разнообразные сообщества сопротивления.

ОТВАГА ЗАРАЗИТЕЛЬНА

Среди некоторых анархистов циркулирует священный миф о том, что панки, автостопщики и тому подобные нефоры отпугивают от нас широкие массы. Некоторые искренне верят, что если только явиться на митинг с гладко выбритым лицом, то века анти-анархистской пропаганды сами собой испарятся под светом наших улыбок. Нашивки, тату, пирсинг, маски, чёрные одежды, даже само слово “анархия” обвинялись не раз в том, что именно они являются причиной того, что большинство людей совершенно не волнуют те идеалы, за которые мы боремся. Некоторые осуждают “яркую индивидуальность” отдельных представителей нашего сообщества. Эта критика игнорирует ту силу, которой на самом деле обладает анархистское сообщество.

Если мы надеемся оказать ощутимое воздействие на жизнь наших сообществ и мир вокруг, то следует сосредоточиться на воодушевлении, а не волноваться об отчуждении. Достижение наших целей (свержение власти Государства и уничтожение капитализма) невозможно без вызовов традициям и привычкам обывательского стиля жизни; не стоит себя обманывать и верить в то, что внедорожники или рыночные опционы будут частью нашей жизни в мире, за который мы сражаемся. Анархия всегда представляла собой азартную игру с высокими ставками и ничтожными шансами на выигрыш. И для того, чтобы оставаться в активе год за годом, требуется ум, преданность делу и отвага. Не все из нас настолько смелы, чтобы в одиночестве бороться с мощью динозавров. Личная отвага не создает культуру сопротивления. Нам следует возвращать совместную отвагу, создавать настоящие героические сообщества. Следует быть теми самыми толпами варваров у ворот, а не ордой безобидных клонов.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА

Весьма иронично, что с точки зрения общественного мнения, величайшее преимущество анархической организации в США за последние несколько десятилетий - это тактика Чёрного Блока. Те самые люди - панки, автостопщики, радикальные экологи и прочие вшивые нефоры - которые, по словам некоторых идеалистов от анархизма, ослабляют Движение, вызвали небывалый всплеск анархической деятельности в Штатах. Чёрные блоки Сиэтла, Вашингтона, Квебека (и других мест) вдохновили людей; они обладали отвагой, их солидарность была героической. Деятельность этих блоков нашла отклик не только в сердцах молодежи, но и среди представителей многих других слоев общества: от обездоленных представителей чёрных общин в Сиэтле до безработных подростков Квебека. В то время, как нам непрестанно твердят о том, что мейнстримовые американцы, боясь насилия, разочарованные и отторгнутые обществом понимают желание уничтожать частную собственность, даже если это воплощается в том, что трактор таранит МакДональдс!

В прошлом существовало бесчисленное число героических сообществ, подобных тем, которые мы пытаемся создать на Земле в наши дни, в деятельности которых можно искать вдохновение. Мы предлагаем эти примеры не с целью вос-



хвалить прошлое, но для того, чтобы показать, что это уже делали до нас и сделают после нас. Эти героические сообщества достаточно уникальны каждое само по себе, но их объединяют практические результаты деятельности и страсть, с которой люди посвящали себя общему делу. Каждое из этих сообществ высвобождало воображение соответствующей эпохи и таким образом подталкивало неактивные элементы общества присоединиться к борьбе.

Хотя сейчас стало модным попинывать ребят и девчонок-автостопщиков, эти современные цыгане - социополитические потомки тех людей, которые поставили США на грань полноценной народной революции. А именно, IWW, Индустриальных Рабочих Мира. Эти радикалы скакали с поезда на поезд, добираясь с одного побережья на другое, организовывая каждую встреченную этническую группу и каждый поперечный промышленный коллектив в автономную взаимосвязанную сеть взаимопомощи. Хотя они и носились с идеей создания "Единого Большого Профсоюза", концепции, в победе над капиталистами полагающейся на чистую массу, именно их индивидуальные и коллективные акты солидарности воодушевляли современников и продолжают вдохновлять нас по сей день. Когда каждый(ая) участвует в организации активисткой деятельности, децентрализация и взаимопомощь приходят сами собой. IWW не заламывали руки в истериках по поводу насилия; они смело отстаивали свои убеждения перед лицом Национальной Гвардии, Пинкертонов, Американского Легиона, мафии, даже виселицы. Теперь, когда большая часть индустрии перебралась за море и люди заняты на временных работах в сфере услуг, возможно, возникла нужда в Пост-индустриальных Бывших Рабочих Всех Миров.

Величайшая из всех партизанских войн происходила не на Кубе, не в Китае и не в матушке-России, а в крайне непригодном для этого краю шампанского и гусиного паштета. Анархисты не уделили должного внимания Французскому сопротивлению, предпочтя героическую Испанию и партизанские движения в странах Третьего Мира. Французские Маки, наряду с антифашистским сопротивлением в практически каждой другой стране, находившейся под гнетом наци, смогли вдохновить тысячи домохозяек, молочников, учителей, интел-

лектуалов, художников и практический каждый другой сегмент общества. Загораживающим моментом в героическом сообществе французских Маки является то, насколько обыденными были жизни героев по сравнению с их тайной деятельностью. Союзная разведка официально отвергала Маки как “неэффективную, неорганизованную группу политических хулиганов”, в то время, как коллаборационисты вишисткой Франции с трудом пытались объяснить Рейху, как это военное производство и внутренний порядок оказались “под серьезной угрозой” в результате деятельности “торговцев рыбой и бывших студентов”. Эти сообщества сопротивления, организованные в автономные секции во Франции (и других странах), полагались на “вдохновение” для распространения своего социального послания, поскольку все каналы пропаганды находились под контролем наци. Эти сообщества смогли вдохнуть новую жизнь в старый девиз “пропаганда действием”.

На каждого саботажника в Маки приходились дюжины товарищей, обеспечивающих безопасные убежища, еду, деньги, оружие. При этом сами эти люди и их семьи подвергались значительному риску. Эти тайные помощники распространяли идеи сопротивления во время приглушенных бесед в кафе и у заборов соседей. Все это делалось под пятой самой эффективной репрессивной полицейской силы в истории: Гестапо. Героические акты саботажа Маки, которые они называли “свободными актами”, зажгли пламя неповинове-



ния в народе, сделав многих простых французов участниками пятой колонны в тылу фашистов. Каждый Свободный Акт заражал воодушевлением граждан Франции, и даже Гестапо сообщало: “практически невозможно воспрепятствовать обсуждению крестьянами этой темы [свободных актов] в барах. Похоже, что они создают атмосферу сопротивления в неожиданных местах.”

Сегодня у нас есть краткосрочные коалиции вроде “Черепашки и Водители Сизтла”, но ничего подобного такому маловероятному союзу между беглыми рабами, живущими на болотах индейцами и мексиканскими крестьянами, вроде Нации Семинолов. Неправильно относиться к Нации Семинолов как к коалиции в современном смысле этого слова. Вместо коалиционного объединения произошло культурное слияние, в основу которого были положены лингвистические, социальные и политические аспекты всех трех групп, вошедших в сообщество. Было создано уникальное сообщество сопротивления, чье существование началось до создания США и закончилось много лет спустя после окончания Гражданской Войны. Семинолы сеяли страх в сердцах британских солдат, федерального правительства США, работорговцев, техасских рэйнджеров, иерархичных североамериканских индейцев, мексиканских военных. Они не только добились успеха в срыве замыслов своих врагов, они ещё и стали источником надежды для тех, кто бежал из авторитарных племён или ужасов рабства. Как это оказалось возможным во времена до появления СМИ? Ответ прост: героическая деятельность Семинолов и их непоколебимое вооруженное сопротивление сделало их легендами при жизни. Их репутация мотивировала угнетённых принимать участие в не менее героических действиях, подобно побегу от рабовладельцев и путешествиям на сотни миль в качестве беженцев с тем, чтобы присоединиться к сообществу. Удивительной чертой этого уникального племени является то, что они смогли сопротивляться много дольше большинства других туземных племён обеих Америк - и, пожалуй, сопротивляться с большим успехом, чем даже Индейцы Великих Равнин. Они мечтали об обретении собственной земли и сражались, защищая свои земли от многих врагов.

Это лишь некоторые из примеров героических сообществ, ко-

торые избежали внимания анархистов, и подобных сообществ достаточно много. Можно привести в пример французских дезертиров и бунтовщиков времен Первой Мировой, пиратов Карибского моря и Северной Африки, бунты рабов в Новом Свете, английских Диггеров, пламенных матросов ледяного Кронштадта, и многих других, повести о ком вырваны из учебников истории. Несмотря на географические и исторические отличия, у этих коллективов много общих черт, хотя ни одна из них не может похвастать всеми чертами сразу. Во-первых, эти сообщества делали акцент на общем единстве в противовес личной харизме представителя. Во-вторых, сообщества были открытыми: для людей извне, для новых идей и инновационных тактик. В-третьих, сообщество развивает собственную смешанную, уникальную культуру децентрализованного сопротивления. И наконец, эти сообщества сделали желание радикальных перемен источником своих тактических решений, социальных посланий и самой культуры.

Крайне сложно определить лидеров в подобных культурах сопротивления, будь то Маки или Семинолы, или кто-то в период между ними. Правительства не понимают сопротивле-



ния без лидеров, они склонны прибегать к смешным попыткам создания мнимых лидеров и кукловодов. Как широко известно, правительства Мексики и США попытались сделать из Дикой Кошки, талантливого воина и стратега, лидера Семинолов. Он отверг подобные предположения о статусе и заявил: “Я говорю за себя, потому что я свободен. Каждый из других тоже говорит сам за себя. Мы - это хор свободных голосов, который заглушит вашу ложь”. Аналогично, французские Маки отказались отправить лидеров на переговоры с вишисткой Францией или Союзниками. В раздражении, и та и другая власть назначила Де Голля “лидером”, несмотря на тот факт, что он бежал из Франции в Англию. Соппротивление без лидеров было и тактической, и политической необходимостью для этих героических сообществ, и остаётся таковой необходимостью для сообществ, которые мы создаем сегодня.

Героические коммьюнити не склонны создавать ригидные границы между собой и окружающим миром - вместо этого они открыты для людей и идей извне. При сравнении с обществами, в оппозиции к которым находятся такие коммьюнити, бросается в глаза гибкая природа последних. Благодаря постоянному притоку людей различного социального происхождения с различными идеями касательно того, чего они хотят от жизни, героические сообщества и создают устойчивые и плодотворные культуры. Эти смешанные группы обладают эгалитарной открытостью, позволяющей быстро создавать пространства для новых идей и развивать новые тактики. Они пытались создать новое и свободное общество и были готовы эффективно сражаться ради своей мечты. Они отказались от тактической централизации, отвергли приглашение выстроить свои силы на поле боя против численно превосходящих и лучше экипированных правительственных войск. Вместо этого, они использовали гибкость и инновации автономных аффинити-групп (ячеек, команд, банд), действовавших сообща. Эти сообщества отказывались размывать свои идеи или снижать накал борьбы ради привлечения поддержки широких народных масс. Их послание должно было сеять страх в сердцах противников, а не поощрять приток новобранцев. Они привлекали людей именно своей искренностью. Они предлагали перемены, в которых был смысл. Мы уже слы-

шим выкрики критиков: “Но все они потерпели поражение!” И, к сожалению, критики отчасти правы. Ни одно из этих сообществ не продолжает свою деятельность сегодня в каком-либо узнаваемом виде: Семинолы нынче известны благодаря своим казино, а Уобблы в наши дни - лишь тень своих предков. Тем не менее, в прошлом эти героические сообщества смогли создать такие отношения и организовать сопротивление такого характера, к которым мы стремимся в наше время. Вместо того, чтобы выбросить их в корзину истории в качестве интересных провалов, или же вместо того, чтобы поклоняться им, мы могли бы учиться их методам, учиться на их ошибках. Отвага заразительна. Перед нами стоит задача стать достаточно уверенными в себе, чтобы создать героические сообщества здесь и сейчас, потому что свобода универсальна, как и мир, в котором все мы живем. И она уникальна, как каждый из нас.

Пропаганда нуждой,
Пропаганда действием!

НАРОДНАЯ СКАЗКА "ДАЖЕ У АНГЕЛОВ И СОБАК ЕСТЬ МАСКИ"

(Рассказано наёмницей CrimethInc. Региной де Брэ)

И тогда маленькая мышка увидела маленький кусочек сыра, молоко и маленькую рыбку - всё, что она хотела, лежало на маленькой кухне. Но мышка не могла попасть туда, потому что маленькая кошечка не пускала её. И тогда маленькая мышка сказала "Довольно!", схватила пулемёт и застрелила маленькую кошечку.

- "История о маленькой мышке и маленькой кошке", сапатистская детская сказка

Будьте реалистами...

По своей сути, анархия - это помощь друзьям исключительно из дружеских побуждений. Среди нас, анархистов, это называется взаимопомощью. Хотя на первый взгляд всё просто, хозяева дискурса в этом мире сделают всё возможное, чтобы мы не помогали своим друзьям. Если капиталистам позволено было бы поступать, как хочется, мир стал бы очень холодным и пустым. Получился бы мир, где все относятся друг к другу как к потенциальным соперникам и врагам, потому что всего вокруг не хватает. Нехватка абсолютно всего: денег, времени, еды, любви - и вскоре, недостаточно уже чистого воздуха и чистой воды. Кто может позволить себе иметь друзей в таком мире? Единственный способ избавиться от этого извращенного мышления - выйти наружу в этот мир и доказать ошибочность этого предположения примером собственной жизни. Это именно то, что мы вознамерились сделать.

Требуйте невозможного!

Бывает, что мы никогда не встречались с нашими друзьями вживую. Мы только слышим о них, слушаем их музыку, и, не важно, как далеко они от нас, мы ощущаем связь с ними, которая чудесным образом соединяет нас в пространстве и времени. В один прекрасный день соседка сказала мне, что Сапатисты, вооруженные туземные повстанцы, ворвавшиеся на страницы международных новостей в день ратификации Договора Свободной Торговли в Северной Америке (NAFTA) в 1994-м году, нуждаются в компьютерах и другой помощи. Я посмотрела ей прямо в глаза и сказала “я буду там так быстро, как смогу.” Я говорила всерьёз. Восстание Сапатистов воодушевило людей по всему миру, и, хоть я никогда лично не встречалась с ними, не была в Чиапасе, если они нуждались в чем-то, что я и друзья могли достать, мы - конечно - сделаем это. Как понимает большинство американцев, западное общество настолько расточительно, что ежедневно можно находить на помойках кучу вещей в прекрасном состоянии. Многие из наших друзей решили воспользоваться преимуществами столь экстравагантной ситуации и заняться нырянием в контейнеры. Обычно в цели ныряния в контейнеры входит исключительно добыча еды – её едва хватает, чтобы наполнить наши вечно голодные животы и поделиться с Едой Вместо Бомб. Тем не менее, оказалось, что богатые выбрасывают компьютеры, как затвердевший хлеб, - немедленно после появления более новой модели. И это несмотря на то, что миллионы людей с радостью пользовались бы старой моделью. Поэтому мы решили нарыть немного компьютеров и как-то добраться до Чиапаса. Что может быть проще!

Перед нами стояло всего несколько проблем. Первая - сильная нехватка компьютеров. Мы не относимся к тем, кого может выбить из колеи такая мелочь, как суровая реальность, поэтому немедленно начали молиться вечно изменчивым духам-покровителям воров и бродяг, прося их послать нам рабочие компьютеры. Вскоре после завершения тёмных ритуалов, несколько компьютеров инкарнировались в ответ на наши молитвы. Оказалось, что соседняя группа активистов подумывала о том, чтобы передать кому-нибудь несколько

старых компьютеров, полученных от некоммерческой организации. К сожалению, мы были в Бостоне, восстанавливали силы после очередного анархического уличного протеста, а компьютеры оказались на Западном Побережье! Не знаящая страха дружная банда товарищей пустилась в путь, чтобы доставить нужное оборудование и послание доброй воли в Мексику.

Практически без личных вещей и - как всегда - без денег, мы сменяли поезда в пути на Арктический Север, до Западного Побережья добрались исключительно на огромном тюке овса (его мы отдали встреченной по пути семье индейцев, которые стопили до Сизтла). Забрав компьютеры у дружелюбных прихиппованных активистов с Западного Побережья, мы, к своему разочарованию, осознали, что без машины мы не сможем даже вниз по улице переместить наш груз, не говоря уж о том, чтобы доставить его в Чиapas. И снова, казалось, недостаток планирования роковым образом сказался на нашей миссии! Мы не могли стопить или сигать по поездам с компами, а наш проверенный временем автофургон стоял на приколе в Бостоне.

К счастью, небольшая орда примитивистов ехала в Аризону, с туром уничтожения цивилизации. Хотя мы все согласились, что компьютеры, безусловно, подпадают под категорию "цивилизация", после того, как мы объяснили свой замысел, товарищи предложили свою помощь. Несмотря на иронию ситуации, банда анархо-примитивистов сгорала от желания помочь нам и, таким образом, косвенно помочь Сапатистам. Поэтому компьютеры были привязаны к крыше минивэна, и мы перевезли их ещё чуточку ближе к цели нашего путешествия.

В поисках нашего давно утерянного минивэна мы прокатились через всю Калифорнию и Аризону, финансируя поездку за счет оргий расхищения бензина и прочих наёбок. В это время другие участники нашей банды оборванцев смогли добратсья до фургона, загрузить его ещё большим числом компьютеров (обретенных в результате мутной инсайдерской операции в одной широко известной корпорации со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия), доставить всё это в наш тайный оплот в пригороде Атланты, и подготовиться к поездке.

Фургон, до отказа набитый анархистами, начал своё медленное путешествие с того, что сломал ось и практически перевернулся из-за веса компьютеров. По пути один из компьютеров был обменян на новую ось в автомастерской Миссиссиппи, и одиссея продолжилась.

Мы добрались до Аризоны, подобрали компьютеры у зелёных анархистов, и снова пустились в дорогу. Граница казалась непреодолимой. В конце концов, никто не предполагает, что вам захочется перегнать минивэн, груженный компьютерами, в соседнюю страну и при этом вы не захотите ответить на вопросы пограничников! К счастью, местная группа квакеров в сотрудничестве с анархо-синдикалистским профсоюзом Мексиканских рабочих индустрии потогонных мастерских, переправила наш товар через границу без проблем. Подарив несколько компьютеров профсоюзу, мы с триумфом въехали в Чиapas. Самым замечательным достижением было то, что мы совершили всё это практически без каких-либо ресурсов, за исключением маниакальной безработицы и легенды о Сапатистах. Это случилось только благодаря молодым анархо-примитивистам в балаклавах, недовольному менеджеру среднего звена из округа Колумбия, механику из Миссиссиппи, рабочим потогонных мастерских Мексики и престарелым пацифистам - целой сети друзей, способных совершить невозможное ради вооруженного восстания индейцев. Посредством взаимопомощи мы помогли создать сеть друзей, которая раскинулась по всему континенту. Единственный вопрос теперь: что дальше?

“После путешествия я сидела с блокнотиком, записывала номера полицейских и военных машин, проезжающих мимо сапатистской деревни. Надо мной высилось что-то, что когда-то было церковью, но сейчас являлось чем-то совершенно иным. В то время, как в церкви предполагается большое число изображений ангелов, эти ангелы с кожей цвета какао скрывали свои лица за банданами. А на месте, где обычно изображают Христа, ну или хотя бы Деву Марию, была Дева Гваделупская в маске, сжимающая пулемет, как новорожденного. На плохом испанском я спросила Мануэля, плотного сапатиста, в чьи задачи входило пропускать в ворота деревни исключительно друзей с доброй волей, почему у этих ангелов

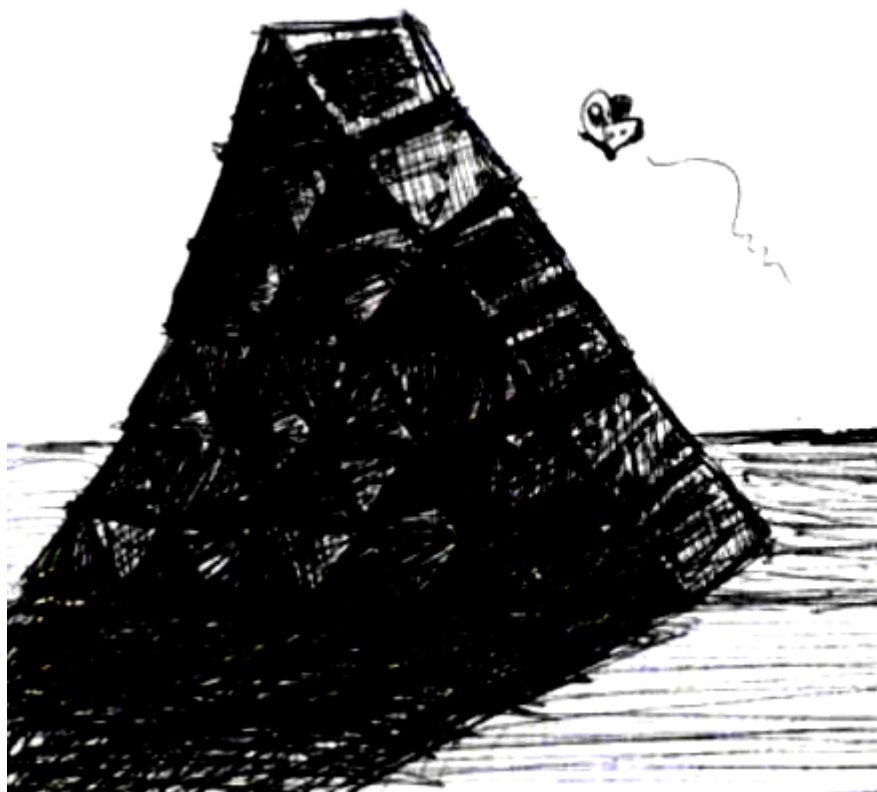
маски. Он сказал “Даже у ангелов есть маски - ведь это сапатистские ангелы.” Подобно всем автономным сообществам, где я бывала, на окраине поселка носилась стая бродячих собак, всем своим видом они показывали, что ничего доброго не замышляют. “Аааа...” я решила пошутить - “а собаки чьи?” Мануэль ответил: “ Это перро автономо, даже собаки у нас сапатисты.” Я спросила, где же тогда их маски. “Мы все носим маски. Ангелы, собаки, маис, Дева Мария, дети, старики - у всех у нас есть маски. Иногда мы их не надеваем, но они всегда есть.”



ИНФРАСТРУКТУРА, РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО

За последнее десятилетие среди анархистов Северной Америки было много страстных дискуссий касательно инфраструктуры сообщества. Несмотря на искреннее желание исключительно анархистской инфраструктуры, какой-либо общественной деятельности практически не случилось, да и ясного представления о том, как это должно выглядеть, нет.

Инфраструктура сообщества кажется штукой слишком огромной, чтобы даже задуматься о ней, не говоря уж о том, чтобы воплотить проект в жизнь. Когда мы думаем об инфраструктуре, на ум приходят такие вещи как транспорт, сети



связи, электроэнергия, канализация, жильё. Или же мы представляем огромные общественные проекты бюджетом в несколько миллионов долларов, с тысячами задействованных людей, которые требуют десятилетия и более для завершения.

Не удивительно, что мысли об инфраструктуре лишают нас воли! Что ещё хуже, так это то, что паралич вызывает существенный рост скептицизма в отношении шансов анархического сообщества на процветание. Тем не менее, существует иной вид инфраструктуры, которая является маленькой по масштабу, бесплатной и праздничной по характеру реализации - нечто совсем чуждое массивному динозавру инфраструктуры, окружающему нас сегодня. Мы пытаемся создать контрструктуру, которая позволила бы нам жить не только вовне, но и против существующей инфраструктуры.



Контр-структура случается, даже если её не собираются создавать. Она неприметна и пробирается в наши проекты на мягких лапах. Контр-структура органически образуется в результате реакции на непосредственное физическое окружение и текущие события. Поэтому инициатива Еда Вместо Бомб так популярна в Америке, и так малораспространена в Шотландии, где многие бесплатные кухни работают в соответствии с программами правительственной помощи. ЕВБ в особенности обладает качествами народной анархии, потому что это нечто большее, чем просто инфраструктура для решения насущных проблем; эта инициатива вдохновляет всех, кто принимает участие в этих искренних отношениях, основанных на взаимопомощи. Бездомная (или свободная от дома, в зависимости от перспективы) женщина, которая приходит к стенду Еда Вместо Бомб ради бесплатной еды, имеет возможность начать готовить еду вместе с людьми из коллектива, и таким образом



получить еще один стимул к жизни. Спустя короткий период времени, она и вовсе может стать критически важным участником проекта, или принять участие в других проектах. Этот процесс есть прямая противоположность правительственных (или церковных) раздач пищи, которые парализуют голодных, превращают их в пассивных потребителей, получающих свои чашки с едой из рук людей, выполняющих функции специализированных производителей. Еда Вместо Бомб - одно из многих контр-структурных образований в нашей культуре сегодня: инфоцентры, свободные пространства, индимедиа, интернет службы, коллективы ухода за здоровьем и оказания медицинской помощи, кооперативное выращивание пищи. Хотя суще-

ствующая анархическая инфраструктура далека от идеальной (очевидно, нам крайне нужны пара хороших хирургов-анархистов!), тем не менее она существует за пределом учебников и мечтаний. В отличие от инфраструктуры угнетения, созданной динозаврами, настоящая сила анархистской контр-структуры заключается в её способности воодушевлять других на воспроизведение и расширение существующих проектов.

Не существует кабала тайных руководителей более чем трёхсот коллективов Еда Вместо Бомб, или сумасшедшего гения, организующего работу дюжин групп Индимедиа по всему земному шару. Мы все можем быть Джонни и Джейн Яблочное Зёрнышко от анархистской контр-структуры. Это возможно, если мы собираем информацию о хороших идеях и стратегиях со всего света и воспроизводим их на локальном уровне. И в то время, как наши страсти и идеи должны быть смелыми, вдохновение разумно черпать в ежедневных маленьких победах. Люди должны чувствовать поощрение к тому, чтобы начинать проекты малых масштабов, должны начать понимать, что малая инфраструктура порождает большую инфраструктуру.

Если в вашем районе есть голодные люди, не падайте в обморок при мысли о том, чтобы получить лицензию на некоммерческую деятельность у Системы, не бросайтесь искать площадь под аренду или устраивать дискуссию об управлении пекарней. Начните с малого. Соберите друзей, найдите ненужную вам еду, или еду, которую легко заменить, и приготовьте поесть. Устройте вечеринку с бесплатной хавкой для любого желающего: возьмите с собой в парк или метро пакет с бутербродами и раз-



дайте их. Отправляйтесь в Индимедиа центр или инфошоп, найдите новость вам по душе, распечатайте листовки и распространите информацию во время раздачи пищи. Обсудите её. Если места для встречи нет, пригласите людей к себе домой, займите стол в библиотеке или зависните в парке.

Децентрализованные инфраструктуры могут быть не менее эффективны (и, пожалуй, даже более эффективны), чем громадные и неповоротливые централизованные. Существует множество примеров децентрализованных структур, которые оказали влияние на сотни тысяч жизней. Ирригация в Бали децентрализована, но обеспечивает водой тысячи ферм и является ключевым элементом в обеспечении острова продовольствием. В Боливии, общественные колодцы копаются небольшими группами низко квалифицированных рабочих. Они обеспечивают до 15% питьевой воды, получаемой во всей стране. Эти колодцы обслуживаются и ремонтируются чаще, чем регулярные эксплуатационные работы на объектах государственной водной компании. И вода в них бесплатна! Общественные сады и Поддерживаемое Сообществом Сельское Хозяйство малого масштаба (CSA - Community Supported Agriculture) - это новые способы для центральных городов и небогатых фермеров и садоводов наладить взаимодействие вне эксплуататорской сельскохозяйственной промышленности. Рикши, дешёвые маршрутные такси, частные перевозчики, предоставляющие быстрый, дешёвый транспорт для простого народа, вновь и вновь оказываются более эффективны в решении задач транспортных перевозок для бедных сообществ вроде Бруклина и Бронкса, нежели огромные, распухшие муниципальные транспортные системы.

Красота инфраструктуры малого масштаба в том, что она поощряет индивидуальное участие каждого. Предоставляется не только необходимая услуга (еда, пространство для жилья, вода, транспорт и т.п.), но также имеется прямая связь с сообществом, которое обслуживается и люди поощряются к тому, чтобы учиться друг у друга. Такая структура удовлетворяет нужды сообщества, используя уже существующие локальные ресурсы и людские навыки. В этом заключается основное преимущество децентрализованной инфраструктуры: она объединяет этики взаимопомощи и ДЕЛАЙ-САМ таким образом, что

и участники, и пользователи только выигрывают, грань между производителем и потребителем стирается. Вместо того, чтобы выступать исключительно в качестве “услуги”, децентрализованная инфраструктура на самом деле укрепляет тех, кто ей пользуется. В то же время сохраняется способность быстрого реагирования на изменения в нуждах сообщества.

Почему анархисты должны тратить свои ограниченные ресурсы и энергию, создавая инфраструктуру, когда полным-полно других проектов, требующих воплощения? Зачем создавать контр-структуры, когда надо организовывать протесты, готовить арт-инсталляции, гонять на канцы, писать манифесты? В чем политическая ценность катания на разбитом минивэне по улицам города, в перевозке старушек к ближайшему CSA, чтобы они купили мешок тыкв? Зачем открывать бесплатную службу сиделок, когда нация на всех парах несётся к очередной безумной войне? Какой может быть политический мотив для открытия и обустройства сквота на несколько семей, когда более 35 тысяч человек спит на улицах города? Кому есть дело до аляповато отксерокопированного зина, когда большинство американцев получают новости телевизионными порциями? Разве анархисты не должны заниматься чем-то более важным?

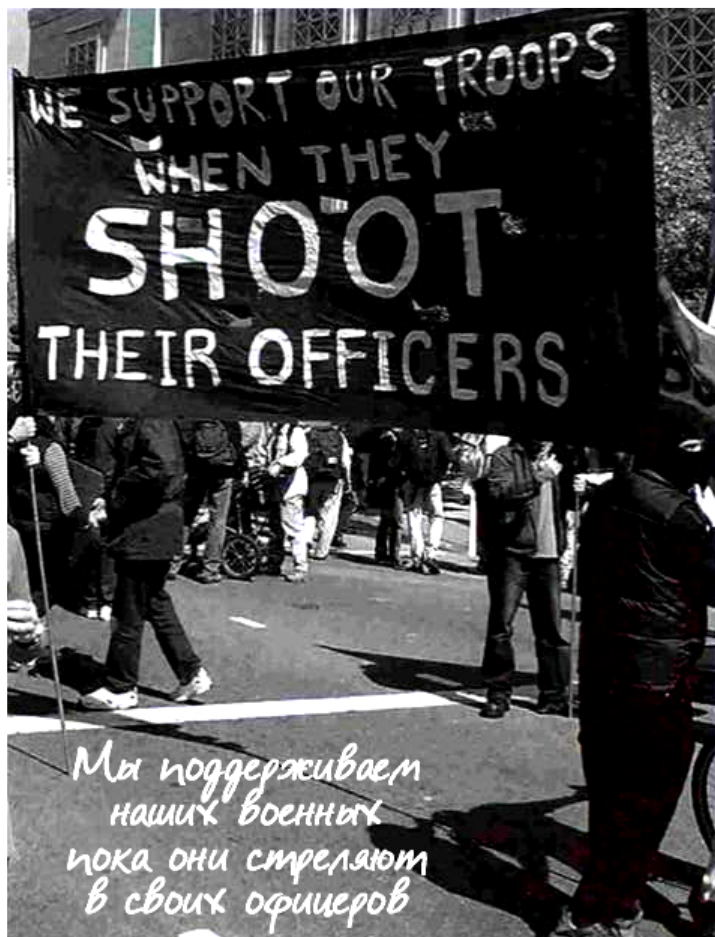
В двух словах, ответ – оглушительное “Нет!” Эти “более важные” дела невозможны без жизнеспособной анархистской инфраструктуры. Нельзя остановить войну, сорвать встречу МВФ или создать свободное эгалитарное общество без эффективных децентрализованных структур. Хорошие новости - это что такие инфраструктуры позволяют более эффективно действовать в борьбе с Войной, Государством, со всей капиталистической системой. Чтобы звать людей на улицы, надо обеспечить на этих улицах убежища, еду, связь, юридическую и медицинскую поддержку. Мы же не исключительно политические существа. Мы - существа из плоти и крови, нам нужны еда, вода, место, где преклонить голову, нам нужно здоровье, чтобы участвовать в социальной и политической деятельности.

Инфраструктура – это не только нечто, что могут обеспечить исключительно крупные бюрократии. Большую часть документированной истории человечества, люди решали пробле-

мы своих сообществ, не прибегая к иерархичным институтам или институтам принуждения. Общество сложно по своему составу. Но в основном это – результат склонности властей осуществлять накопление власти и богатства. Чем более открытая анархическая инфраструктура у нас будет, тем больше времени, энергии и ресурсов у нас будет, чтобы вести серьезную борьбу. По этим самым причинам создание инфраструктуры - значимая политическая и культурная задача. Существует множество неиспользованных навыков, материалов, идей - они все есть в наших сообществах, надо только иметь желание их отыскать.



ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ, ГРАНАТА!



"Бунт – это сознание Войны"

распространенное граффити в окопах Первой Мировой.

Наше будущее ещё не закончилось, а для многих из нас еще и настоящее-то не началось. Если мы будем принимать только официальную историю университетских учебников, то нет причин относиться к прошлому как-то иначе, нежели как к очередному мёртвому грузу. Но история может быть живой памятью для целой культуры, её можно вспоминать, переживать заново. Можно бросать ей вызовы на новых фронтах и, когда уж действительно от неё не будет проку, оставить её в стороне.

Какого рода истории пытаются раскопать анархисты? Те, которые спрятаны в странных местах. История - не более чем сумма коллективного опыта населённого мира. И мы - такая же его часть, как и что-либо, записанное в учебнике. Если мы можем откопать мнения, раздавленные официальной историографией, прочитаем между строк официальные тексты, проникнем в их скрытый смысл, мы все вместе сможем обнаружить историю, достойную того, чтобы её помнили. Наш местный исследовательский отряд обнаружил историю сопротивления в одном весьма авторитарном и неожиданном месте: в армии.

“Бунтовать: (глагол) Поднимать восстание против законной власти”

Словарь Вебстера

История мятежа – это история сознательного восстания против военной иерархии. Изучение мятежей оказывается более поучительным, чем история утомительных имперских побед государств и их армий наёмных убийц. Со времён первого документированного мятежа призывников-галлов против Юлия Цезаря (более двух тысяч лет назад), мятежники сыграли важную роль в сдерживании абсолютистских и милитаристских амбиций людей, алчущих императорского титула.

Мятежи случались в ходе любой крупной войны на каждом континенте. Между мятежниками в прошлом и нашей современной борьбой существует связь, которую невозможно отрицать – это отрицание тоталитарной власти и страстное желание свободы.

Мятежи – это не случайные поступки недовольных солдат,

мятежи – это политические восстания. Это может быть отрицание британского культурного империализма мусульманами во времена бунта сипаев, чёрные солдаты, сражающиеся со своим расистским начальством на борту USS Чикаго, поднявшиеся на борьбу с Союзом во время Гражданской войны иммигранты, моряки-анархисты, отвергшие коммунистическую тиранию во время широко известного Кронштадтского Восстания, или же поджоги бараков недовольными солдатами во время бунтов на Папуа Новой Гвинее в 1999 и 2002 годах.

Каждый сам за себя

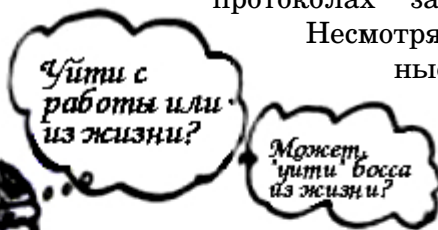
Дисциплина – душа армии.

Джордж Вашингтон

Большая часть представления о мятежах основана на официальных военных отчётах и протоколах заседаний трибуналов.

Несмотря на эти ангажированные источники, власти не могут отрицать или пытаться скрыть ту причину, по которой столь долго они не давали ге-

нералам спать спокойно. Вьетнамский “конфликт” был отмечен полномасштабными бунтами против армии США. Когда американский солдат во Вьетнаме убивал вышестоящего офицера, это называлось “fragging” (fragmentation grenade – осколочная граната - прим. пер.). Хотя сам термин первоначально обозначал, что офицера убивали посредством гранаты, позже его стали применять ко всему разнообразию подобных событий. Сотни, или даже тысячи, “фраггингов” имели место быть во время войны во Вьетнаме, но точное их число до сих пор неизвестно. Доктор Терри Андерсон из Техасского Универси-



тета А & М написал “Армия США сама не знает, сколько именно... офицеров было убито.

Но известно, что по крайней мере 600 было убито и еще 1400 погибло при таинственных обстоятельствах. Следовательно, к началу 1970-х, армия воевала не столько с врагом, сколько сама с собой.” Многие пацифисты призывали бы к тому, чтобы остаться в стороне от службы в армии, но отважные активисты, готовые распространить свои идеи в рядах вооруженных сил и готовые пустить пулю офицеру в голову, могут потенциально оказаться не менее эффективными, чем очередная антивоенная демонстрация в Вашингтоне, округ Колумбия. Вот уж действительно разнообразие тактик.

Бунтовщики периода вьетнамской войны были более искусственными, нежели их предшественники. И в использовании СМИ, и в распространении неиерархических структур с целью вскармливания бунтов. Есть сведения о примерно 144 различных подпольных газетах, печатавшихся или распростра-

нявшихся на территории военных баз США, в самих США и за рубежом.

Эти журналы не были каким-то набором комиксов с антиофицерским юмором в стиле “Жук Бэйли”, но являлись обоснованными и страстными призывами к сопротивлению. “Во Вьетнаме,” пишет Свободная Газета Форта Льюис-Маккорд, “командующие офицеры, те, кто отсиживается в бункерах во время атак — вот настоящие враги. Не Вьетконг.” Ещё одна газета с Западного Побережья советует читателям: “Не



БУНТ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ 2019

дезертируйте. Отправляйтесь во Вьетнам и убейте своего офицера.” Прямо на военных базах США на территории страны и за рубежом были созданы прото-инфошопы. К 1971 году, существовало по крайней мере 11 (некоторые военные историки говорят о 26) таких антивоенных “кофеев”, которые могли предложить Джи Ай (GI - сленговое обозначение американских солдат) рок- музыку, дешёвый кофе, антивоенную литературу, советы и подсказки по дезертирству, и прочие подобные субверсивные советы. В то же время велась постоянная работа по созданию более серьёзного сопротивления в действующих воинских частях.

Вся эта агитация и организация имели своим следствием не только газеты, инфошопы и частый ффраггинг офицеров, но также серьёзный саботаж возможностей США продолжать войну во Вьетнаме. В 1970 году, армия США насчитывала 65,643 дезертира, или примерно четыре пехотные дивизии, и 12% рост в DRR (Desertion/ Refusal Rate - Коэффициент дезертирства / отказа исполнять приказ). Несмотря на то, что армия США могла похвастаться одними из самых репрессивных законов против дезертиров, несмотря на распространённость казней и готовность военных судов прибегать к этой мере, несмотря на 230% увеличение численности офицеров военной полиции, - несмотря на всё это справиться с первоначальным распространением мятежей в рядах армии не удалось. В одном известном эпизоде моряки настолько повредили авианосец (залит компьютеры морской водой, открутив все болты, какие было возможно и под конец открыв все кингстоны), что судно пришлось поставить в сухой док ещё до того, как оно покинуло Сан Франциско.

Чтобы предупредить полномасштабное восстание, в дело вмешались отделы Разведки и Пропаганды Министерства Обороны США, открывшие “культурный фронт” в 1971 году.

Они заставили офицеров отрастить баки, начали преподавать им современную поп-пузыку, наладили производство глянцевого “контркультурных” журналов, открыли Патриотические Клубы, которые не только продавали дешёвые кофе и алкоголь, но ещё и героин. Части, расположенные во Вьетнаме, когда-то плодоносную почву сопротивления власти армейской верхушки, удалось вернуть под контроль при помощи

отупляющих наркотиков и так называемой “альтернативной культуры”. Бунтовщики потеряли силу и война закончилась на спаде DRR, фраггинга и саботажа. Военные усвоили урок. Теперь США полагается на добровольную армию, превосходящие технологии, иностранных союзников, которых легко заставить сотрудничать и которых не надо будет везти в мешках американским матерям. Военные поняли, что культура является более сильным инструментом, чем расстрельные команды. Как армия учится на своих ошибках, так и анархистам следовало бы учиться, чтобы когда-нибудь уничтожить армию раз и навсегда.

RAND Corp., один из наиболее смышлённых нейронов в мозгу современных динозавров, предполагает, что неотъемлемой сильной стороной современных мятежей является “сила, свойственная всем децентрализованным структурам. Бунтовщики обладают иммунитетом к традиционным структурам управления массами, поскольку лишены лидеров и осязаемых целей, за исключением реализации своего глубокого отвращения к армии.” Отчёт, основанный на недавних мятежах в Грузии и мятежах в ограниченном воинском контингенте советской армии в Афганистане, продолжает анализ словами, что бунтовщики обладают иммунитетом к традиционной патриотической пропаганде и призывам к гражданскому долгу. В отчёте есть предположение, что бунтовщики способны “заразить” гражданское население “фальшивым чувством храбрости” и “чувством подчиненного”, которые “провоцируют широкомасштабные выступления против местных [невоенных] администраций.”

RAND предлагает расширить инициативы на манер “Культурного фронта”



Минобороны в 1971-м году, чтобы они включали в себя “офисы рекрутинга [в населённых пунктах страны]... где должную дисциплину можно насадить ещё до того, как рекрут подпишет какие-либо бумаги в местном отделении рекрутинга.”

Чего не хватает в отчете RAND - так это того, что бунтовщики на самом деле не отличаются от гражданского населения. По большей части, бунтовщики — это призывники, цветные и бедные. Это те самые люди, которые видятся правящей элите расходным материалом. Все мятежи были посвящены вопросам выживания и осуществления правосудия - вопросам, находящим живой отклик в сердцах всех тех, кто ощутил на себе всю тяжесть угнетения, независимо от их конкретной роли в армии.

Бунт — это не революция. Это поступок, несколько поступков, которые используют прямое действие против угнетения с целью избавления от командира. Для не-солдат, любая форма легальной власти может сойти за командира, будь то мент, учитель(-ница) или начальство на работе. В отличие от образов Прекрасной Революции, бунты происходят непосредственно в угнетаемом пространстве, обычно их масштаб достаточно мал и как правило никто не думает о последствиях. Там, где угнетение зашкаливает, как это бывает на полях сражений, выступления бунтовщиков оппортунистичны и спонтанны, без каких-либо особых политических мотивов, кроме самого важного: выживания. Эти восстания анархичны по самой своей природе: они отвергают власть самым решительным и конкретным образом. Бунты также являются микро-средами, где люди отвергают правила, назначенных сверху лидеров, и любого, кто захватил или пытается захватить власть.

Одно существенное отличие обычных людей от бунтовщиков - это то, что бунтовщики являются тяжеловооруженной силой, которая по идее до бунта служила сохранению государственной власти. Если в таких важных прибежищах Государства, как армия, возможны восстания, - значит они возможны повсеместно. Если серьезно отнестись к разнообразию тактик (DOT), то в следующий раз, когда Государство начнет войну, помимо разгуливания с пацификом и антивоенной пропаганды, может стоит всерьёз подумать о том, чтобы вступить в армию!

Бунт как революция против власти в повседневной жизни

В наши дни очень мало людей в США на самом деле заставляют идти в армию. Вместо призывников, Государство использует наёмников, привлекаемых из самых бедных и угнетаемых слоёв общества в нашей стране, цветных и нищих. Это - те самые люди, которые при иных условиях были бы нашими братьями и сёстрами в борьбе с Государством. Вооруженные силы США тратят на яркую рекламу, рекрутинг в школах и другие утончённые формы манипуляции с целью завлечь беднейших и наименее образованных наших сограждан в армию более миллиарда долларов каждый год. Наши товарищи по борьбе должны пожертвовать своими свободами и жизнями, чтобы способствовать становлению имперского порядка.

Со времен до Второй Мировой, Государство прибегало к сложным схемам для использования культуры против народа, для контроля над его жизнью. Как заметили в RAND и других структурах, в том, чтобы использовать многочисленные вооруженные силы для контроля над населением, есть большой риск: а именно, что у потенциальных бунтовщиков и инсургентов в руках оказывается оружие. Сегодня те, кто не служит в армии, не испытывают на себе воздействие штыка (которым заставляли солдат подчиняться во время Первой Мировой) - штык заменён боссом, и профсоюзным лидером, которые должны держать рабочий народ в подчинении. Тем не менее, бунт живёт в народном представлении о сопротивлении, эти идеи бурлят прямо под поверхностью общественного сознания. Вместо того, чтобы полагаться на карманные профсоюзы, рабочий народ решил бить в ответ. Рабочее место стало средоточием целого набора практик каждодневного бунта против работы, начиная от спонтанных забастовок, экспроприаций оборудования и материалов, саботажа и заканчивая массовым добровольным уходом с работы. Когда эти действия совершаются из солидарности с борьбой других людей, как например докеры, заблокировавшие работу всех доков Западного Побережья во время протестов против ВТО, бунт становится мощ-

ным оружием в борьбе с капиталистами и Государством.

Где ещё можно бунтовать? Наши школы почти не трудятся скрыть свои устремления к индоктринации и манипуляции сознанием учеников с целью создания хороших сотрудников и пассивных потребителей. Разжалование как способ наказания в армии, в высшей школе заменено занесением выговора в личное дело. Несмотря на общественное мнение, студенты находятся в состоянии бунта с начала 1960х, когда студенты Беркли вышвырнули вон своих преподавателей и превратили три школы в автономные пространства. В 2002, более 20,000 студентов из Нью-Йорка, в основном чёрные и латиносы из трущоб,

покинули университетские и школьные классы, чтобы выплеснуть своё недовольство на улицу. Во время второй войны в Заливе, студенты со всей Британии решили бастовать: они блокировали дороги и разными другими способами (прямым действием и требованиями истинной автономии) пристыдили своих более старших соотечественников. Сегодня тысячи подпольных газет и зинов призваны насытить умы бунтовщиков. Когда очередная волна мятежей поднимется в школах и университетах планеты - всего лишь вопрос времени.

Карцер заменён уголовной системой. То, что называется американской мечтой, может с трудом обеспечиваться различными видами тюрем, будь то социальные учреждения или мысленные конструкты. Бунт заключенных в Аттике - лишь одно из самых известных тюремных восстаний; в новейшей истории нашей страны их были сотни. Повсюду в гулагах Америки, заключённые вооружаются книгами, дискуссионными кругами, страстью к свободной жизни в рамках тоталитарного окружения. За прошедшие годы заключённые сильно радикализировались, они самоорганизуются в дискуссионные кружки и группы взаимопомощи. Несмотря на жуткие тюремные условия, в этой среде можно видеть признаки зарождающегося сопротивления. Это видно по попыткам заключённых создавать профсоюзы и заниматься самообразованием.

Не надо делать ошибку и думать, будто законная власть - даже в своих наиболее "гражданских" обликах - не репрессивна и авторитарна, в отличие от "военного авторитаризма". Мятежи никогда не прекращались. Нам следует быть готовыми

бросить вызов любой власти, которая горит желанием пожертвовать нашими жизнями и желаниями во имя империализма, консьюмеризма, патриотизма. Раз бесконечная оруэллианская "Война с Террором" милитаризировала ежедневную жизнь в городах и пригородах - значит мы все можем быть бунтовщиками. Люди уже бегут с рабочих мест, из школ, торговых центров. Их число всё растёт. Когда нельзя дезертировать, нужно устраивать саботаж.

Мы можем игнорировать приказы политических лидеров и корпоративных бонз с Уолл-стрит. Вместо выполнения их указаний, давайте сосредоточимся на создании новых форм коммуникации, выпуске ещё более страстных пропагандистских призывов, создании инфраструктуры и автономных пространств. Будь мы рабочим людом, студентами, безработными, эками - мы лучшие эксперты в своем угнетении. Мы можем отвернуться от магазинов, которые за бесценок продают наши жизни, можем саботировать рабочие места, порабащающие не только наши тела, но и разум, можем взорвать умертвляющую догму системы образования. Цельтесь не только в сержантов, но и в генеральных директоров, топ-менеджров, федеральную комиссию связи, агенство по атомной энергетике и любого другого, кто хочет подчинить себе вашу жизнь! Мы



*кто-то всегда оказывается быстрее...
это капитализм, ты разве не знаешь?*

должны быть достаточно смелыми, чтобы восставать против элит, подчинивших себе культуру, будь то MTV, Starbucks или “альтернативная мода”. В прошлом мятежники были вооружены гранатами, штык-ножами и штурмовыми винтовками; сегодня мы вооружаемся нашими желаниями, умом, полным карманом камней и... может быть чем-то большим.

Да здравствует мятеж!

Результат Ток-аттентив-курсов

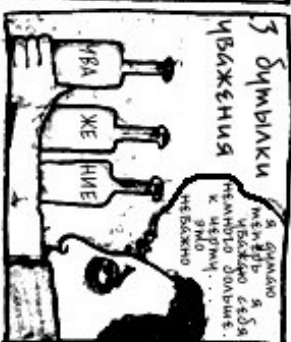
FROM AMARSKIST, GOODBYE

ПО СЛУШАЮЩИМ СОВЕТУ

А. СТОП. АТ.

Афритини-трини – прекрасное много на все случаи жизни: местные акции промышленности, интернациональные кампания, социальные проекты, прямое действие и т.п. Они состоят из разных видов и размеров, начиная с селфи – мы – бытмента – селфи – прямое – действие (популярны в США, Европе, Китае и Москве) и заканчивая работой в интернете. Независимо от того, какой результат вы получите, у всех афритини-трини есть общие свойства, которые делают их такими популярными. Ниже представим ряд важных ингредиентов для приготовления афритини-трини.

Возьмите 3-10 (больше или меньше) людей...



социализируйтесь (минимум 1 раз в неделю)



КОНЕЦ самонадеянности

Децентрализация организации анархистов

Долгое время анархистские проекты дезорганизовывались самонадеянным представлением о массовости. Бессознательно мы поверили принципу динозавров (государственных деятелей, капиталистов, сторонников авторитарной власти), который можно охарактеризовать как “больше - значит лучше”, поверили и тому, что нужно взять курс в этом направлении. Несмотря на интуитивное понимание того, что большие организации реже достигают своих целей, в сравнении с мелкими, сплочёнными группами, желание большого веса остаётся сильным. Стоит пересмотреть то, как мы выстраиваем планы, для того чтобы пробудиться от кошмара бюрократии, централизации и безуспешных проектов. Отрицание массовых организаций, как пристрастия к созданию организаций вообще, жизненно необходимо для разработки и переоткрытия возможностей для предоставления полномочий заинтересованным участникам и эффективной анархистской работы.

Деспотизм организации

Большинство массовых организаций являются результатом привычки, инертности и нехватки конструктивной критики. “Здравым смыслом” считается желание обрести вес, а также то, что группы должны иметь лидеров, или то, что решения должны приниматься на основе голосования. Даже анархисты были ослеплены уверенностью в необходимости создания специальных структур и больших организаций для эффективности, массивности и сплочённости. Эти специальные структуры стали символом правильности, и, чаще всего, они являются только каналом, по которому посторонние лица, будь то СМИ, полиция или традиционные левые могут понять нас. Результатом этого является мешанина из букв-имён организаций, которые существуют по большей части для то-

го, чтобы пиарить себя, едва ли занимаясь чем-то ещё. К несчастью, мы были не только вовлечены в принятие суперструктуры, как основного места нашей деятельности - многие из нас поддерживали их с готовностью, так как обещание массовости весьма соблазнительно.

Огромные объединения и суперструктуры стали образом действия не только для левых групп в целом, но и для анархистских инициатив. Они апеллируют к самонадеянным мечтам активистов о массовости. Даже наши лучшие усилия и самые необузданные мечты часто вытесняются видениями толпы в чёрном, штурмующей Бастилию или штаб Мирового Валютного Фонда.

Цена самонадеянной мечты о массе ужасающе высока и обещанной прибыли никогда не увидеть. Суперструктуры, такие как объединения обществ, централизованные сети и массовые организации требуют затрат энергии и ресурсов, чтобы выжить. Они - не вечные двигатели, которые вырабатывают больше энергии, чем в них вкладывают. В таком обществе с ограниченными ресурсами и с запасом энергии, как наше, суперструктуры могут израсходовать большую часть всех возможных ресурсов, делая всю группу неэффективной. Основные некоммерческие организации недавно проиллюстрировали эту тенденцию.

Большие организации, такие как Армия Спасения обычно тратят 2/3 своих денег (и даже больше наряду с оплатой рабочей силы) только на поддержание собственного существования: чиновников, расширения услуг, собраний и публичных выступлений. В лучшем случае, только 1/3 их вкладов в действительности идёт на поставленные цели. То же направление повторяется в наших политических организациях.

Все мы знаем, что самые большие объединения и суперструктуры проводят чрезвычайно длительные совещания. Можно провести полезное наблюдение: в следующий раз, когда вы заметите, что скучаете на слишком долгом собрании, посчитайте количество людей в аудитории. Затем умножьте это число на то, какое время длится собрание - и получите количество людей-часов, посвятивших себя тому, чтобы не дать угаснуть этой организации. Учтите время необходимое на дорогу, социально-ориентированную программу и распространение идей,

вовлечённых в продвижение собрания, и вы получите грубую оценку количества часов, поглощённых ненасытной утробой суперструктуры. После этих кошмарных видений, остановитесь и представьте, как много вы бы успели сделать, если бы колоссальное количество времени, ресурсов и энергии было действительно затрачено на имеющийся проект вместо того, что так наивно называют “активизмом”.

Взаимопомощь или кутёж

Суперструктуры не только расточительны, они также призывают нас заложить свои идеалы и сообщества. Объединения стремятся создать и усилить политику по определению. Эта программа действий рассчитана не только для достижения конкретной цели, но и для обозначения приоритетов в выборе того типа работы, которую считают важной. Среди неанархистских групп, это присваивание приоритетов часто ведёт к организационной иерархии, для того, чтобы гарантировать продвижение операции в целом всеми членами группы.

Элементарный пример – роль сотрудника или представителя пресс-службы (и почти всегда это мужчина), чьи комментарии одобрены мнением десятков, сотен и иногда тысяч людей. В группах без политического курса или политической платформы, мы, несомненно, не должны допускать ни одного другого человека, говорящего за нас – по одиночке, от групп лиц, объединённых общими интересами, или коллективов. В то время как обман СМИ и сотрудников пресс-служб попросту раздражает, суперструктуры могут привести к развитию событий с более тяжёлыми последствиями. В массовых подготовках к действиям или в акциях, тактика целого объединения зачастую разрабатывается небольшой кучкой людей. Причины многих неудач недавних начинаний заключаются в сосредоточении информации и полномочий принимать тактические решения в руках крохотной группы лиц в рамках большего объединения (которое может включать десятки коллективов и афинити групп). Для анархистов, такая концентрация влияния и власти в руках немногих просто неприемлема, но в то же время, очень часто мы миримся с

этим ради создания союзов.

Долгое время ведущим принципом анархистской философии был тот принцип, согласно которому люди должны заниматься активной работой, основанной на духовном родстве и тому, что наша работа должна быть значимой, продуктивной и приносящей удовлетворение. Это замаскированное преимущество благотворительной ассоциации. Самонадеянно – верить тому, что все члены большой организации, которая насчитывает сотни или тысячи людей, имеют идентичные взгляды и идеалы. Самонадеянно верить и тому, что путём дискуссий и дебатов, какая-либо группа убедит другие в том, что их личные задачи будут значимыми, продуктивными и приятными для всех.

Свобода, Доверие и Подлинная Солидарность

“Полная свобода основана на взаимодоверии”

Сэм Адамс

Если мы пытаемся создать действительно свободное процветающее общество, мы должны прежде создать общество, построенное на доверии. Менты, армия, законы, органы государственного управления и власти, религиозные представители, и все остальные иерархические лестницы, по существу, основываются на недоверии. Суперструктуры и организации пародируют это первичное недоверие, которое свирепствует и приносит ущерб всему обществу. В соответствии со старой традицией Левых, большие организации на сегодняшний день ощущают в связи с этим свою численность или предназначение, у них есть право контролировать каждый шаг в принятии решений и выполнении действий всех их членов. Для многих активистов ощущение того, что они являются чем-то БОльшим, чем просто сами по себе, воспитывает преданность организации, в которой они находятся. Теми же чувствами питаются национализм и патриотизм. Вместо того, чтобы проработать и создать инициативные группы, расположенные в наших сообществах, самим, мы работаем на большие организации с размытыми целями, надеясь убедить других присоеди-

ниться к нам. Это капкан, поставленный Партией, группой, название которой является аббревиатурой из нескольких букв, и большой организацией.

В больших группах, власть часто централизована, контролируется чиновниками (или определёнными рабочими группами) и разделяется по такому же принципу, как и в любой бюрократической организации. На самом деле БОЛЬШАЯ часть этой энергии направлена на сохранение власти внутри организации в одних руках. В группах, которые пытаются привлечь анархистов (например, антиглобализационное и антивоенное движения), эта концентрация власти перемещается в конкретные высокопоставленные рабочие группы, такие как "СМИ" или "Тактика", хотя даже "Жилищная", "Пищевая", "Медицинская" и "Легальная" группы занимаются более полезной работой. Независимо от того, как это проявляется внешне, суперструктуры порождают климат, в котором незначительное меньшинство имеет непропорциональное влияние на остальных членов организации.

Как анархисты, мы, по обыкновению, отрицаем идеи централизованной и её накопления. Мы должны критично относиться ко всему, что требует отказа от наших интересов во благо организации или общего принципа пресловутого термина "единство". Мы должны отстаивать свою автономность со всей той силой, с которой супер-



**ЭТО НЕ МОЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

структуры хотят лишить нас её.

Взаимопомощь долгое время была ведущим принципом, по которому жили анархисты. Парадокс взаимопомощи заключается в том, что мы можем защитить нашу собственную автономию, только позволяя другим быть автономными. Суперструктуры делают противоположное и пытаются ограничить автономию, а сотрудничество, основанное на взаимных интересах, подменяется игрой воображения и скупой выдачей прав. Децентрализация – основа не только автономии (которая является признаком свободы), но также и основа доверия. Чтобы иметь подлинную свободу, мы должны позволить другим заниматься тем, что им нравится и тем, что они умеют, в то же время, занимаясь тем же самым. Мы не должны как-либо зависеть от них и не должны заставлять их придерживаться своей программы. Успех, который мы одерживаем на улицах и в наших местных сообществах практически всегда зависит от групп, которые действуют сообща: не потому что они действуют по принуждению или по долгу службы, но потому, что их деятельность держится на истинной взаимопомощи и солидарности.

Мы должны продолжать воодушевлять остальных людей на деятельность согласованно с нашей. В анархистских сообществах мы должны стать равными, должны иметь возможность решать каждый/ая для себя с кем мы хотим создать аффинити группу или коллектив. Согласно этому принципу, каждая аффинити группа должна быть в состоянии свободно выбирать, с какими группами работать. Эти объединения, состоящие из двух групп или двух сотен, могут просуществовать недели или годы, на время проведения одной акции или длительной кампании. Наше падение произойдёт тогда, когда будет взят курс на расширение организации, а не на ту работу, ради которой она создавалась. Мы должны работать вместе, но имея при этом одинаковый статус и без какого-либо вмешательства со стороны государства, Бога или других организаций, определяющих направление или форму нашей работы. Взаимодоверие позволяет нам не скупиться на взаимопомощь. Доверие способствует сближению, в то время как бюрократия, официальные процедуры и долгие совещания порождают отчуждение и разобщение. Мы можем щедро делиться

скромным запасом энергии и ресурсов, сотрудничая с другими группами, потому что эти взаимоотношения добровольны, и основаны на принципе равенства. Ни одна группа не должна жертвовать собой, своей независимостью или увлечениями ради права работать с другими. Так как мы очень осторожны в выборе того, с кем мы собираемся сотрудничать в аффинити-группе, мы не должны предлагать объединяться с теми группами, с которыми мы не находимся во взаимоотноверии.

Мы можем и должны сотрудничать с другими группами и коллективами, но только по принципу независимости и доверия. Неблагоразумно и нежелательно требовать от конкретной группы согласия с решениями, принятыми другой. Во время шестивий этот принцип является основой философии “многообразия тактических приёмов”. Ненормально то, что анархисты требуют многообразия тактических приёмов на улицах, но затем откликаются на призывы к объединению и созданию этих больших организаций. Разве мы не можем с этим справиться? К счастью, можем.

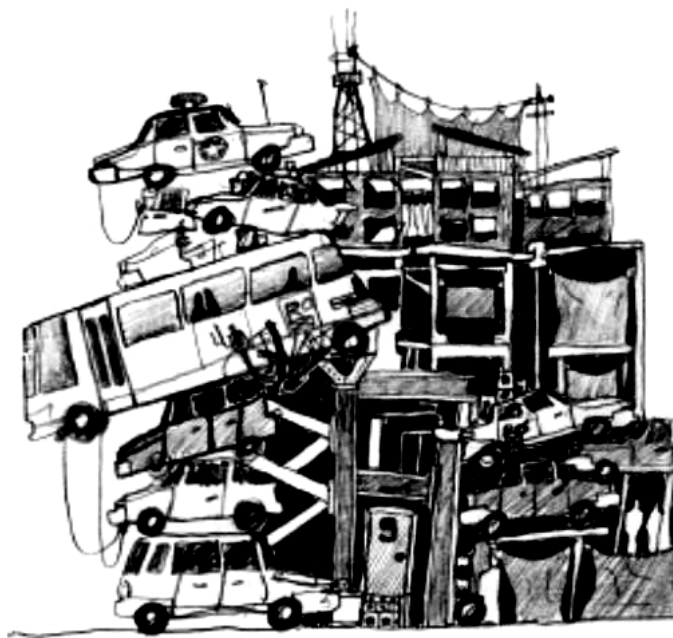


РАДИКАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: НОВОЕ НАЧАЛО

Давайте начнём действовать не в больших организациях и суперструктурах, а в маленьких аффинити-группах, состоящих из друзей. В рамках наших сообществ, радикальная децентрализация сотрудничества, проектов и ответственности укрепляют возможность анархистских групп процветать и выполнять задуманное наилучшим образом в соответствии с определёнными умениями и интересами. Мы отрицаем безрезультатные, деспотичные суперструктуры, как единственный способ сотрудничества. Мы можем следовать намеченной цели путём укрепления и поддержки существующих аффинити групп и коллективов. Почему бы не относиться с такой же критической позиции к необходимости создания больших объединений, организаций и других суперструктур, с какой мы относимся к государству, религии, бюрократии и корпорациям? Кроме того, ни одна стратегия не должна быть ведущей для всех, наш недавний успех бросил вызов устоявшемуся убеждению о том, что мы должны быть частью какой-либо огромной организации, чтобы чего-то добиться. Отнеситесь серьёзно к тысячам ДЕЛАЙ-САМ-проектов, созданных по всему миру, вне каких-либо суперструктур. Мы можем приходить на собрания и сотрудничать друг с другом, взяв за основу энтузиазм и идеалы, и затем найти тех, с кем мы этими идеалами поделимся. Вместе мы можем отстоять свою независимость и продолжить бороться за свободу, доверие и подлинную солидарность.



ДЕЛАЙ-САМ МЕТРОПОЛИ

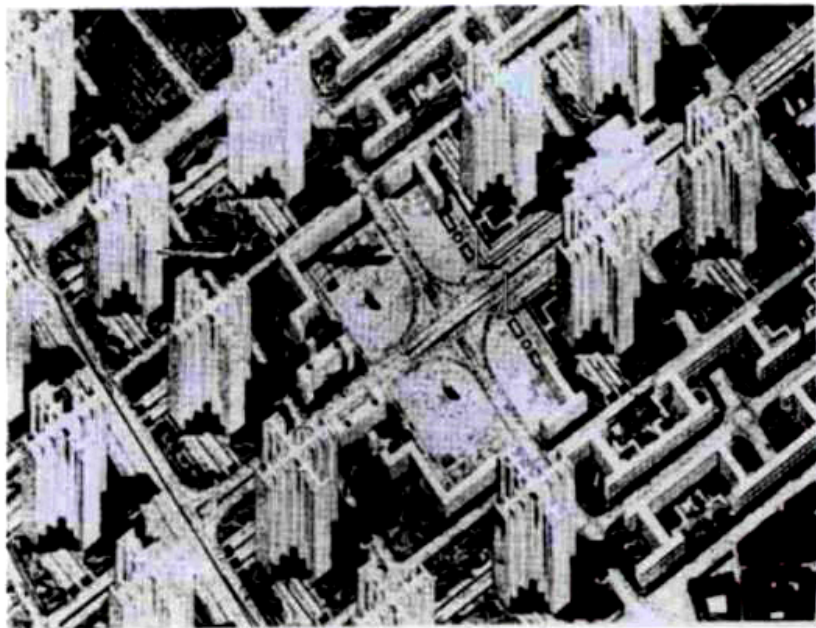


АНАРХИСТСКИЕ МОДЕЛИ ГОРОДОВ

«Может быть, это романтично — искать лекарства от болезней общества в медленных деревенских ландшафтах или среди невинных, неиспорченных провинциалов, но это лишь трата времени. Кто полагает, что в реальной жизни, ответы на любые из великих вопросов, которые нас сегодня беспокоят, будут даны в однородных поселениях?»

Джейн Джейкобс

Многие анархисты вместе с почти половиной мирового населения живут в городах. Если быть реалистичным, то многие анархисты организуются в городах, работают в городах, занимаются любовью в городах — и любят наши города. Вот только до сих пор было мало реальных исследований того, как могли бы выглядеть антиавторитарные города, если бы такая вещь вообще могла быть возможной, и как бы они могли функционировать. Многие анархисты считают, что города неизбежно иерархичны и, следовательно, с этим нужно покончить, но они мало размышляют над тем, как можно было бы переместить миллиарды людей без принудительных иерархий, или — какое влияние этот массовый исход оказал бы на сельские местности.



Другие, как Мюррей Букчин или его коммунитарные последователи, считают, что поселения, смоделированные по принципу средневекового города — или еще хуже, модель, основанная на рабовладельческих городах древних греков — создали бы оптимальную анархистскую среду. Эта концепция маленьких общин подхватывалась множество раз за историю анархистской мысли. Эти партизаны моделей маленького города желают контролировать размер и характер города, чтобы создать городские пространства, похожие на кукольные домики, с сегрегированными секторами и обособленными местами проживания. Похожие идеи уже были применены на практике Эбенизером Говардом в английских городах-садах, или более недавно в новой городской модели. Они типично выливаются в стерильные, раздельные, однородные, псевдо-урабанистические ландшафты, такие как Селебрейнш во Флориде и Кентлэндс в Мэриленде.

В то время как критика пасторалистов, коммунитаристов, примитивистов, фурийеристов и прочих зачастую верна в своих частностях, они промахиваются мимо причины, по которой более половины населения мира притягивается городскими пространствами. Они промахиваются мимо динамичной жизни города и хаотичной природы городского существования, которые создают не только проблемы, но и новые формы опыта. Они не замечают возможности, возбуждения и свободы жизни в городе. Даже если некоторые анархисты списали город со счетов, половина мира не списала.

За последние два века в дискуссии о будущем городов доминировали специалисты, которые исповодь ненавидели города. Множество городских и политических теоретиков (со всего политического спектра) переосмысливали город, нейтрализуя его. Видение Ле Корбуси чистой, избавленной от заболеваний, прекрасно регулируемой городской среды, мечта Ленина об индустриальной кооперативной метрополии, где рабочие бы жили совместно рядом со своей работой монотонно и функционально, и план Берлина Гитлера и Альберта Шпеера как этнически вычищенной, прекрасно подчиняющейся столицы не являются одним и тем же; но различия не так велики, как может показаться. Пьер Шарль Л'Энфан, планировщик Вашингтонского округа, говорил, что дизайн столицы с такими повто-

ряющимися схемами может хорошо выглядеть на бумаге, но в реальности стал бы «утомительным и блеклым». Даже анархистские реформаторы 19-го столетия вроде Шарля Фурье, страдали манией контроля, пусть у них и были несколько забавных фантазий (в фурьеристском городе должно было быть по одному мужчине и одной женщине каждого типа: 1620 человек разгуливали бы по округе в униформе с кисточками и эполетами, которую он придумал, чтобы обозначить различные склонности человеческого характера). Утопическое городское планирование воображало себя великим мотором социальных изменений: изменяя физические условия несовершенной вещи, города, оно могло бы создать совершенных людей. Их бумажные теории превратили несколько из величайших городов в мире в бетонный кошмар. Они отказывались решать вопрос о власти, т.к. никто не может планировать или создавать что-либо собственноручно, не занимая при этом властную позицию. Иерархический и архитектурный авторитеты суть одно и то же и должны бы одинаково отпугнуть как влюблённых в город анархистов, так и влюблённых в анархию горожан.

Анархистами было довольно мало написано об альтернативах иерархии городов. Есть лишь несколько книг и немного статей, написанных североамериканскими и европейскими сквоттерами, но их недостаточно. Мы считаем, что существует больше анархистских городских моделей, инновационных и апробированных, которые уже существуют в разных местах. Это бараки по краям наших самых больших и наиболее динамичных городских центров.

Город уже был переделан не-иерархическими способами, не легионами городских планировщиков или политических теоретиков, или даже горсткой сквоттеров, но миллионами самых обычных мужчин и женщин Глобального Юга. Катализированная необходимостью и желанием, ДЕЛАЙ-САМ-этика развилась в самых обширных и наиболее обнищавших центрах



мировых метрополий. Жители этих будочных поселений, фавел, как их, бывает, называют, являются одной из самых быстро растущих групп населения в мире. Отчёт ООН о человеческих жилищах от 1986-го года указывал на то, что от одной трети



и до более половины жителей наиболее больших городов в развивающихся странах живёт в этих типах неформальных поселений. Нам нужно многому научиться у этих органично организованных моделей городской жизни, которые уже существуют.

Верно и то, что примерно один миллиард человек, проживающий в неформальных поселениях, окружён большим числом опасных для жизни проблем, таких как отсутствие здравоохранения и скудное питание, большая часть этих проблем возникает из-за сокрушающей нищеты, наложенной на них неолиберальной политикой «развивающегося» мира. Несмотря на эти почти непреодолимые экономические и политические препятствия, всё больше и больше людей предпочитают перестраивать города мира. Что впечатляет ещё более, это то, что они пользуются многими принципами, которые поддерживаются анархистами, включая добровольное объединение, децентрализацию, экологичность, прямую демократию, взаимопомощь, обмен подарками и этику ДЕЛАЙ-САМ. Они сделали это, проделав органичное и хаотичное развитие, что во многих местах привело к эффективному политическому активизму и активному сопротивлению власти государства и капитализма.

Наша информация поступает из множества источников, включая отчёты НКО, антропологов, городских планировщиков, политических активистов, наши собственные посещения этих мест и, что самое важное, от самих людей, живущих в бараках. Миф, что бараки являются набитыми под завязку, опасными и мрачными местами, где люди живут не лучше животных в переполненных клетках, просто не выдерживает сравнения с опытом исследователей и людей, живущих в этих



местах. Давайте же углубимся в улицы favelas и войдём в их ДЕЛАЙ-САМ-дома; мы увидим иной способ обновления города — такой, которых похож на анархию.

ДОБРОВОЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ

Самым долговечным мифом барачного поселения является то, что его жители вынуждены жить там из-за экономической нужды. Это правда, что семьи перебираются в барачные поселения в надежде повысить свой экономический статус, но для многих это не единственная причина или даже не главная. Антропологи выяснили в самом крупном borgatas, что люди выбрали жизнь в нищих районах, так как скучали в своих маленьких деревнях и стремились сбежать от ограничивающих культурных и общественных традиций жизни в высокогорье. Подобные чувства были обнаружены и среди обитателей барачков в Гане, утверждавших, что там было больше возможностей избежать устроенных по расчёту свадеб, убогого образования и ограниченных карьерных шансов провинции. Рома (цыгане) в Болгарии переехали из сельских областей в барачные городки в крупных городах, чтобы избежать открытых насильственных предрассудков своих деревенских соседей. Или как выразился один сквоттер в барачном городе на окраине Гонг Конга: «В городе больше свободы. Я могу быть собой».

Люди не собираются в городах лишь по экономическим причинам; в городской жизни действительно есть свобода, возможность для индивидов изобрести себя заново. В больших городах существует зачастую культурная терпимость, которой нет в маленьких городах, сельских местностях или пригородах. Некоторые собираются в городах в достаточно большие группы, чтобы гарантировать безопасность. Другие перебираются в города ради экономических или образовательных возможностей. Утверждать, что жители лачуг являются просто пассив-

ными жертвами экономического гнёта, было бы чрезмерным упрощением, а в большинстве случаев просто неверным. Жители лачуг часто являются активными



агентами, предпочитая покинуть провинции по различным причинам и собираясь в неформальные поселения для того, чтобы создать лучший мир. Причины их исхода не сильно отличаются от причин анархистов с Соединённых Штатах сегодня, которые бегут от умерщвляющих пригородов и маленьких городишек своей молодости, чтобы собраться в сквотах или дешёвых квартирах в бедных и забытых кварталах наших больших городов.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Существует много аспектов децентрализации в неформальных поселениях. Основные городские инфраструктуры и услуги децентрализованы, несомненно, благодаря тому, что лачуги отключены от централизованных услуг, но и по другим причинам. Ограниченные ресурсы, малый объём, самоорганизация и желание прямого участия и контроля — некоторые из причин, по которым барачные посёлки применяют децентрализацию. Несмотря на свой недостаток ресурсов, многие из этих децентрализованных услуг оказываются более эффективными, чем централизованные модели.

К примеру, использование коммунальных мини-автобусов в поселениях на юге Истамбула очень популярно. Автобусы ходят более регулярно и более безопасны, чем их централизованные коммерческие конкуренты. Децентрализованные колледжи в барачных гетто Боливии оказались столь успешными в снабжении жителей водой, что великие и могущественные планировщики ООН решили исследовать эту модель на предмет использования в других регионах.

Даже образование и забота о детях являются зачастую децентрализованными. В Лиме децентрализованное образование предоставляется «странствующими» учителями, которые

передвигаются от одной крошечной соседской школы к другой — иногда до четырёх школ за один день. Иногда учителя выстраивают отношения с несколькими школами и соглашаются на компенсацию за свои услуги. Это обычное дело для школы в квартале — заполучить четырёх или пятерых учителей с основательным высшим образованием и опытом, которые приходят на уроки и уходят в течение одного школьного дня. Без этой организации для одной крошечной школы было бы невозможным найти персонал такого калибра. Забота о детях в большинстве барачных городков, где большинство матерей работают, тоже децентрализована. Люди (мужчины, женщины, сводные братья и сёстры постарше, пожилые люди и инвалиды) не занятые на работе позаботятся о детях работающих родителей. Это позволяет детям иметь более широкую сеть социальных контактов, чем в традиционной системе в западном стиле. Исследователь из Cooperative Housing Foundation обнаружил, что дети в лачугах на окраине Боготы создали долгосрочные связи с более чем двадцатью пятью взрослыми вне своих семей в течении недели посредством ро-тирующегося неформального присмотра.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ

Когда политика колеблется, представители ООН по городским вопросам или иные специалисты говорят о населении и росте города, они обычно ссылаются на ужасы разрастающихся барачных городков в «развивающихся» странах. Этим так называемым экспертам удалось создать имидж неформальных поселений как нестабильной, взрывной адской воронки, постоянно на грани саморазрушения. В то время как жизнь в этих посёлках полна трудностей, идея, что они все нестабильны, неприемлемы и готовы взорваться, просто неверна. Есть поселения, которые возникли за ночь, и есть поселения переходные, но это просто не касается всех поселений. Неформальные поселения, такие как в Рио де Жанейро или в Мехико-Сити постепенно перестают быть временными. Многие существовали долгое время — веками, в Бразилии — и они выдержали отчаянную нищету, рост населения и правительственные репрессии. Сущность неформальных поселений

по всему миру сменилась с временной и переходной на постоянную и продолжительную.

Несмотря на тот факт, что большинство лачуг располагаются в бедных городах, плохо приспособленных для человеческой жизни — на свалках, мусорных кучах, зонах эрозии, областях наводнений и на захоронениях токсичных отходов — они выживают. Более того, во многих местах их жители значительно поправили окружающую среду, создав более пригодные для жизни общины. В Турции жители лачуг недавно защитили окружающий их участок земли от эрозии, посадив и вырастив общинные оливковые деревья. Эти деревья, с их обширной корневой системой, были более полезны, чем бетонные конструкции, используемые правительством города. В двух самых крупных и наиболее политически активных поселениях в Мехико-Сити, жители барачных развили (вместе со студентами близлежащих университетов) инновационный способ защитить исчезающий зелёный пояс вокруг Мехико-Сити. Движение *Ecologica Productiva* заявило, что используя децентрализованные и творческие аспекты барачных посёлков, подвергающийся опасности «зелёный пояс» Мехико-Сити мог бы быть трансформирован в цветущий и разнообразный биологический резервуар, создающий экономические возможности для местных жителей. План настаивал на экологической технике (вроде пристроек на солнечной энергии к домам, которые перерабатывают органические отходы в высокоценное удобрение) и коммунальное управление природными ресурсами — ничего удивительного, что мексиканские власти запероли план. Несмотря на свою непопулярность у правительств, эти идеи теперь появляются в других странах Латинской Америки и Африки с большим начальным успехом.

В целом, неформальные поселения не обладают огромным числом построек, никаких излишеств в жилых помещениях или в стиле — а тотальная переработка является способом выживания. Недавние исследования в Мехико-Сити и Гонг-





Конге показали, что средний житель бараков использует половину того мусора, который производится средним жителем города. К тому же, большинство крупных городов в развивающемся мире не имеют формализованных программ по

переработке мусора, и поэтому жители бараков играют важную роль в переработке и сокращении годового объёма мусора в тех метрополиях. А т.к. и общественные места, и жильё мультифункциональны, ничто не остаётся незадействованным. Даже если посёлки невероятно тесны, в них зачастую больше общественных пространств, чем в некоторых городских районах в развивающемся мире. Они показали, как обычные люди присвоили публичные пространства, в то же время создавая новые ареалы, которые могут быть использованы и для частных и для общественных мероприятий.

ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Жители бараков всегда политически маргинализированы и в своей общности являются жертвами государственных репрессий. Явка на выборы в посёлках низка, но жители компенсируют это творческими низовыми акциями. Бараки были лабораториями пространственной и социальной организации и политических экспериментов. Наиболее успешно бараки разделяют использование прямой демократии в её разнообразных формах.

Чтобы прямая демократия работала в бараках, жителям нужен доступ к информации о политической сцене. Жители лачуг изобретательны в борьбе с этой проблемой. К примеру, несмотря на высокий уровень безграмотности, почти каждый мексиканский барачный посёлок располагает, по меньшей мере, одной ДЕЛАЙ-САМ-газетой, которую читают вслух в общественных местах. Посёлок в Катманду регулярно

выпускает книжку комиксов, иллюстрирующую политическую ситуацию в своих общинах и в стране.

Барачные общины использовали разнообразные тактики, чтобы достичь своих политических целей. Движение Ecologica Productiva в Ме-



хико-Сити использовала марши, коалиции со студентами университетов, с защитниками окружающей среды и международными некоммерческими организациями, чтобы оказать давление на правительство для большей автономии и прав для своих домов. Неформальные поселения на краю Гонг-Конга - активные захваты правительственных зданий, чтобы получить доступ к основным услугам. Жители барачков Катманду собирали и складывали весь свой мусор на центральной рыночной площади и заставили правительство выпустить постановление о вывозе мусора из их общин. Все эти акции были проведены без участия формальной репрезентативной организации. В Мехико-Сити попытка сформировать такую организацию даже привела к распаду движения Ecologica Productiva и вылилась в разрушение участвующих неформальных поселений. То, что случилось в Мехико-Сити, было повторено в US-американских общинах. Когда мы пытаемся стать «легальными», будь то получая лицензии для наших сквотов или разрешения для наших демонстраций, мы рискуем совершить ту же фатальную ошибку, что и сквоттеры Мехико-Сити.

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ И ОБМЕН ПОДАРКАМИ

Одним из самых очевидных аспектов барачков является их сокрушающая нищета. Бараки обладают немногими внутренними ресурсами и их доступ к достатку города скуден и в лучшем случае основан на паразитизме. Это привело творческих жителей барачков к развитию и применению нескольких альтернативных экономических моделей, чтобы обеспечить своё выживание. Откровенное воровство, паразитизм и не-

формальная экономика может быть обнаружена почти в каждом барачном городке и городском районе, но это не основные пути, которыми они получают нужные ресурсы.

Взаимовыручка — важный аспект каждого успешного барачного поселения и отличает его от блёклых городских районов. Повсюду, начиная со строительства домов, обмена рабочими инструментами и вплоть до работы в общинных садах, на нужду отвечают, используя взаимопомощь. Дарение тоже важно. Один антрополог, который провёл пять лет в посёлке в Гане, предположил, что примерно одна треть всех ресурсов отдаётся. Дарение является важным путём усилить дружбу и построить новые социальные сети. Оно также создаёт «сеть безопасности» для тех, кто не может работать. Вращающиеся кредиты и долги — также общая черта барачных городов. Беспроцентный долг — это способ, которым жители лачуг справляются с неизбежной нестабильностью своего окружения. Получение большого количества капитала зачастую происходит неформально посредством лотерейной системы. Семьи и индивиды вкладывают деньги в общественный розыгрыш, который даётся каждый месяц одному участнику. Это позволяет этой персоне иметь достаточно ресурсов, чтобы сделать большую покупку, например, собрать запасы или начать своё дело.

Накопление богатства не пользуется славой в бараках, оно и непрактично — владение проявляется в пользовании или в присвоении. Более надёжно — отдать свои ресурсы и расширить свою социальную сеть, чем заниматься накопительством. Анархисты могут учиться у этой щедрости на наших конференциях, демонстрациях и собраниях.



ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«Улица — это река жизни»

В неформальных поселениях организация и создания пространства, способ, которым организованы и составлены вместе дома, ширина и направление улиц и формирование общественных мест зависят напрямую от того, как жители организованы социально. Эта организация основывается на родственности. Родственность может развиваться под воздействием множества факторов таких как география, семейные узы и союзничество, дружба и профессиональные связи, а также политических и общественных объединений.

Родственность развивает чувства к кварталу как к единому целому. В отличие от традиционного западного городского жителя, на поддержание и усиление социальных связей жертвуются значительное количество времени и ресурсов. В бараках Ганы большая часть годовых экономических доходов семьи тратятся на общинную активность вроде праздников, свадеб, вечеринок и крещений. В Лиме мужчины проводят половину дня, общаясь в больших группах, в то время как женщины проводят ещё больше времени в подобных группах. Дети в почти всех неформальных поселениях проводят большую часть своего времени для прогулок в больших смешанных группах из взрослых и детей.

Социализация — это ключ к физическому, политическому и экономическому выживанию внутри барачных об-

**APOYEMOS
LA LUCHA
DEL AJUSCO**



**BELVEDERE, 2 DE OCTUBRE Y
BOSQUES**



щин. Благодаря широко распространённому предубеждению против жителей барачков и их нужде входить на враждебные территории для работы, они нуждаются в широкой сети, чтобы защищаться от нападений извне.

Им также нужны скрепляющие социальные сети, чтобы защищаться физически от регулярных нападений полиции, армии, парамилитаристских формирований и прочих правительственных агентств в барачных кварталах. Социальные сети создают клей, который держит временные коалиции сквоттеров вместе, чтобы начать широкомасштабные политические кампании, и сделать их резистентными и к кооперации с властью, и к разделяющей тактике властей. Эти альянсы также эффективны при контроле разрушительных сил внутри поселения. Использование сплетен, ostracism и других форм социального контроля ограничивает разрушительное поведение в тесно переплетённых районах.

Индивиды зависят от сложной и обширной паутины экономических связей. Эти паутины широки и поддерживаются дружбой и другими формами сосуществования. Например, для отдельных семей было невозможным получить материалы и предоставить весь необходимый труд, чтобы построить адекватный кров без помощи этих социальных сетей. Даже образование, здравоохранение и основные услуги зависят от неформальных общественных отношений.

Постоянная нужда в социализации влияет на способ, которым используются пространства. Неформальные поселения подчёркивают пространства зачастую тем, что формулируют их заново. Границы между общественным и частным, так любимые урбанистами, стираются, а иногда и не существуют в этих общинах.



Большинство пространств накапливают множество использований — улица может быть местом для игр в футбол, торговли, гуляний, хвастовства и транспортным коридором в одно и то же время. Частный дом является не просто жилым помещением, но ещё и тор-



говой лавкой, яслями и общественным садом. Далее, пространство внутри дома не специализировано так же, как в западном жилом помещении. В течение дня отдельная комната может использоваться как спальня, гостиная, столовая, детская и место для работы — иногда всем одновременно. Всё это увеличивает силу социализации в этом типе общин.

Те же самые принципы социализации могут быть применены к нашим инфошопам, автономным зонам и собраниям. Мы должны с готовностью уделять время и создавать пространство для осмысленной социализации.

ДЕЛАЙ–САМ АРХИТЕКТУРА

ДЕЛАЙ–САМ–этика — это больше, чем стратегический способ использования ограниченных ресурсов; это также некоторое количество важных преимуществ над коммерческими и профессиональными предприятиями. ДЕЛАЙ–САМ создаёт большее (со)участие, чем потребительское отношение профессиональных встреч. Оно также позволяет индивидам приспособлять свои проекты к своим желаниям и навыкам, окупает деление навыками, в отличие от накопления навыков, предпочитаемого экспертами. Коммунальные проекты, вроде постройки сараев, традиционно были важны для сохранения сильных социальных связей внутри общины. Этика ДЕЛАЙ–САМ вознаграждает самостоятельных: навыками, ресурсами и помощниками. Возможно, самое главное — в том, что она даёт силу индивидам и создаёт по-настоящему общий вклад в общину. Эти проекты процветают в каждой барачной общине, варьируясь от сложных санитарных систем до простых фут-

больных полей. Наиболее общий проект — это архитектура: строительство домов и прочих структур. В капиталистическом мире царство архитекторов, строительных инспекторов, инженеров и других экспертов настолько совершенно, что мы едва ли можем представить себе людей,



конструирующих для себя жилища. Экспертам сегодня удалось скрыть тот факт, что до прошлого столетия большинство домов были сделаны собственными руками. В любом случае, с новыми технологиями и ресурсами было бы легче построить экологический ДЕЛАЙ-САМ-дом... и так оно и есть. Бараки доказывают это.

Барачная ДЕЛАЙ-САМ-архитектура органична по природе — она уважает естественные характеристики местности. Этот органический характер отражается в способе, каким обращаются с землёй: обычно не происходит значительных раскопок, переноса почвы, создания или разрушения холмов или долин.

В большинстве барачных строений форма следует за функцией независимо от имеющихся ресурсов. Ведь неформальные структуры не имеют ни отчуждающей монотонности, ни обезчеловечивающего размаха модернистской архитектуры. Даже самые бедные ДЕЛАЙ-САМ-структуры не лишены полностью орнаментов или украшений, но они выполнены в характере и вкусе тех, кто там проживает.

В отличие от того, что можно было бы ожидать, неформальная архитектура не означает примитивной архитектуры. Многие барачные структуры построены из прочных материалов, таких как кирпич, бетон и штукатурка, следуя традиционным строительным технологиям и стилям декорации. Переработка строительных материалов — распространённая практика, как и обмен материалами, инструментами и навыками. Большинство барачных строений никогда не были «завершены», форма строения текуча, комнаты постоянно добавляются, если надо.

Использование неформальных структур обычно основыва-

ется на нужде. Обитатели неформальных поселений «владеют» структурой, если живут там, и если они вкладывают работу и усилия в её улучшение, подобно западным сквотам. В большинстве барачных домов нет пустующих или неиспользуемых домов: если семья выезжает из постройки, въезжает другая. «Городской воздух делает тебя свободным!»! средневековая поговорка

Мы не утверждаем, что барачные общины совершенны, или хотя бы, что все бараки обладают вышеперечисленными анархическими качествами. Вместо этого, мы чувствуем, что бараки предлагают настоящую жизненную (и смертельную?) модель того, как мы можем изменить и захватить город. Бараки являются гигантским продолжающимся социальным экспериментом. Они являются проверкой эффективности добровольной ассоциации, децентрализации, экологичности, прямой демократии, взаимной помощи и этики ДЕЛАЙ-САМ в наиболее сложных городских условиях. Если у них получается, то и мы сможем!



НИ ОДИН ГОРОД НЕ СПАСЁТСЯ ОТ АНАРХИИ!

НЕЭФФЕКТИВНАЯ УТОПИЯ

ИЛИ КАК КОНСЕНСУС ИЗМЕНИТ МИР

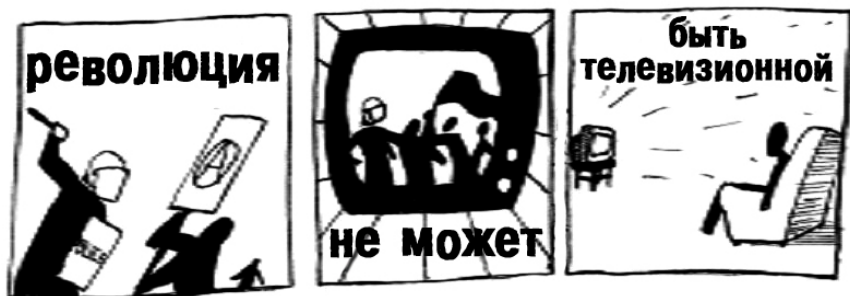
Раз за разом анархисты подвергались критике, арестовывались и убивались «попутчиками» на пути к революции, т.к. нас считали неэффективными. Троцкий жаловался своему соратнику Ленину, что анархисты, управляющие железными дорогами, были «...неэффективными чертями. Отсутствие у них пунктуальности пустит нашу революцию под откос». Ленин согласился, и в 1919-м, анархистская штаб-квартира Северных Железных Дорог подверглась штурму Красной Гвардии и анархистов «лишили их обязанностей». Обвинения в неэффективности были не только поводом к увольнению анархистов с работы, но и оправданием для убийств анархистов властями. Даже сегодня, анархистские принципы проклинаются практически всеми левыми за то, что недостаточно эффективны. Над нами насмеются, потому что мы скорее устроим сквот или варим еду для голодных, чем станем продавать газеты. Эта критика со всей активистской сцены оказала эффект травли. Что ещё более раздражает, чем эти атаки извне, анархисты начали впитывать эту критику и повторять её. Некоторые пытались добиться эффективности такими средствами как служащие, федерации и выборы. Всё это было сделано, чтобы отпугнуть гоблина неэффективности, который преследовал анархизм так долго.

Не верь в наёбку

Вместо этого, возрадуемся неэффективности и откажемся от идолопоклонничества фордистской фабрики политических изменений. Эффективность — это знак современной жизни в Северной Америке: от придорожных ресторанов с fast food до хорошо отрегулированных полицейских штатов. Эффективность есть монета в царстве обездушенных структур вроде Международного Валютного Фонда и разрушающей Землю

сельскохозяйственной индустрии. Желание сделать «больше за меньшее время» не является нейтральной силой в нашей культуре; это помощница хреновых экспертов, специалистов и лидеров.

Не все ринулись, чтобы стать эффективными. Кое-что ещё существует на периферии: неэффективная утопия, культура консенсуса, коллективы и этика ДЕЛАЙ-САМ. Место, где время не куплено, не продано или взято в долг, и где не часы являются главным судьёй нашей ценности. Для многих людей Северной Америки проблема заключается не просто в бедности, но в отсутствии времени, чтобы заниматься вещами действительно значимыми. Это не симптом личной неспособности, но следствие одержимого временем общества. Сегодня, желание эффективности происходит из модели недостаточности, которая является основанием капитализма. Время рассматривается как ограниченный ресурс, когда мы оказываемся пойманными в бессмысленной работе, массово-произведённых развлечениях и — частая жалоба активистов — в скучных собраниях. Давайте же выжмем всё возможное из нашего времени.



В нашей политике и наших проектах анархисты по праву пытались найти значение в пути, а не просто в поставленных целях. Неэффективность даёт нам шанс найти наши склонности и заняться осмысленным делом без песков времени, погребаящих наши идеалы. Несмотря на указания директоров школ и обработанные на компьютере тесты, нужно время, чтобы понять, чем ты действительно хочешь заниматься в своей жизни.

В эффективной дистопии по имени Северная Америка, «вре-

мя — деньги». Но ни времени, ни денег никогда не хватает на то, чего мы действительно хотим. Наши общины сопротивления совершенно верно подчёркивают традиции обмена навыками и знаниями на ДЕЛАЙ-САМ-курсах, тренировках, свиданиях и слётах. В противоположность корпоративным или академическим моделям, ДЕЛАЙ-САМ-обмен навыками требует от занимающихся много времени и встреч, которые создают истинные отношения, основанные на дружбе и взаимном доверии. В погоне за эффективностью важные отношения вроде этих замещаются профессионализацией и (зависимостью) от специалистов. Нужны ли нам действительно «профессиональные» ведущие, чтобы проводить наши встречи? В отличие от обмена умениями, профессионализированные отношения оставляют всех участвующих равнодушными и неудовлетворёнными, идёт ли речь о транзакции, касающейся ремонта твоей машины или заботы о здоровье. Оба, и потребитель и специалист лишают себя возможности приобрести новые навыки и подружиться с новыми людьми. Специалистка оказывается пойманной в том, что она делает хорошо или на чём специализируется, и редко в том, чем она действительно хотела бы заниматься.

Так же пойманная, потребительница теряет свою автоном-



ность, когда отношения сокращаются до эффективного денежного обмена. Эта отчуждённая потребительница работает против своих же интересов: она мало знает о том, кого финансирует. Может быть, она хранит деньги в банке, который даёт их в долг владельцам недвижимости, которые разрушают её район и повышают её квартирную плату. Зачастую мы повторяем эти капиталистические взаимодействия в наших сопротивляю-

щихся общинах, отдавая наши деньги и наше время организациям, о которых мы почти ничего не знаем. Одного хитрого участника Бригады Любопытного Джорджа недавно попросила о пожертвовании участница гигантской анти-военной коалиции, которая таскала с собой огромный мусорный мешок по улицам во время демонстрации! Когда её спросили, где эта большая сумка с деньгами окажется в конечном итоге, (активистка) пожала плечами и невинно ответила: «Вы знаете, если быть честной, я не знаю, я лишь следую инструкциям». Не стоит и говорить, что мы продолжили вместо этого жертвовать свои деньги фонду безопасности. В жизни и в активизме, мы должны знать, с кем работаем; в противном случае добровольная ассоциация — это просто лозунг. Всё это требует времени.

Неэффективность подтачивает идеологические основания современного капиталистического государства. Рабочие знают, что политически мотивированная неэффективность (например, снижение темпа работы) — это важный инструмент для получения власти на рабочем месте. Представьте себе расширение замедления темпа работы на политический процесс и на все аспекты общества. Политическая неэффективность может быть важным инструментом для выявления авторитарных тенденций в крупных группах. Например, на неличной, деловой встрече вы можете отказаться от предопределённого плана акций организаторов и потребовать времени и места для обсуждения реальных альтернатив. Слишком часто активисты давали себя впутать в плохо проработанные, близорукие планы, разработанные крошечными группами и самозванными лидерами. Необходимо отказаться от заготовленной политики таким же образом, каким мы отказываемся



от полу-готовой еды в пользу готовки дома, с друзьями.

Политическая неэффективность

Консенсус может отнять больше времени, чем голосование, но голосование, в таком случае, не более эффективно по времени, чем тоталитаризм. То небольшое, что выигрывается эффективностью, выигрывается за счёт настоящего участия и автономии. В самой своей сути, консенсус требует участия и вклада от всей общины. В контексте взаимного доверия, консенсус является одной из немногих моделей принятия решений, которые действительно противостоят авторитету, защищая автономию индивидов и малых групп. Если консенсус работает, все могут принять участие и все желания принимаются в расчёт. И т.к. нет магической формулы для создания хорошего собрания или общественного взаимодействия, мы никогда не должны приносить свои идеалы и политику в жертву фальшивому единству.

«Одной из наименее эффективных утопий, которые я когда-либо видела, была скромная сапатистская деревня в горах на юго-востоке Мексики. Я не шушу, вся деревня садится и днями дискутирует об одном-единственном решении! Каждый имеет шанс услышать и быть услышанным, а некоторые вопросы занимают тонны времени, но все терпеливы и исполнены уважения. Дела действительно делаются. Это как будто время вдруг превращается из тиканья ньютоновских часов в нечто, вращающееся вокруг самых обыкновенных людей.

Мексиканские крестьяне, живущие под постоянной угрозой быть уничтоженными правительством, находят время, чтобы решить всё консенсусом. Для них не чуждо обсуждать проблемы и темы, пока все не согласятся с решением. Я надеюсь жить в обществе, где мы сможем овладеть временем, чтобы показать друг другу, что мы все важны. Вместо того, чтобы отправляться на встречу с тысячами людей в США, мы можем воспроизвести этот процесс в маленькой группе людей. Консенсус — это не двухчасовая встреча, где всё решено заранее! Это время, потраченное на дискус-

сию и понимание тем действительно важных, тактический метод для построения сетей более сильных, чем любая иерархия. Если будет достаточно времени, мы выполним свои дела «деревьями» по сотне, даже по тысяче человек. Это создаст консенсус, который не пытается принудить к однообразности, но поддержит и создаст союзы, празднующие (свои) отличия. Я могу только представлять (все) возможности».

Регина де Брэй, анархистская путешественница и профессиональная любительница

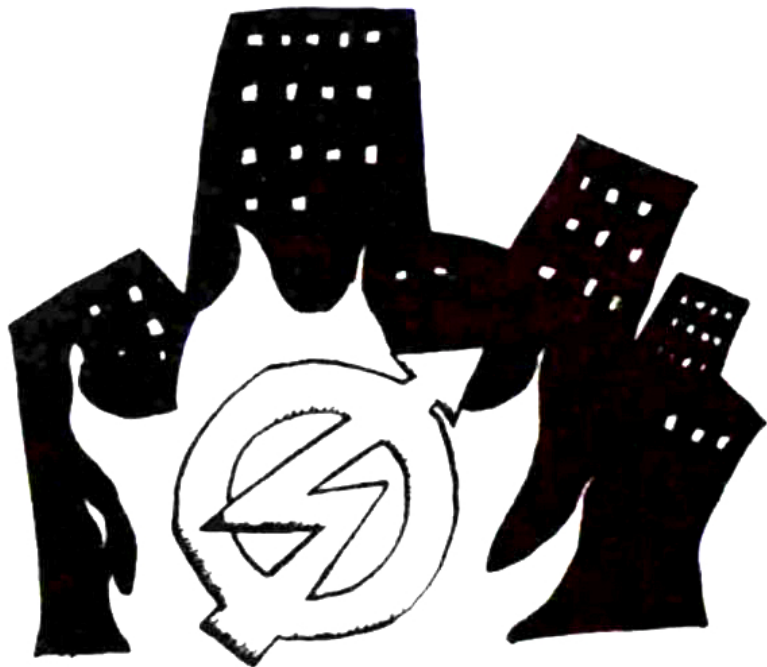
Мы говорим о сохранении биологического разнообразия и этнического разнообразия, но что же с политическим и тактическим разнообразием? Когда голос каждого меньшинства, фракции или индивида принесён в жертву во имя эффективности, горизонт нашей политики сужается. Когда люди оказываются в стороне, мы все терпим поражение. Никогда не путайте эффективность с полезностью.

Неэффективная организация

Аффинити-группы (АГ) оказываются менее эффективными, чем армии, иерархические организации и прочие, основанные на массовом фундаменте, организационные модели. По самой своей структуре, АГ воспринимают серьёзно мнение каждого индивида. Это куда менее эффективный принцип организации, чем партия, чьи лидеры принимают решения в одностороннем порядке. Чего не хватает в АГ — это размера, эффективности и мобилизации ресурсов, они созданы для участия, истинного опыта и солидарности. Динозавры левых говорят нам, что нам нужны армии, захват правительственной власти и, более того, нужно уподобиться государству, чтобы «победить». Почему мы вообще позволяем государству ставить условия для нашего сопротивления? Анархисты могут ответить более гибкими стратегиями. Наши сети охотно отказываются от точной принципиальной платформы и непрерывных митингов. Вместо этого у нас есть нерегулярные собрания, встречи для определённых проектов, разнообразные навыки,

надёжная дружба и неограниченные амбиции, не сдерживаемые организационными иерархиями. Через эти сети доверия люди могут чувствовать себя комфортно на наиболее диких акциях, получая заботу и тепло, необходимые, чтобы не останавливаться. Может быть, они и не вечны и не постоянны, но эти модели редко переживают свою полезность подобно формальным партиям и прочим эффективным организациям, которые влачат существование до полной бесполезности.

Нам не нужно планировать заранее каждую случайность в попытках стать сверх-человеками. Анархисты заботятся друг о друге и о своих друзьях. Несколько команд собираются вместе, чтобы отыграть концерт поддержки локальной стачечной группы и присоединиться к ней, после того, как деньги будут переданы тем, кто в них нуждается. Эти отношения могут быть отношениями взаимной поддержки, может быть, тем музыкантам понадобятся забастовщики, чтобы защищать сквот на следующей неделе! Это сильно контрастирует со многими организациями, собирающими ежемесячные взносы, что-



бы припрятать их в кассах, выжидая «правильного момента», чтобы потратить их. Неэффективные организации позволяют каждому индивиду выразить себя полностью в своих амбициях в кооперации с другими, в отличие от больших групп, где большинство людей — это просто ещё одно лицо в толпе. Наши сети не нуждаются в чиновниках, в манифесте или даже в имени. Могут ли такие сети предоставить значимую альтернативу устоявшейся политической системе? Всего лишь несколько лет назад любимчики армии, интеллектуальная лаборатория (think-tank) RAND Corp., писала о неразрешённых, незарегистрированных элементах на демонстрациях N30 (30 ноября) в Сиэтле:

«Анархисты, используя отличные современные коммуникации, включая новостные интернет-фиды, были способны провести одновременные акции, используя тактики пульсации и роя, координируемые сетями и лишёнными лидеров аффиинити-группами. Это стало примером тех вызовов, с которыми встречаются иерархические организации, сталкиваясь с сетевыми врагами с более быстрыми циклами реагирования. Эта слабо организованная коалиция, используя сетевую организацию и тактику, расстроила попытки полиции осознать ситуацию, что необходимо, чтобы бороться с кажущимися хаотичными беспорядками в Сиэтле».

Неэффективная пропаганда

Требование качественного опыта является важным инструментом пропаганды в обществе, производящем бессмысленное количество: миллиард телевизионных каналов с пустой программой. Один из вызовов, с которыми мы сталкиваемся, - это трансформация пассивных потребителей в активных и творческих участников своих собственных судеб, всеми возможными средствами.

Открытие потоков коммуникации — это ключ к созданию анархии. Граффити, журналы, пиратские радио, subvertising (субверсивная деятельность), изменение рекламных щитов и интернет-страницы могут не достичь широкой публики СМИ, но их импульс более ощутим и для их создателей, и для их

публики. Чем больше людей получают контроль над «посланием», тем больше голосов слышно. Эта децентрализация послания и средств создаёт культуру пропагандистов, неустанно пиратствующих и создающих информацию, дабы сформировать свои собственные послания. Разница между потребителем и производителем стирается, если каждый голос может быть услышан. Это — центральная концепция, стоящая за Independent Media Centers. Возможно, вся дихотомия рухнет, когда медиа-навыки будут выучены и обменены. Это даже более впечатляет, видеть тысячи различных голосов, выражающих уникальные перспективы из своей частной ситуации, чем одни и те же массово изготовленные щиты с «главной темой недели», раздаваемые организаторами на каждой крупной демонстрации.

Анархисты не только пытаются увеличить свою публику, но ещё и увеличить разнообразие средств и людей, у которых есть способность достигнуть публики. Создавая культуру пропагандистов, умеющих распространить свои послания, наши коммуникации становятся одновременно более честными и более сложными. Фокусы, используемые капиталистической рекламой, чтобы одурачить нас для покупки их новейшего продукта, могут быть трансформированы в оружие в наших руках для разрушения системы. Сексистский рекламный щит, продающий Coors, превращается в призыв к веганству, изумляющий проезжающих мимо автомобилистов. Пропагандистские книги становятся более значительными, когда их страницы вырываются, копируются, похищаются, интерпретируются заново, публикуются и раздаются.

Тактическая неэффективность

«Вы — толпа анти-организаторов, а мы сражаемся для того, чтобы победить» — это частая критика против тех, кто разделяет какую-то нашу тактику в активистском сообществе. Активисты, стремящиеся к эффективности, хотят, чтобы мы поверили, что анархистские принципы могут быть хороши в идеальном мире или даже после удобно отдалённой Революции, но сейчас они непрактикабельны, эгоистичны и опасны. Эти

активисты нудно маршируют под выцветшими флагами политической дисциплины, продуктивности и чувствительности. Что в этом ироничного, так это то, что эти группы зачастую наименее эффективны на улицах, по крайней мере, что касается общественных и политических изменений. Тридцать с гаком лет демонстраций по округе с лозунгами на фанерных щитах принесли мало пользы против бойни капиталистической и государственной власти в Америке. Может, пришло время попробовать что-то новое? Легко, наверняка, не будет. Наши враги достаточно объединены, чтобы ставить нам на пути крупные препятствия. У них есть армии, СМИ, деньги, ресурсы, тюрьмы, религии и бессчётное количество других инструментов в их распоряжении, чтобы остановить любое революционное изменение, рискующее свергнуть их актуальные властные позиции. Наши неэффективные модели являются самым реальным шансом продолжать расширять возможности сопротивления. Консенсус позволяет нам использовать все идеи всех участников. Возможность дать нашим проектам наибольший шанс на успех, прислушиваясь ко мнению каждого и воспринимая его всерьёз, стоит затраченного времени. Нам потребуются все наши умения, ресурсы и творчество, чтобы сопротивляться им, воссоздавая наши жизни и общество.

Только в группах, где они чувствуют, что их ценят, им доверяют и защищают их, люди будут хотеть тратить время на презентацию непопулярных взглядов и предложений, что предопределил результат проекта. Ответственность должна быть основана на дружбе и автономии, а не на рабском следовании лидерам, платформам или абстрактным догмам. Каждая личность в АГ должна быть ответственна за свои действия, слова и поступки перед товарищами, которым она доверяет более всего. Мы отвергаем игру обвинений и упрёков, столь распространённую в эффективных группах. С каждой личностью, принимающей полную ответственность за свои дела, не будет никого, кто оказывался бы более виноват, чем остальные. Давайте все станем ответственными перед собой, так, чтобы мы смогли вырасти и научиться на своих собственных ошибках и были бы отмечены успехом. Понять людей, развить дружбу и доверие требует времени. Наивно думать, что провозглашением платформы или общих пунктов мы мо-

жем развить доверие и солидарность с незнакомыми людьми. Политика не должна быть привязана к какой-то абстрактной стреле времени, освящённой лидерами или заплесневелыми книгами, но должна определяться нашими собственными инстинктами и желаниями! Требуйте времени подумать, формируйте значащие отношения и наслаждайтесь путешествием. Во имя всякого шанса на успех, мы должны любить друг друга больше, чем наш враг нас ненавидит. Ради этой цели, неэффективность — это наше оружие.



ЭТО - НАРОДНАЯ АНАРХИЯ



О какой же анархии мы говорим? Какие нити объединяют эту анархию, состоящую из мятежей в больших городах, эту анархию, которая сегодня забирает то, что завтра уже никогда не вернёт? Это - народная анархия; анархия, созданная для простых людей руками простых же людей с необычной судьбой. Народная анархия требует мировой революции, и поэтому, находясь в тени динозавров, эти люди строят новый мир уже сегодня. Помочь простому народу понять, что они способны создать что-либо – наша цель, наше стремление и наша задача.

Народная анархия vs. Псевдоанархия

Народная анархия – это больше, чем мечта; это способ описать то, что мы делаем уже сегодня: как уживаются наши проекты и страсти (чувства), наши недостатки, – словом всё.

Это не ещё одна идеологическая фракция, которая слишком занята созданием теорий для внедрения их в анархизм, а, скорее, эволюционирующий подход, описывающий то, что уже создано нашими сообществами. Даже наши маленькие победы гораздо более значимы, чем думают динозавры или иногда даже мы сами.

Мы начали эту книгу с неправильного осуждения динозавров и всех тех, кто впадает в благоговение перед властью держащими, когда было бы гораздо разумнее сконцентрироваться на том, что позволяет сделать анархию. В конце концов, динозавры явно обречены: их военная техника поставила под угрозу будущее человечества, а их промышленная инфраструктура может с легкостью разрушить экосистемы ещё в течение нашей жизни. Вопреки волне разочарования, народная анархия подает надежду на то, что, если получше присмотреться, то всё не так уж и плохо.

Такой подход к анархии базируется на нескольких основных принципах, вращающихся вокруг обычных людей, которые противопоставляются мифической иллюзии о необычайном/ой «Народе/Нации». Некоторые лицемерные критики могут быстро указать на то, что именно национал-социализм создал понятие о Народе/Нации. Однако, мы используем термин «народный», как если бы говорили о фолк-музыке Вуди Гатри и народных сказках Зоры Нил Хёрстон, а не так, как над ним надругались нацисты в названии Фольксвагена. Фашизм требует централизации власти, расцвета иерархии и чистоты (неважно этнической или идеологической). Очевидно, что народная анархия полностью противоположна фашизму: она создает децентрализованные сети, яро защищает нашу автономию и известна разнообразием как личностей, так и их идей. Мы не хотим отказываться от образа народа, который забирает контроль над своей жизнью в свои собственные руки у прош-

лых и будущих фашистов; мы возвращаем себе эту идею, так как сегодня она значима и вдохновляющая. В мире, где слова могут не значить ничего, «анархия» является словом, за которое стоит бороться.

Народ – это не новшество в анархии. Это не приставка, как в случае с зеленой анархией, ни суффикс, как в анархо-коммунизме. Народная анархия противостоит ортодоксальности, включая анархо-ортодоксальность! Народ – это не фракция, не отделившаяся группа и не сопротивление другому направлению. У него нет своего цвета в анархистской радуге: он охватывает весь спектр. Настоящая анархия основывается на сети практик, которые, кажется, цветут в любом месте, которое не подвержено контролю динозавров. Народная анархия распространяется по фавелам и фермам, по сквотам и уличным демонстрациям, и везде она имеет разный вид. Люди могут применять народный подход к анархии и в то же время сохранять свои политические установки, такие необычные, как «tranarchy», или включающую в себя понятие большого шалаша анархию Чака (Chuck's anarchy).

Слово «народ» описывает участников (в этом же смысле используется термин «народное творчество»), а не их идеологию. Не принимаются только те подходы, которые подразумевают под собой авторитаризм, профессионализм и элитизм.

Нет одной-единственной «Народной Анархии» и, будем надеяться, её никогда и не будет. Современная анархия становится Анархией с заглавной буквы, а со всеми необходимыми платформами и обширным историческим багажом, она превращена из деятельности людей в ещё одну затхлую идеологию для продажи.

Культура как вызов

В то время как культура может быть кооптирована, народные подходы к анархии – нет. Как только что-либо кооптируется, становится чьей-то собственностью и создается корпорациями, можно считать это потерянным для народа. Уличный торговец может впарить тебе нашивку с А в круге, в магазине тебе могут продать книгу по теории анархизма (даже мы про-

давали тебе такие книги!), но никто и никогда не сможет продать тебе опыт жизни в анархии. Ты должен прожить это сам. Капиталист может продать тебе компьютерную игру, в которой по сценарию ты будешь участвовать в восстании, но он не может продать тебе те ощущения, когда ты бежишь по улицам в солидарности с другими людьми. Торговцы желанием могут продать тебе роман, но они не могут продать тебе нежные объятия нового/ой любовника/цы. Мы никогда не будем удовлетворены образами, теориями, манифестами, веб-страницами и книгами. Требуя реальных вещей – анархии в нашей собственной жизни – прямо здесь и прямо сейчас.

Дороги, которые ведут нас от того места, где мы сейчас, туда, куда мы хотим попасть, трудны, но союзники и орудия, в чьей помощи мы нуждаемся, уже доступны. Народная анархия – это воровская культура, которая мотивирует нас красть самое лучшее от каждой идеологии, самый удачный опыт прошлых лет и творчески использовать их в настоящей борьбе, чтобы создать воодушевляющий опыт и вдохновляющий пример жизни. В этой жизни мы можем создать активизм, который будет по-настоящему революционным, если нам хватит смелости перешагнуть слабую организацию общества, основанного на стереотипах, фетишировании насилия, как и миллион других тупиков, которые используют активисты, помещенные на динозаврах. В нашем стремлении распространить анархию не может быть никаких оправданий (какими бы подходящими они не были) бездействию. Некоторые попытаются разубедить нас, указывая на то, что сейчас не время революции. Но нет никакого времени революции. Время не контролирует нас: мы сами создаем время, революционное или нет. Когда мы освобождаем себя от пут рутины и иерархии, то время революционно. Капитализм учит нас, что мы - отметки на графиках: точки в демографических пирамидах, которые



рождены ездить каждый день на работу, потреблять и, в конце концов, умереть. Каждая клеточка нашего тела знает, что существует что-то ещё помимо этого гнетущего круговорота и что мы жаждем реальных связей с другими людьми. Анархия – это не только политическая стратегия или набор тактик; анархия – это сеть осознанных связей, которые сейчас осознанно глобальны. Каждое прямое и личное действие солидарности, которое осуществляют анархисты, строит и усиливает эту сеть. Когда ребята из Северной Америки путешествуют в Южную Америку и встречаются с местными анархистами, сеть растёт точно так же, как когда мы встречаемся и общаемся с людьми, живущими ниже по улице и которые ни разу не слышали об анархии. Те люди, которые живут ниже по улице, могут задать нам жару в плане анархической деятельности! Как бы то ни было, может ли просто проживание жизни на пределе возможного быть революционной стратегией, которую стоит преследовать? Заслуживает ли революция того, чтобы не только умереть за нее, но и жить ради неё?

Сообщества сопротивления сталкиваются с революцией повседневной жизни

Ежедневная практическая активность жителей племен воспроизводит, или продолжает, племя. Производство включает в себе не только биологический, но и социальный аспекты. Посредством ежедневных занятий, жители племен не только воспроизводят группу людей, они воспроизводят племя, или особенную социальную форму, в рамках которой эта группа людей осуществляет специфическую деятельность в специфическом виде. Ежедневная деятельность рабов воспроизводит рабство. Если ежедневная жизнь капиталистов воспроизводит капитализм, ... что создаст ежедневная жизнь анархистов? Может ли это быть ... анархией?

Преподаватель социологии Стэнфордского университета, который стал представителем Фронта Освобождения Земли (ELF).

Революция ежедневной жизни служит основой наших сообществ сопротивления, и ни одно настоящее сообщество сопро-

тивления не может существовать без революции ежедневной жизни. Следствием этого является тот факт, что если наступит революция, она не только воодушевит людей на личное изменение, но и спровоцирует формирование революционных сообществ.

Чтобы достичь этих высоких целей, нам нужны достаточно сильные люди, которые могут отказаться погибать за идеологию и ради личной выгоды, люди, которые могут не только разрушить существующую капиталистическую систему и её институты, но которые на 100% предотвратят появление следующего динозавра. Очень легко будущим революционерам попасть в ловушку власти, став лидерами или президентами нового режима после какой-либо попытки революции. Единственный способ не пойти по стопам динозавров – отказаться от этих привычек в нашей повседневной жизни. Прошлый опыт революций показал нам, что жестокий отец, мелкий чиновник из захудалой коммунистической партии или авторитарный предводитель революционной ячейки – все они станут кончеными диктаторами, как только доберутся до власти. Мы думаем, что любящий свободу индивид, который ставит под сомнение власть, создавая революционные ситуации при каждом взаимодействии, с большей вероятностью действительно разрушает власть. Даже в одиночестве эти люди могут сделать столько всего. При работе в сообще-



стве их потенциал растёт экспоненциально. Анархист получает возможность в реальности практиковать анархию посредством жизни в такого рода сообществах.

Эти сообщества находятся в сопротивлении именно потому, что они распределяют власть между всеми, противостоя внутренним и внешним позывам централизации власти. Аффинити-группы, децентрализованные сети, коллективы и консенсус – это всё народные методы, которые используются в этих сообществах сегодня и потребуются в будущем. Это не просто средства для достижения цели, они сами по себе являются целью. Некоторые могут назвать это «утопичным». Только потому, что анархистам удастся использовать это на собраниях и в инфоцентрах – возразят критики – это не значит, что возможно построить успешные сообщества, основываясь на таких же принципах. Однако, невозможное существует вокруг нас, и критики увидят это, как только отключат свои телевизоры и компьютеры: женщины, создающие свои сообщества в Чиапасе, панки, раздающие еду в Tompkins Square Park, tree'sitters, рассказывающие истории в лагере Каскадии – мы окружены народной анархией. Да, все эти примеры из различных сфер радикального сообщества, но кто сказал, что у нас должна быть одна-единственная утопия? Как только обычные люди достигнут того места, куда, как нам говорили эксперты, мы не сможем никогда прийти, мы продолжим свой путь и придём в еще более невозможное место.

Народная анархия означает “просто быть собой”. Давайте применим эту максиму не только к политике, но и к нашим собственным жизням. В конце концов, что может быть более утопичным, чем ожидание изменений после следующих выборов, пока федерация будет на несколько членов больше или пока теория будет усовершенствована? Что может быть более реалистичным, чем требование революции в повседневной жизни, раздача бесплатной пищи, засквотированный дом, поэзия, которая разожжёт сердце, и пламя, которое необходимо для того, чтобы сжечь их банки дотла. Народная анархия одновременно утопична и реальна в лучшем смысле этих слов. Быть собой помогает предотвратить бессмысленные тусовки и пользующиеся чрезмерным спросом революционные понты, которые являются симптомом отсутствия сообщества, где лю-

ди могут по-настоящему выражать свои страхи и надежды в честном общении.

Такое общение — это краеугольный камень наших сообществ и наших жизней. Сообщества не должны быть временно или территориально определены, чтобы быть реальными и имеющими смысл. Слишком много людей живет в одном доме, но даже не знают друг друга. Сообщества могут существовать, будучи растянутыми во времени или пространстве. Подумайте только о постоянно растущем количестве Интернет-сообществ, в которых большая часть участников никогда не встретится лицом к лицу. Однако, какими бы большими ни были расстояние или время, которые нас разделяют, людям необходимо встречаться лично. Народная анархия существует, когда люди встречаются и объединяются в одном и том же месте в одно и тоже время, будь то на социальных форумах,



мобилизациях, в домах, на музыкальных шоу или во время путешествий. Сообщества связаны друг с другом чем-то общим, и это, определенно, не только общие идеалы или общая платформа. Сообщества либо держатся вместе благодаря общему опыту, пролитой крови и поту, любви и битве... либо разваливаются.

Сообщества не только рождаются, они еще и умирают и это также является источником силы. Привязанность к старым моделям часто ведет к удушению воображения... а нам нужен весь наш творческий потенциал. Давайте построим эти революционные сообщества, основанные на особенных и изменяющихся реалиях. Мы не должны бояться оставить наши старые сообщества; другие могут взять их и сделать их своими собственными точно так же, как мы когда-то унаследовали их от кого-то другого. Мы ночные воры, которые берут самое лучшее и используют это для наших целей, а затем продолжают двигаться. Мы освобождаем воображение. Анархия – не конец, анархия – это только начало. Смерть чистоте!

Да здравствует гибрид!

Гибриды выживают там, где умирают чистокровки. Как и динозавры, наиболее «чистые» создания слишком узко специализированы ценой их приспособляемости, и они не могут выжить, как только их среда вдруг неожиданно изменяется. Вечный поиск теоретической и практической чистоты изнуряет и, в конце концов, сам себя уничтожает. В каждой язвительной беседе, в каждом гневном письме, в каждом визге в письмах к редакторам анархо-журналов, легко заметить, что теоретики становятся всё более и более ограниченными. Некоторые из нас продолжают нападать друг на друга в угоду нашему любимому абсолютистскому мировоззрению с такой злобой и язвительностью, которую надо бы оставить для тех, кто нас притесняет. Слишком часто это отвлекает нас от необходимых обсуждений тактик и стратегий, и заставляет сконцентрироваться на своего рода конкурсах “Кто популярнее?”, идеологическом мошенничестве и культе личности, что так вызывает презрение в мейнстримовых политиках и левых. Вместо усовершенствования широкая анархо-ортодоксия заброшена. Несмотря на лучшие попытки групп, которые ищут специфич-

ный, гомогенный, последовательный путь американского анархо-сообщества, его не существует: он разнообразен, подвижен, децентрализован, хаотичен и приспосабливаем. Распространение народной анархии очень просто. Индивидуальные социальные отношения – основа для гибридных сетей и сопротивления. Когда кто-то из Вирджинии и кто-то из Калифорнии встречается на конференции во Флориде, и там они работают вместе, играют вместе, влюбляются и поддерживают связь после того, как разъедутся по домам, они создают сеть. Когда они посещают друг друга и привозят с собой друзей, координируют их следующие поездки и помогают друг другу в пути, строится и укрепляется единственная важная мировая сеть. Завтра они могут драться с мусорами, стоя плечом друг к другу; засаживать растениями сады для поддержания сельского хозяйства на уровне сообщества или работать в коллективных пространствах.

Такие сети начинают своё существование с совместной работы отдельных личностей, затем они (сети) быстро превращаются в гибридные сообщества, которые могут влиять на нашу с вами повседневную жизнь. Эти осязаемые взаимоотношения между местной, региональной и глобальной борьбой были очень четко сформулированы такими группами, как сапатисты и проч. Осознавая, насколько связаны мировые репрессии и на что пойдут наши враги для сохранения власти, мы понимаем, что наше сопротивление должно быть еще более сильным и высокоорганизованным.

К примеру, угроза индейцев Ува совершить массовое самоубийство в Колумбии мобилизовала активистов в США и Европе, начиная с безработных Earth First!-еров и заканчивая обеспеченными либе-



ралами, чтобы оказать давление на Occidenal Petroleum. Посредством разнообразных тактик, включающих бойкоты и посещение собраний держателей акции этой компании, удалось заставить компанию расторгнуть договор о добыче нефти на земле Ува. Мы поняли, что любое противостояние глобальным репрессиям должно быть настолько же разнообразным, если даже не больше. По этим причинам никакая платформа, никакая партийная линия не будет значимой и эффективной для всех сообществ сопротивления.

Успешные сети создаются через множество необычных каналов. Мы обмениваемся информацией через Индимедию, периодические анархо-издания, самодельные видео, книги, дискуссионные группы, семинары и опыт повседневной жизни. Мы молодежь, Wimmin, члены этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, творческие люди, пропагандисты, студенты, преподаватели и уличные бунтари. Всякий и каждый может участвовать в мировом сопротивлении, и только посредством разнообразных схваток, мы можем начать отвечать на те не легкие вопросы, которые ставит перед нами жизнь.

ДЕЛАЙ–САМ Политика

Делай-делай-делай, давай-давай-давай

Народная флоридская анархистская песня конца 1990-х

Делание-чего-либо-ради себя полезно не только потому, что нет денег на оплату работы специалиста, но и само по себе. Противопоставленная массовой культуре, этика ДЕЛАЙ–САМ является дико успешной стратегией и философией. Для анархистов из народа, подобный подход создает общее творческое пространство для всех участников с различными материальными ресурсами, в которой мы учимся меньше зависеть в своих навыках и умениях от конкретной личности. Это пространство помогает нам создавать культуры сопротивления.

Хорошими намерениями выстлана дорога в тоталитаризм. Как известно любому корпоративному исполнительному директору, реальное владение ресурсами и деньгами - простейшая и кратчайшая дорога к власти. По необходимости,

ДЕЛАЙ-САМ-этика есть прямо противоположное: обычные люди оказываются вовлечены в совместное использование ресурсов, умений и собственного творческого потенциала с тем, чтобы в результате получить нечто экстраординарное.

Это вовсе не очередной повтор старого спора “ремесленник vs. массовое производство”. Наши анархии должны стремиться к тому, чтобы предоставить возможность каждому научиться делать всё, что он хочет. Не является ли странной ситуация, когда люди, с радостью занимающиеся самостоятельным ремонтом велосипедов или делай-сам-музыкальным творчеством, внезапно начинают цитировать мёртвых теоретиков или слепо копируют государство и прочих динозавров, когда речь заходит о политике? Нам следует быть достаточно смелыми, чтобы самостоятельно творить политику!

Во чреве зверя

Сожжение американского флага стало чем-то вроде обряда инициации для молодых радикалов. По всему миру ясно разносятся призывы “Янки Гоу Хоум”, но в рамках этой ожиревшей нации, сожжение собственного флага приобрело много более злое значение. Интересно, какой феникс восстанет из пепла красно-бело-синего флага, почерневшего от огня?

записка участника чёрного блока
после сорванной инаугурации Буша в 2000-м

Для различных регионов и контекстов требуются различные модели и решения. Народной анархии столько же лет, как и сопротивлению любой форме доминирования, она – такая же неотъемлемая часть американской истории, как насилие и яблочный пирог. В данный момент времени, мы начинаем видеть сознательное ис-



пользование многих этих неосознаваемых принципов среди анархических сообществ Северной Америки. Мы берём пример и черпаем вдохновение в анархическом действии последнего столетия, а также в успешных моделях, отличающихся от традиционно анархических, будь это эгалитарные поселения на захваченной городской земле в Южной Азии, Сапатизм в Чиапасе, бунты на полях сражений, комитеты жилых кварталов в Аргентине, жизнь кочевых этносов и тп. Всякая борьба рождается в конкретном месте, в конкретных обстоятельствах, на основе конкретных ресурсов и местных идей. Наша борьба в США сливается с международной борьбой, создавая народную анархию без границ и рамок. Анархия – не синоним “одной революции”. Анархия означает тысячу революций.

Привилегированным народам стран Первого Мира не помещает задуматься об их роли и деятельности в рамках глобальной борьбы. Мы – дети внутри огромной крепости, некоторые из нас - дети рабов, другие – дети господ. Мы выглядываем из-за парапета. Смотрим на мир, исковерканный и искромсанный ради прихотей хозяев замка. Восстанем ли мы против наших сумасшедших лидеров, или продолжим драться между собой за огрызки с их стола? Как рабочим, художникам, нищим и вора, живущим за стенами Крепости Америка (Россия, Европа), нам следует решить, каким будет наш следующий шаг. Как мы можем наладить сотрудничество с нашими друзьями за стенами замка. По всему миру люди борются ради народной анархии. Ради возможности жить так, как они сами хотят.

Когда анархисты в США (России) соберутся наконец вместе для совместной деятельности и попытаются воплотить в жизнь настоящую анархию, надежды для всех в этом мире станут чуточку больше.

Возможно ли чёрным цветам вырасти в едком чреве зверя? Обещания, которыми сыпят США, не дают нам надежды на пристанище или свой угол в этом мире; пустые обещания Американской мечты никогда не наполняют наши желудки пищей, не дадут нам огня, чтобы согреться. В то же время наше движение растёт. Растёт в тени, вовне софитов СМИ. К сожалению, существующие сообщества сопротивления несовершен-

ны. В то же время они постоянно меняются, сотканые вместе кусочки более древних и экзотических культур сопротивления. Тотемы путника, нашивки, велосипеды, сушки - всё это конечно не бог весть что, но это вызов монокультуре и правлению динозавров. Некоторые анархисты в США откровенно отрицают своё прошлое, предпочитая жить в тени революционной Испании или в Каменном Веке до прихода технологии. В то же время, многие из нас отказались от пораженческих настроений и принялись собирать осколки и потерянные игрушки. Анархия может создать убежище для беженцев из мира динозавров. Для этого сгодится то, что есть под рукой прямо сейчас. Панк или домохозяйка, иммигрант или студент-задрот, все мы хотим быть кем-то большим, нежели то, что предлагают нам ограниченные возможности наших субкультур. И наш лучший шанс воплотить мечту — это создать нечто новое всем вместе. Так давайте не будем создавать ещё одно убежище от динозавров, а займёмся революцией, которая сметёт их. Наша способность напрячь главных динозавров Америки снизит напряжение, которые они создают по всему миру... и кто знает, к чему это приведёт?

Если американская культура кино, торговых центров и газировки не способна воодушевить нас на борьбу, есть другие Америки, которым это под силу: Америки ренегатов и заключённых, мечтателей и изгоев. Кое-что из покорёженных останков “демократического духа”, которому поёт дифирамбы Уолт Уитман, ещё может быть использовано. Кое-что, основанное на субвертации предположения, что у каждого человека есть честь и достоинство: у каждого из нас есть душа, которую поддерживает чувство самоуверенности и инициативы. Эти Америки — Америки отчуждённых и маргинализированных: индейских воинов, борцов за права человека, восставших в горах Аппалачи шахтёров. Прошлые Америки кишат революционными гибридами. Список можно продолжать бесконечно в обе стороны: и в прошлое, и в будущее. Монолит богатой и откормленной Америки должен быть разрушен, чтобы расчистить пространство для многих новых Америк. Культура народной анархии, зарождающаяся на периферии Америки, может дать обильные всходы на плодородной почве под асфальтом великой Американской пустоши.

Каждый(ая), кто вовлечён в наши дни в сопротивление - будь то полная невзгод жизнь, или ещё более тяжёлая борьба - является нашей подругой (другом), даже если мы не можем разделить трапезу, или переговорить. У анархистов и анархисток Америки, с областью нашего влияния столь же бескрайней, как прерии, и мечтами, способными поджечь эти самые прерии, нет единого видения будущего. В США, где люди могут устраивать пиры из выброшенных продуктов, жить в брошенных домах, путешествовать тайными тропами потерянных шоссе и железнодорожных путей, очевидно, что мы находимся в привилегированном положении. Это нельзя игнорировать. Поэтому вопрос стоит так: как американские анархисты могут применить преимущества своего привилегированного положения в глобальном плане с тем, чтобы помочь анархистам на нашей планете? Эта проблема должна вызывать к жизни огромную любовь, бесконечные возможности, глобальную солидарность: будущее, достаточно обширное для всех нас.

Иди и передай своим

Итак, книга почти что завершена. Как можно видеть, до последней страницы осталось совсем немного. Любое заключительное слово о народной анархии по определению будет неверным. Один коллектив не может высказываться за всех. Возможно, в твоём мозгу сейчас скачут мысли “О чём вообще вся эта книга?” Или “И чем же эта народная анархия отличается от старой доброй анархии?” Если подобные вопросы присутствуют, признаемся, что последние страницы не прольют света на ответы. Возможно, твоя концепция анархии - как раз та самая, о которой мы говорим, когда произносим “народная анархия”, или, что более вероятно, часть этих идей на самом деле играет важную роль в твоей жизни. Нет никаких удобоваримых определений или “10 шагов к освобождению”. Чем мы хотели бы поделиться - так это мыслями о том, как эти народные анархии могут работать на деле, как они работают, как мы все можем сохранить в наших проектах живой дух народной анархии.

Народные анархисты и анархистки существуют и в наши

дни, под поверхностью капиталистической империи. Народная анархия создаётся личностями, которые сознательно отказываются от удобных идеологий, позволяют хаосу влиять на свои проекты, полагаются только на то, что есть под рукой. Конечно, нечто столь эклектичное по самой своей природе будет противиться неким единым определениям. Самый большой секрет народной анархии: анархия повсюду! Народная анархия - это то, чем занимаются в наши дни люди по всему свету, повсюду в дикой глуши США (России). Её можно обнаружить в сетевых сообществах анархистов, эко-активистов, кооперирующихся фермеров Северного Центрального Висконсина, мешающих новой схеме централизованной электрификации, которая должна уничтожить дикую природу, отнять поля у фермеров и спровоцировать рост цен на базовые услуги. Анархия поощряет к существованию дюжины пиратских радиостанций, отказывающихся подчиниться новым правилам федеральной комиссии связи, в прямом эфире меняющих пластинки, заполняя эфир многоголосьем повсюду от Сан-Диего до Мэна. Анархия есть даже в проекте бесплатного жёлтого велосипеда в Портленде, штат Орегон, - детище группы энтузиастов-велосипедистов с навыками ремонта велосипедов и связями на местной свалке. Проект "Жёлтый Велосипед", воспроизведённый во многих других городах, просто-напросто позволит жителям иметь бесплатный доступ к жёлтым велосипедам. Их можно будет парковать повсеместно в городе без каких-либо замков. Народная анархия соединяет целеустремлённую сеть незнакомцев и товарищей по заговору, протянувшуюся от Остина до Гейнсвилля, предоставляющих укрытия для беглых подростков, скрывающихся от насилия. Народную анархию можно обнаружить даже в полных угнетения учебных заведениях и на рабочих местах. Народная анархия живёт на окраинах фавел и районов самостроя, живёт в сердцах людей, сначала кричащих "Больше домов, меньше тюрем!", а потом делающих что-то в связи с этой проблемой. Её можно обнаружить в железнодорожных отстойниках и на борту самолётов. Сегодня народная анархия поёт песни в тюрьмах и рассказывает сказки в уютах для бездомных. Народная анархия танцует на следующем концерте Against Me!, она не даёт тебе заснуть, пока ты увлечен(а) афёрой с фотокопиями в

свою ночную смену на работе. Народная анархия - это то, что делают другие. И возможно, это - то, что ты делаешь уже не одну неделю или десятилетие, независимо от этой книги и её содержимого.

Народная анархия развивается неожиданными путями. Она может помочь нам пересмотреть не только обстоятельства нашего угнетения, но и характер нашего сопротивления. Народная анархия помогает нам обрести союзников и заниматься планированием, не зависимо от размера сообщества и того, насколько неземными кажутся наши мечты. Народная анархия даёт нам возможность разрушить препятствия, стоящие на пути у наилучших из наших начинаний. Она даёт нам развивающийся язык, чтобы мы могли объяснить то, что мы чувствуем, защитить то, что мы делаем, и объяснить это другим людям. Она позволяет нам узнавать характерную для динозавров манеру мыслить, помогает нам обнаруживать опасность, лежащую в преклонении перед эффективностью и экспертами, выражать скрытые возможности хаоса и совместного героизма. Она озвучивает то, что мы итак уже знаем сердцем. Народная анархия бросает динозаврам так необходимые им вызовы. Она может быть настолько заурядной, что без труда избежит внимания их камер наружного наблюдения, достаточно умной, чтобы сбить с толку группы слежения. Она может проскользнуть мимо их часовых, может собраться стаей, пульсировать, окружить в мгновение ока. Иногда она помогает нам исчезнуть без следа. Это могут быть сегодняшние новости или давняя история. Анархия творит свою магию на улицах, в инфошопах, на кухне в предрассветных разговорах.

Народную анархию можно использовать, чтобы обрести союзников в самых неожиданных местах. Она может переместить компьютеры в Чиापас. Народная анархия может помочь тебе избежать выгорания или презрения. Предоставляет перспективу и способ организации. Народной анархией можно заниматься в любом проекте, который будоражит твоё воображение. Ей можно заниматься с любой/ым, кто желает положить конец основанным на власти иерархиям. Уроки народной анархии можно применить, чтобы видеть насквозь попытки манипулирования других людей. Чтобы избежать провалов, поглощающих наши ресурсы и мораль. Они могут помочь те-

бе написать книгу и распространить её среди сотни друзей, которых ты ещё не встретил(а). Народная анархия - это процесс, способ организации и восприятия. Она не пытается добавить или отнять что-то к/от анархии. Скорее она высвечивает её наиболее существенные и успешные черты: децентрализация, взаимопомощь, делай-сам, добровольные ассоциации, хаос. Мы занимаемся всеми этими положительными вещами, в то же время принимая угрюмую необходимость деконструкции риторических техник других людей (независимо от того, называют они себя “анархист(к)ами” или нет), которые прибегают к тактикам динозавров и стремятся размыть наши принципы и идеалы.

Народная анархия создаёт возможность сделать собственный выбор. Это настоящий взрыв возможностей, отказ от всего, что воплощает государство и начальник, бандит и банкир, муж-изверг и мусор. Это - пусть и искусственное - но название для бессчётного множества действий, которые подрывают основы власти, освобождают нас от зависимости от капитализма и убийственных интриг Государства. Это – то, что предоставляет нам время для совместной деятельности и для поддержки наших товарищей по борьбе. Это нечто, что пробуждается по утрам без будильника и кофе. Народная анархия даёт нам надежду, когда мы потеряли почти всё, играет для нас музыку, под которую танцуют звёзды в этот последний закат мира динозавров.

Друзья, это – народная анархия.



Письмо из жёны

Анархия не исчезла с окончанием гражданской войны в Испании. Она продолжила жить и возродилась, как только динозавры отвели глаза. Такая революция, как наша – не одноразовая. Нет, она не прекратится, как и чередование времён года. Я надеюсь, вы поймёте, что эта книга – любовное письмо – любовное письмо всем вам, милые анархистки и анархисты, и новым жизням, которые вы создаёте. В мире, в котором нет надежды, вы даёте надежду. Во времена террора, вы учите нас любить. В мире без будущего, вы приносите величайший из возможных дар – настоящее.

Процесс создания этой книги был столь же опасным, сколько и его содержание: страницы тайно пересекали международные границы, электронная почта пересылалась из Независимых центров в самый разгар протестов против G8, общие поправки делались в посёлках штата Чьяпас, сквотах Нью-Йорка, а иллюстрации – во время длительных переездов в товарных вагонах, пересекающих Великие Равнины Северной Америки. Мы надеемся, что это – новый тип книги, написанный не академиками или же последними любимчиками СМИ, но людьми улиц, такими же, как и вы. Если ты – бухгалтер, экономист, магнат, чиновник, специалист по классификации, или какой-то другой тип динозавра, можешь считать это последним предупреждением. Как бы то ни было, если вы найдёте в этих словах хоть малейшее воодушевление – вы на пути, называете ли вы себя анархистами или нет, эта книга для вас.

Эта книга для вас: за всё, что вы сделали и за всё, что вы собираетесь сделать. Мы надеемся, вы найдёте её полезной. Если есть на земле какая-то тайна, то она состоит в том, что вы непобедимы. Мы хотим, чтобы вы осознали свои собственные возможности и задействовали то, чем вы наделены. Рядом тысячи анархистов, таких как вы. Нет

никакой разгадки к революции, нет никакой диалектики, нет ведущей теории. Революция проста. Выйди на улицу, найди ребят, со столь же горячими сердцами – и, если они не смогут представить себе этого, помоги им. Объедините усилия, соберитесь и составьте планы. И затем – осуществите их. Власть динозавров, в конечном счёте, разрушится, как карточный домик. Возможность (не)обычных людей взять свою жизнь в свои руки сияет впереди уже сейчас, непрерывно растущая, постоянно изменяющаяся, вечно дорогая нашим сердцам.

Нет больше нежных прощаний, воодушевляющих последних слов или грусти по вчерашнему дню. Эти страницы представляют собой мимолётный взгляд на мир ежедневных чудес, который мы называем “народной анархией”... или просто “анархией”, если нам это больше нравится. Позвольте разделить с вами улыбку, заговорщически подмигнуть, тепло обнять и поцеловать. Мы встретимся ещё – в этом нет сомнений!! Это конец нашей маленькой книги, но сегодняшний день - всего лишь начало анархии.

С любовью, Н.



Контактная информация

Укради эту книгу!

Все изображения и текст из этой книги можно найти в
Интернете на сайте: **ageofdinosaurs.net**

Народная культура начинается дома!

Для связи с Бригадой Джорджа: cgb@ageofdinosaurus.net

Наши соучастники:

МАНА

maha@ageofdinosaurus.net

Dominant Fiction

domfiction@ageofdinosaurus.net

Ваши дружелюбные соседи CrimethInc. agent
agent@crimethinc.net

манифест CrimethInc. Underground на
crimethinc.com или crimethinc.net



Перевод: Alien, Ami, Fey, Ndjera, Tia

Вёрстка: хинфраструктурщикх

ПО для вёрстки: ubuntu 11.04, scribus 1.3.3, gimp 2.6.11

страничка в интернете:
goodbooks.noblogs.org

Никаких преград для анархии!

Только вперёд!